

Марльз Диккенс

Наш
общий
ДРУГ

Книга 1

Чарльз Диккенс

Наш общий друг. Том 1

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1865

УДК 821.111

Диккенс Ч.

Наш общий друг. Том 1 / Ч. Диккенс — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1865

ISBN 978-6-17-126586-8

Англия 1860-х годов. Белла была завещана в невесты. Лишь по причине одного несчастного случая Беллу миновала эта участь. Красивую, но бедную девушку взяла под свою опеку пожилая пара. Они хотели вывести ее в свет. Но Белла влюбилась в загадочного секретаря, забыв обо всем... На Лиззи, дочь лодочника, обращает внимание небогатый джентльмен Юджин. Лиззи старается избегать его внимания. В юную девушку влюбляется еще один мужчина: неуравновешенный учитель ее брата, который ради нее готов даже на преступление...

УДК 821.111

ISBN 978-6-17-126586-8

© Диккенс Ч., 1865
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1865

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	17
Глава IV	27
Глава V	35
Глава VI	46
Глава VII	57
Глава VIII	63
Глава IX	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Чарльз Диккенс

Наш общий друг. Том 1

© Мельникова Л. В., наследники, перевод на русский язык, 2019

© Н. Дарузес, наследники, перевод, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке
и художественное оформление, 2019

Часть первая Уста и чаша

Глава I На ловле

В наше время, хотя едва ли стоит упоминать, в каком именно году, между Саутуоркским мостом, построенным из чугуна, и Лондонским, построенным из камня, в один ненастный осенний вечер по Темзе плыла грязная и подозрительная с виду лодка, в которой сидели два человека.

Один из них был крепкий старик с лохматой седой головой и загорелым лицом, а другая – девушка лет девятнадцати-двадцати, смуглая и настолько похожая на старика, что в ней сразу можно было узнать его дочь. Девушка гребла, легко взмахивая веслами; старик не правил рулем: засунув руки за пояс, он зорко смотрел на воду. У него не было ни сети, ни удочки с крючками, и потому он не мог быть рыбаком; лодка была некрашенная, без надписи, без подушки для пассажира – в ней не было ничего, кроме ржавого багра да свернутой кольцом веревки – поэтому он не мог быть и лодочником; самая лодка была слишком неустойчива и мала для того, чтобы перевозить в ней грузы, – поэтому он не мог быть ни перевозчиком, ни бакенщиком. Непонятно было, чего именно он ищет на реке, но он чего-то искал настороженным и зорким взглядом. Час тому назад начался отлив, вода в реке убывала, и старик легким кивком головы указывал дочери, как вести лодку: то против течения, то по течению, обгоняя отлив и держась вперед кормой; он зорко вглядывался в каждую струйку, в каждый водоворот на широкой полосе отлива. Девушка следила за отцом так же настороженно, как он следил за рекой. Но в настороженности ее взгляда был замечен и какой-то страх, даже отвращение.

Покрытая илом и речной тиной, вся разбухшая от воды и потому более сродни подводной, чем надводной стихии, эта лодка с двумя людьми в ней, по-видимому, делала свое привычное дело и искала то, чего издавна привыкла искать. Без шапки, взлохмаченный, с оголенными выше локтя загорелыми руками и сквозящей под космами бороды голой грудью, едва прикрытой концами кое-как завязанного шейного платка, старик глядел полудикарем, однако по его деловито-сосредоточенному виду заметно было, что это занятие ему знакомо с давних пор. Привычка к делу сказывалась и в каждом движении девушки, в каждом повороте ее гибкой фигуры, быть может, больше всего в ее взгляде, выражавшем страх и отвращение, – видно было, что все это для нее не ново.

– Прибавь ходу, Лиззи. Тут сильное течение. Постарайся его обогнать.

Положившись на ловкость девушки и уже совсем не правя рулем, старик сосредоточенно вглядывался в волны настигавшего лодку отлива. Дочь так же внимательно следила за ним самим. Но вот косой луч заходящего солнца случайно упал на дно лодки и, коснувшись темного пятна гнили, похожего на закутанное человеческое тело, словно залил его кровью. Девушка невольно вздрогнула.

– Что с тобой? – спросил отец, который сразу это заметил, как ни занимал его двигавшийся вместе с лодкой отлив. – По воде ничего не плывет.

Красный луч погас, девушка успокоилась, и старик, обернувшись на мгновение и окинув лодку быстрым взглядом, снова стал смотреть в воду. Там, где сильное течение встречало какую-нибудь помеху, его взгляд всегда задерживался. Алчно горящие глаза рыскали по цепям и канатам причалов, по стоявшим на якоре лодкам и баржам, за кормой которых течение расходило веером, по быкам и устоям Саутуоркского моста, по колесам паровозов, взбивавшим

грязную пену, по стянутым скрепами звеньям плотов, спущенных на воду около верфей. Прошло не меньше часа, уже темнело, как вдруг старик взялся за руль и, круто свернув налево, стал править к сэррейскому берегу ¹.

Не спуская с него глаз, девушка послушно отозвалась на его движение, снова заработав веслами: лодка повернулась кругом, вздрогнула, словно от толчка, и старик всем туловищем перегнулся за корму.

Девушка натянула на голову капюшон плаща, закрыв им все лицо, и направила лодку вниз по реке, обгоняя отлив. До сих пор лодка вертелась почти на одном и том же месте, едва справляясь с отливом, теперь же берега быстро летели мимо: мелькнули сгустившиеся тени и загорающиеся огни Лондонского моста, – и с обеих сторон снова потянулись ряды кораблей.

Только теперь старик разогнулся и сел в лодке по-прежнему. Руки его были мокры и грязны, он вымыл их за бортом. В правой руке он что-то держал, и это что-то он тоже прополоскал в реке. Это были деньги. Прежде чем положить монеты в карман, старик звякнул ими, подул на них и поплевал – на счастье, как объяснил он хриплым голосом.

– Лиззи!

Девушка, вздрогнув, повернулась к нему лицом, но продолжала грести молча. Она сильно побледнела. Крючковатый нос старика вместе с блестящими глазами и взъерошенными космами волос придавал ему сходство с потревоженным стервятником.

– Открой лицо!

Она отбросила капюшон.

– Вот так! И давай мне весла. Теперь я сам буду грести.

– Нет, нет, отец! Я, право, не могу. Отец! Не могу я сидеть так близко к нему.

Он двинулся было к ней, чтобы перемениться местами, но, видя ее испуг, снова сел на место.

– Что он тебе может сделать?

– Ничего не может, я знаю. Только мне этого не вытерпеть...

– Ты, кажется, реки видеть не можешь.

– Я... я ее не люблю, отец.

– А ведь ты рекой живешь! Ведь она тебя кормит и поит!

Девушка снова вздрогнула и на минуту выронила весла: она была близка к обмороку. Старик этого не заметил – он глядел в воду, на то, что тянулось на буксире за кормой лодки.

– Как тебе не стыдно, Лиззи! Ведь река твой лучший друг. Уголь, который согревал тебя в младенчестве, и тот я вылавливал из реки, возле угольных барок. Корзинку, в которой ты спала, и ту выбросило на берег приливом. Даже качалку для твоей колыбели я сделал из обломка, выкинутого на берег волной.

Лиззи, положив весло, поднесла правую руку к губам и ласково послала отцу воздушный поцелуй. Но только что она взялась снова за весла, как вторая лодка, с виду очень похожая на первую, но не такая грязная, бесшумно выскользнула из тени и пошла рядом.

– Опять повезло, Старик? – криво ухмыльнувшись, спросил гребец, который был один в лодке. – Я так и знал, что тебе повезло, – заметно по следу.

– Вот как! – сухо ответил старик. – Значит, тебя уже выпустили?

– Да, приятель.

Теперь на воде лежал мягкий лунный свет, и человек во второй лодке, пропустив первую вперед на половину длины, стал пристально разглядывать след за ее кормой.

– Только я тебя завидел, сразу же сказал себе: «Вон Старик, и опять ему повезло, ей-богу повезло!» Это веслом задело, приятель, не беспокойся, я-то до него и пальцем не дотронусь.

---

¹ Сэррейский берег – южный берег Темзы в пределах графства Сэррей; часть графства входит в состав Лондона.

Этими словами он отвечал на нетерпеливое движение старика и, подняв весло, ухватился рукой за край его лодки.

– Довольно уж его побило, Старик, хватит, – уж я-то вижу. Верно, давненько мотается по реке взад и вперед, а, приятель? Видишь, до чего мне не везет! Надо полагать, последний раз его пронесло мимо меня приливом, когда я сторожил вон там, под мостом. А ты, мне думается, издали их чуешь, словно коршун.

Он понизил голос и несколько раз взглянул на Лиззи, которая снова закрыла лицо капюшоном. Мужчины смотрели на след за кормой, словно околдованные, с выражением странного интереса.

– Вдвоем мы с ним шутя справимся. Забрать, что ли, его к себе, приятель?

– Не надо, – ответил Старик так резко, что «приятель», в недоумении поглядев на него, огрызнулся:

– Белены ты объелся, что ли?

– Да, объелся кой-чего, – ответил Старик. – С меня довольно! Какой я тебе «приятель»? Я тебе не приятель!

– С каких же это пор, мистер Хэксем?

– С тех самых, как тебя осудили за кражу. За то, что ты обокрал живого человека, – сердито и негодуя ответил Старик.

– А если б меня осудили за кражу у мертвеца?

– Мертвеца нельзя обокрасть.

– Как так?

– Так – нельзя. На что мертвецу деньги? Зачем это надо, чтобы у мертвеца были деньги? На каком свете находится мертвец? На том свете. А деньги на каком? На этом. Как же это может быть, чтобы деньги принадлежали мертвому телу? Разве покойник может владеть деньгами, нуждаться в деньгах, тратить деньги, разве он может хватиться своих денег или потребовать их? Ты лучше не путай, когда не знаешь, что правильно, а что нет. Да чего другого и ждать от труса, который норовит обокрасть живого человека.

– Я тебе расскажу...

– Ничего ты не расскажешь. А вот я тебе расскажу. Ты запустил лапу в карман матросу, живому матросу, и отсидел за это сущие пустяки – дешево отделался. Твое счастье, пользуйся, только не думай, что ты меня обведешь вокруг пальца этим своим «приятель». Прежде мы с тобой работали вместе, но больше уж не будем, ни теперь, ни после. Пусти-ка. Отцепись!

– Старик! Ты что, хочешь от меня отделаться таким манером?

– Не отделаюсь так, попробую иначе: стукну по пальцам перекладиной, а не то хвачу по голове багром. Отцепись! Гребь, Лиззи! Гребь живей, коли не хочешь, чтобы отец греб сам!

Лиззи налегла на весла, и вторая лодка скоро осталась позади. Старик, усевшись отдыхать в непринужденной позе человека, которому удалось отстоять свой кодекс морали и подняться на недоступную другим высоту, не спеша разжег трубку, закурил и стал разглядывать то, что было у него на буксире. То, что было на буксире, иногда словно рвалось прочь, иногда зловеще толкалось о лодку, а чаще всего послушно следовало за лодкой. Человеку неопытному могло показаться, что рябь над этим местом страшно похожа на гримасы безглазого лица, но Хэксем был не новичок, и ему ровно ничего не казалось.

Глава II

Человек неизвестно откуда

Супруги Вениринг² были самые новые жильцы в самом новом доме в самом новом квартале Лондона. Все у Венирингов было с иголочки новое. Вся обстановка у них была новая, все друзья новые, вся прислуга новая, серебро новое, карета новая, вся сбруя новая, все картины новые; да и сами супруги были тоже новые – они поженились настолько недавно, насколько это допустимо по закону при наличии новехонького с иголочки младенца; а если б им вздумалось завести себе прадедушку, то и его доставили бы сюда со склада в рогожке, покрытого лаком с ног до головы и без единой царапинки на поверхности.

Ибо все в хозяйстве Венирингов было натерто до блеска и густо покрыто лаком, – начиная со стульев в приемной, украшенных новыми гербами, и нового фортепьяно в нижнем этаже и кончая новой пожарной лестницей на чердаке. И это бросалось в глаза не только в убранстве дома, но и в самих хозяевах: поверхность везде еще немножко липла к рукам и сильно отдавала мастерской.

Чета Венирингов являлась источником постоянного смятения для одного безобидного предмета обеденной сервировки, который двигался словно на шарнирах, а по минованию надобности содержался над конюшней на Дьюк-стрит, возле Сент-Джеймс-сквера. Этот предмет сервировки именовался Твемлоу. Как близкий родственник лорда Снигсворта он пользовался большим спросом, и обеденный стол во многих домах просто невозможно было себе представить без Твемлоу.

Мистер и миссис Вениринг, например, составляя список гостей, всегда начинали с Твемлоу, а потом уже прибавляли к нему и других приглашенных, словно доски к раскладному столу. Иногда стол составлялся из Твемлоу и шести прибавлений, иногда из Твемлоу и десяти прибавлений; иногда, на парадных обедах, доходило и до двадцати прибавлений. В торжественных случаях супруги Вениринг сидели посередине стола, один напротив другого, так что сравнение оставалось в силе: чем больше прибавлений делалось к Твемлоу, тем дальше он оказывался от середины стола и тем ближе либо к буфету на одном конце комнаты, либо к оконным гардинам на другом.

Но не это повергало в смятение слабую душу Твемлоу. К этому он давно привык, и это было ему понятно. Бездна, глубин коей он не в силах был постигнуть, пучина, откуда всплывала вечно тяготившая и мучившая Твемлоу загадка, таилась в невозможности решить вопрос, самый ли он старый друг Венирингов или самый новый. Безобидный джентльмен подолгу ломал голову над этой загадкой, и в своей квартирке над конюшней, и в холодной мгле Сент-Джеймс-сквера, весьма способствующей размышлениям. Так Твемлоу впервые встретился с Венирингом в своем клубе, где Вениринг не знал еще никого, кроме человека, который их представил друг другу и казался самым близким другом Вениринга, в действительности же союз их душ был скреплен всего два дня тому назад, когда они познакомились за обедом, в один голос порицая клубных старшин за возмутительно пережаренное телячье филе. Вскоре после этого Твемлоу получил приглашение отобедать у Венирингов – и отобедал: среди гостей был и клубный друг Вениринга. Вскоре после этого Твемлоу получил приглашение отобедать у клубного друга – и отобедал: в числе гостей был и Вениринг. Кроме него на обеде присутствовали: Член Парламента, Инженер, Плательщик Национального Долга, Поэма о Шекспире, Жалобщик и Представитель Министерства, по-видимому, все совершенно незнакомые с Венирингом. Однако вскоре после этого Твемлоу получил новое приглашение на обед к Венирин-

---

² Вениринг (от англ. *veneer*) – внешний лоск, показная светскость.

гам, специально для встречи с Членом Парламента, Инженером, Плательщиком Национального Долга, Поэмой о Шекспире, Жалобщиком и Представителем Министерства, и за обедом сделал открытие, что все они самые близкие друзья Вениринга и что их жены, которые тоже присутствовали на обеде, являются предметом нежнейших попечений и сердечных излияний миссис Вениринг.

Вот каким образом случилось, что мистер Твемлоу, сидя у себя на квартире, твердил, потирая лоб: «Не надо об этом думать. Тут у кого угодно ум за разум зайдет», – и все же думал и думал и не мог прийти ровно ни к какому заключению.

Нынче вечером Вениринги дают банкет. Одиннадцать добавлений к Твемлоу, а всего за столом четырнадцать человек. Четыре осанистых лакея во фраках выстроились в прихожей. Пятый, поднимаясь по лестнице, возвещает: «Мистер Твемлоу!» – с таким мрачным видом, будто говорит: «Вот и еще один несчастный тащится обедать – ну и жизнь!»

Миссис Вениринг приветствует своего милого мистера Твемлоу. Сам Вениринг спешит обнять своего дорогого Твемлоу.

– Вряд ли грудные дети интересуют мистера Твемлоу, – щебечет миссис Вениринг, – это такая скука, но все же такой старый друг семейства непременно должен взглянуть на малютку.

– Да, да, куколка, – говорит мистер Вениринг, с умилением кивая этому новому предмету обстановки, – ты, конечно, будешь сразу узнавать нашего лучшего друга, как только начнешь узнавать всех своих.

И он тут же знакомит дорогого Твемлоу с двумя своими друзьями, мистером Бутсом и мистером Бруэром; причем Твемлоу ясно, что хозяин дома и сам не знает, который из них Бутс, а который – Бруэр.

Но тут происходит нечто ужасное.

– Мис-тер и мис-сис Подснеп!

– Душа моя, Подснепы! – говорит мистер Вениринг своей супруге с выражением живейшего дружеского интереса, в то время как дверь распаивается настежь.

Непрестанно улыбаясь, под руку с женой в комнату входит весьма солидный мужчина с выражением непроходимой наглости на лице и, бросив жену, немедленно устремляется к Твемлоу:

– Как вы поживаете? Очень рад с вами познакомиться! У вас тут прелестный домик. Надеюсь, мы не опоздали? Весьма рад случаю, весьма рад!

Растерявшись от неожиданности, Твемлоу подается назад и дважды переступает своими сухими ножками в старомодных башмачках и шелковых чулочках, словно собирается перепрыгнуть через стоящий за его спиной диван, но солидный мужчина не дает ему ускользнуть и настигает его на полдороге.

– Позвольте мне, – изрекает солидный гость, пытаясь издали привлечь внимание своей супруги, – познакомить миссис Подснеп с хозяином дома. Она будет весьма рада случаю, весьма рада! – Сам он так свеж и бодр, что эта фраза тоже кажется ему неувядаемо свежей и вечнозеленой.

Тем временем миссис Подснеп, которой невозможно впасть в ошибку, ибо миссис Вениринг единственная дама в комнате, кроме нее самой, старается по мере сил оказывать поддержку своему супругу и, с сожалением глядя издали на мистера Твемлоу, сочувственно замечает миссис Вениринг, во-первых, что ее муж, должно быть, страдает разлитием желчи и, во-вторых, что малютка уже и сейчас похожа на него как две капли воды.

Едва ли кому вообще может быть приятно, что его приняли за другого; тем более мистеру Венирингу, который специально для этого вечера облачился в крахмальную рубашку, достойную молодого Антиноя ³ (белого батиста, с вышивкой, только что от швеи), отнюдь не лестно,

---

³ Антиной – юноша идеальной красоты, любимец и постоянный спутник римского императора Адриана.

что за него приняли Твемлоу, сухопарого, морщинистого и по крайней мере тридцатью годами старше. Миссис Вениринг тоже возмущена тем, что ее сочли за жену Твемлоу. Сам же Твемлоу чувствует себя настолько выше Вениринга по воспитанию и положению в обществе, что солидный гость кажется ему просто невежей и ослом.

Вениринг, видя такое затруднительное обстоятельство, сам подходит к солидному гостю и, протянув руку, с улыбкой уверяет неисправимого путаника, что очень рад его видеть, на что тот отвечает нимало не медля, со своей неизменной наглостью:

– Благодарю вас! Извините, я что-то не припомню, где мы с вами познакомились, но я все-таки очень рад этому случаю, очень рад!

Затем он набрасывается на Твемлоу, хотя тот упирается из последних сил, и тащит его к миссис Подснеп, чтобы представить ей в качестве Вениринга, но тут, с прибытием новых гостей, ошибка разъясняется. После чего Подснеп еще раз пожимает руку Венирингу как Венирингу, а Твемлоу – как Твемлоу и, к полному своему удовольствию, завершает все репликой по адресу последнего:

– Забавный случай, но все-таки я очень рад, очень рад!

После того как мистер Твемлоу пережил такое ужасное потрясение и имел случай наблюдать превращение Бутса в Бруэра, а Бруэра в Бутса, и кроме того видел, что из семерых гостей четверо наиболее осторожных входят в комнату, блуждая глазами по сторонам, и наотрез отказываются решать на свой страх, который тут Вениринг, пока он сам с ними не поздоровается, – после всех этих испытаний колеблющийся разум Твемлоу крепнет, и сам Твемлоу готов поверить, что он действительно старейший друг Вениринга. Как вдруг все рушится и разум Твемлоу помрачается снова: взор его встречает Вениринга под руку с солидным гостем; они стоят рядышком, словно братья-близнецы, в малой гостиной, у входа в оранжерею, слух Твемлоу ловит замечание миссис Вениринг о том, что солидный гость уже согласился крестить их малютку.

– Кушать подано! – возглашает меланхолический лакей, как бы говоря: «Грядите в столовую, несчастные сыны человеческие, и вкусите отравы!»

Твемлоу, который остался без дамы, плетется сзади, хватаясь за голову. Бутс и Бруэр думают, что он захворал, и шепчутся: «Ослаб, должно быть. Еще не завтракал». Но он только подавлен загадкой жизни.

После супа Твемлоу оживает и мирно беседует с Бутсом и Бруэром о последнем номере «Придворных новостей». Когда подают рыбу, Вениринг обращается к нему с вопросом: «В городе ли его кузен лорд Снигсворт?» Твемлоу сообщает, что кузен сейчас за городом. «В Снигсворти-парке?» – осведомляется Вениринг. «Да, в Снигсворти», – отвечает Твемлоу. Бутс и Бруэр делают вывод, что такое знакомство надо поддерживать, а Вениринг убеждается, что сделал ценное приобретение. Тем временем лакей обходит вокруг стола, мрачный как химик, занимающийся анализом, и кажется, что, предлагая гостям шабли, он думает про себя. «Кабы вы знали, из чего оно делается, вы бы его и в рот не взяли».

Большое зеркало над буфетом отражает стол и сидящее за ним общество. Отражает новый герб Венирингов: золотой с серебром верблюд в разных видах – и матовый, без блеска, и полированный, с блеском. Геральдическая коллегия отыскала для Вениринга крестовосца-предка, который носил на щите верблюда, – или мог бы носить, если бы догадался об этом вовремя, – и теперь караван тянется по всему столу, нагруженный цветами, фруктами, восковыми свечами, и становится на колени с грузом соли. Отражает Вениринга, брюнета лет сорока, с волнистыми волосами, склонного к полноте, изворотливого, загадочного и туманного – нечто вроде пророка под покрывалом, довольно представительного, но только без пророчеств. Отражает миссис Вениринг, блондинку с орлиным носом, орлиными пальцами и не слишком густыми волосами, блистающую шелками и драгоценностями, восторженную, благосклонную, вполне уверенную в том, что мантия пророка одним концом прикрывает и ее

самое. Отражает Подснепа, отлично упитанного, с двумя полосками светлой щетины по обеим сторонам лысой головы, похожими более на щетки для волос, чем на самые волосы, с красными прыщами на лбу и широкой полоской измятого воротничка на затылке. Отражает миссис Подснеп, великолепный экземпляр с точки зрения профессора Оуэна ⁴: сплошной костяк, шея и ноздри, как у игрушечной лошадки, резкие черты, величественная прическа, увешанная дарами Подснепа, словно жертвенник. Отражает Твемлоу, седого, сухонького, подверженного простудам, в точно таком же воротничке и галстук, как у первого джентльмена Европы ⁵, с такими втянутыми щеками, словно он сделал когда-то попытку уйти в себя, да так и остался, не в силах двинуться дальше. Отражает пожилую молодую особу с черными как смоль локонами и цветом лица, который очень выигрывает от пудры, не без успеха пленяющую пожилого молодого человека, который отличается излишне крупным носом, излишне рыжими бакенбардами, излишне тесным жилетом, излишним блеском запонок, пуговиц, глаз, разговора и зубов. Отражает престарелую очаровательницу леди Типпинз, справа от Вениринга, с серым непомерной длины лицом, словно отраженным в столовой ложке, и крашеным пробором, – весьма удобной дорогой к пучку фальшивых волос на затылке, – покровительственно беседующую с миссис Вениринг напротив нее, которая с радостью принимает это покровительство. Отражает некоего Мортимера, еще одного из старейших друзей Вениринга, который до сих пор ни разу не бывал в доме и больше бывать не собирается; его заманила сюда леди Типпинз (подруга его детства) с тем, чтобы он приехал к этим людям и разговаривал, а он сидит с безутешным видом по левую руку от миссис Вениринг и не желает разговаривать. Отражает Мортимерова друга Юджина, который погребен заживо в глубине кресла, за плечом пожилой молодой особы с эполетой из пудры, и находит утешение единственно в шампанском, которое время от времени разносит Химик. Наконец в зеркале отражаются Бруэр с Бутсом и остальные два Буфера, которых разместили среди прочих гостей в виде затычек, на случай возможного столкновения.

Обеды у Венирингов превосходные – иначе новые знакомые не стали бы к ним ездить, – и все идет как полагается. Достойны внимания опыты, производимые леди Типпинз над своим пищеварением, настолько сложные и смелые, что если бы опубликовать их результаты, то это было бы благодеянием для всего человечества. Нагрузившись провизией со всех концов земли, эта крепкая старая шхуна достигает наконец Северного полюса и, в то время как убирают тарелочки из-под мороженого, произносит следующие слова:

– Уверю вас, дорогой мой Вениринг...

(Бедняга Твемлоу подносит руку ко лбу, терзаемый опасениями, что самым старым другом Венирингов, пожалуй, окажется леди Типпинз.)

– Уверю вас, дорогой мой Вениринг, что это очень любопытное дело! Я не прошу вас верить мне на слово, без самых надежных рекомендаций, как говорится в рекламах. Вот моя рекомендация – Мортимер, ему все это известно.

Мортимер приподнимает усталые веки и слегка приоткрывает рот. Но тут по его лицу проходит слабая улыбка, говорящая: «Какой смысл разговаривать!» И он снова опускает веки и закрывает рот.

– Ну, Мортимер, – произносит леди Типпинз, постукивая сложенным веером по костяшкам левой руки, состоящей как будто из одних костяшек, – я требую, чтобы вы рассказали решительно все, что вам известно об этом человеке с Ямайки.

– Даю вам честное слово, я ничего не слыхал ни про какого человека с Ямайки, разве только про того чернокожего, который человек и брат наш.

⁴ Оуэн Ричард (1804–1892) – английский биолог, автор многих трудов по анатомии.

⁵ Первый джентльмен Европы – прозвище английского короля Георга IV (годы правления 1820–1830), который в годы своего регентства (1811–1820) был законодателем мод.

– Тогда с Тобаго ⁶.

– И с Тобаго не слышал.

– Разве только, – вмешивается Юджин так неожиданно, что пожилая молодая особа, совсем про него забывшая, вздрагивает и убирает подальше от него эполету из пудры, – разве только про нашего друга, который ничего и в рот не брал, кроме каши и желе, но доктор что-то там сказал, и тогда он уписал... бараний бок, кажется.

За столом все оживляются, создается впечатление, что Юджин вот-вот разговорится. Впечатление обманчивое, – он опять замыкается в молчание.

– Милая моя миссис Вениринг, – говорит леди Типпинз, – скажите на милость, что может быть гнуснее такого поведения? Я везде вожу за собой своих поклонников, по двое и по трое зараз с условием, чтобы они вели себя преданно и покорно, а тут первый мой раб, глава всех прочих моих рабов, вдруг взбунтовался и сбрасывает оковы при посторонних! Да еще другой мой поклонник, правда, пока что неотесанный Кимон ⁷, однако я не теряю надежды сделать из него что-нибудь порядочное, вдруг прикидывается, будто не может припомнить какие-то детские стишки! Нарочно, лишь бы рассердить меня, ведь ему известно, что я их просто обожаю!

Леди Типпинз упорно держится этой зловещей выдумки насчет своих поклонников. Ее всегда сопровождают один или два поклонника. Она ведет список своих поклонников и то вписывает в него нового поклонника, то вычеркивает старого поклонника, то заносит поклонника в черный список, то переносит поклонника в золотой список, то подсчитывает своих поклонников, то еще как-нибудь выставляет на вид свой список. Миссис Вениринг очарована таким остроумием, сам Вениринг тоже. Быть может, оно действует еще сильнее оттого, что какой-то клубок все время катается у леди Типпинз под кожей на желтой шее, похожей на куриную ногу.

– С этой минуты я прогоняю коварного изменника, дорогая моя, и с этого самого вечера вычеркиваю его имя из Купидона (так называется моя книжка). Но я не отстану, пока мне не расскажут про человека неизвестно откуда, а так как сама я потеряла всякое влияние, то попрошу вас, душенька, добейтесь этого для меня. О коварный! – Это она говорит Мортимеру, постукивая зеленым веером.

– Мы все очень интересуемся человеком неизвестно откуда, – замечает Вениринг.

Тут все четыре Буфера, набравшись храбрости, говорят разом:

– Очень интересно!

– Это так волнует!

– Как драматично!

– Это человек ниоткуда?

И тут миссис Вениринг – так заражающе действуют обольстительные кривлянья леди Типпинз, – сложив руки на манер просящего ребенка, обращается к соседу слева и шепелявит:

– Плюсу вас! Позалуста! Пло целовека ниоткуда!

Причем все четыре Буфера, словно движимые все разом какою-то таинственной силой, восклицают:

– Как можно устоять!

– Клянусь жизнью, – томно говорит Мортимер, – чрезвычайно затруднительно рассказывать, когда на тебя обращены глаза всей Европы, и я утешаюсь единственно тем, что все вы будете в душе проклиная леди Типпинз, когда сами увидите, что человек неизвестно откуда просто скучен, а это вы непременно увидите. Конечно, жаль разрушать романтику, прикрепляя его к определенному месту жительства, хотя я и позабыл, как оно называется, но, может быть, кто-нибудь другой здесь припомнит, – там еще выделывают вино.

---

⁶ Тобаго – остров в Вест-Индии.

⁷ Кимон – герой одной из новелл «Декамерона» Боккаччо, популяризированной в Англии поэтом и драматургом Драйденом (в «Древних и новых баснях»). Кимон был красив, но неумен и необразован. Любовь преобразила его, он изучил науки, блестяще усвоил изысканные манеры и добился взаимности любимой.

– Фабрика ваксы Дея и Мартина, – подсказывает Юджин.

– Нет, не то, – невозмутимо возражает Мортимер, – там делают портвейн. А мой герой оттуда, где делают капское вино. Да ты послушай, старина, ведь это не какая-нибудь статистика, а довольно любопытное дело.

Замечательно то, что за столом Венирингов никто из гостей не обращает внимания на самих хозяев, и если есть что рассказать, предпочитают обычно рассказывать кому-нибудь другому.

– Этот человек по фамилии Гармон, – продолжает Мортимер, обращаясь к Юджину, – был единственным сыном прожженного старого мошенника, который нажил себе состояние на мусоре.

– В красном плисе и с колокольчиком? – спрашивает мрачный Юджин.

– И с лестницей и корзинкой ⁸, если хочешь. Так или иначе, с течением времени он разбогател на мусорных подрядах, – а жил он в ложбине между горами, целиком составленными из мусора. На своем собственном небольшом участке этот старый брюзга насыпал свой собственный горный хребет, наподобие старого вулкана, а основой его геологической формации послужил мусор ⁹. Угольный мусор, овощной мусор, костяной мусор, битая посуда, крупный мусор, просеянный мусор, – словом, мусор всех сортов.

Мимолетное воспоминание о миссис Вениринг заставляет Мортимера адресоваться к ней со следующими пятью-шестью словами, потом, снова забывшись, он обращает свою речь к Твемлоу, не находит в нем отклика и, наконец, вступает в общение с Буферами, которые принимают его с восторгом.

– Душе, – кажется, я правильно выразился? – этого образцового экземпляра доставляло высочайшее наслаждение проклинать своих близких родственников и выгонять их из дому. Естественным образом, он начал с того, что оказал внимание своей собственной жене, а затем, на досуге, смог заняться и дочерью, равным образом признав ее права. Он выбрал для нее мужа, считаясь единственно со своим собственным вкусом, но не с ней, и собирался уже закрепить за дочерью, в виде приданого, не знаю сколько мусора, но только невероятно много. Когда дело дошло до этого, дочь почтительно сообщила, что она уже обручена тайно с тем весьма популярным персонажем, которого романисты и стихотворцы именуют «Другой», и что брак по выбору отца обратит ее сердце в прах и самую жизнь в мусор, – словом, заставит ее заняться делом отца в весьма широких масштабах. Немедленно вслед за этим почтенный родитель – как говорят, в холодную зимнюю ночь – проклял ее и выгнал вон из дому.

Тут Химик (по-видимому, составивший себе весьма невыгодное мнение о рассказе Мортимера) уделяет всем Буферам понемножку красного вина, и те, опять-таки подвижные все сразу некоей таинственной силой, медленно просмаковав его с особенной гримасой наслаждения, восклицают хором:

– Продолжайте, пожалуйста!

– Денежные ресурсы Другого оказались, как это обычно бывает, крайне ограниченны. Кажется, я несколько не преувеличу, если скажу, что Другой вечно сидел на мели. Тем не менее он женился на молодой особе, и они поселились в скромном жилище, вероятно с крылечком, увитым жимолостью и каприфолием, где и жили до самой ее смерти. На вопрос, какая причина смерти была указана в свидетельстве, мог бы вам ответить только регистратор того округа, где находилось скромное жилище, но ранние тревоги и горе, конечно, тоже должны были сыграть свою роль, хотя о них ничего не говорится в графленных листках и печатных бланках. Несомненно,

---

⁸ В красном плисе и с колокольчиком?... И с лестницей и корзинкой... – атрибуты лондонского мусорщика во времена Диккенса.

⁹ ...насыпал свой собственный горный хребет... а основой его геологической формации послужил мусор. – За несколько лет до создания «Нашего общего друга» журнал Диккенса «Домашнее чтение» упоминал в одной из статей о холме мусора в лондонском районе Холстон, который принадлежал некоему Додду и был оценен в несколько десятков фунтов стерлингов.

мненно, так же обстояло дело и с Другим: утрата молодой жены настолько его потрясла, что если он и пережил ее, то самое большее на год.

В ленивой речи Мортимера слышится некий намек на то, что если светское общество бывает способно в иных случаях растрогаться, то и он, принадлежа к светскому обществу, тоже может позволить себе эту слабость и растрогаться тем, о чем он здесь рассказывал. Он прилагает все старания, чтобы это скрыть, но безуспешно. На мрачного Юджина рассказ тоже производит впечатление: когда зловещая Типпинз объявляет, что, если бы Другой не умер, она отдала бы ему первое место в списке своих поклонников, а пожилая молодая особа улыбается и пожимает эполетами, внимая пожилому молодому человеку, который что-то шепчет ей на ухо, мрачность Юджина доходит до такой степени, что он начинает свирепо играть фруктовым ножичком.

Мортимер продолжает:

– Теперь мы должны возвратиться, как говорят романисты (и, по-моему, напрасно говорят), к человеку неизвестно откуда. Когда изгнали его сестру, он, в то время мальчик лет четырнадцати, воспитывался на медные деньги в Брюсселе и узнал об этом не сразу – от кого, не могу сказать точно, вероятно, от нее самой, так как их мать уже умерла. Не теряя времени, он бежал из Брюсселя и явился сюда. Должно быть, мальчик был находчивый и с характером, если сумел добраться домой, не имея даже пяти су карманных денег в неделю; однако это ему удалось, он явился к отцу неожиданно, как снег на голову, и заступился за сестру. Почтенный родитель немедленно прибегает к проклятию и выгоняет сына вон. Потрясенный и испуганный мальчик покидает родину и, отправляясь на поиски счастья, садится на корабль, а в конце концов оказывается на суше, там, где делают капское вино, владельцем участка, фермером, плантатором – называйте как хотите.

В эту минуту в прихожей слышится какое-то шарканье, затем раздается стук в дверь столовой. Химик идет к дверям, сердито пререкается с невидимым посетителем, должно быть, смягчается, узнав причину стука, и выходит из комнаты.

– И вот, совсем недавно, он вновь появляется на сцене после четырнадцатилетнего отсутствия.

Один из Буферов неожиданно изумляет трех остальных и, обособившись от них, спрашивает, проявляя некую индивидуальность:

– Каким образом появляется и почему?

– Да! Вот именно. Благодарю вас за напоминание. Почтенный родитель умирает.

Тот же Буфер, осмелев от успеха, задает вопрос:

– Когда?

– Не так давно. Полгода или год тому назад.

Тот же Буфер бойко вопрошает:

– Отчего же? – Но мгновенно увядает, ибо остальные три Буфера глядят на него холодно, и после этого вопроса уже решительно никто не хочет его замечать.

– Почтенный родитель умирает, – снова повторяет Мортимер и, вспомнив мимоходом, что за столом сидит некий Вениринг, впервые за все время обращается к нему.

Польщенный Вениринг важно повторяет его слова, складывает руки на груди и, разгладив морщины на челе, готовится беспристрастно выслушать все до конца, но тут же замечает, что снова остался в одиночестве среди холодного света.

– Находят его завещание, – продолжает Мортимер, встречая взгляд лошади-качалки, миссис Подснеп. – Судя по дате, оно составлено вскоре после побега сына. Один из мусорных хребтов, тот, что пониже, вместе с домиком у его подножия, предназначается старому слуге и единственному душеприказчику, а все остальное состояние – очень значительное – сыну. На тот случай, если б он ожил, он завещает себя похоронить со всякими эксцентрическими

церемониями и предосторожностями, которыми я не намерен вам докучать, и это все, кроме разве... – и он умолкает.

Тут возвращается Химик, и все смотрят на него. Не потому, что он кому-нибудь нужен, но повинувшись хитрому велению природы, в силу которого люди пользуются малейшим предложением глядеть на что угодно, только не на того, с кем беседуют.

– ...кроме разве того, что сын получит наследство только при условии, если женится на девушке, которая была ребенком лет четырех или пяти, когда писалось завещание, а теперь стала взрослой девушкой-невестой. Объявления и расспросы выяснили, что человек неизвестно откуда и есть тот самый сын; теперь он возвращается на родину, для того чтобы унаследовать большое состояние и жениться – и, натурально, себя не помнит от изумления.

Миссис Подснеп интересуется, привлекательна ли молодая особа по внешности? Мортимер ничего не может сообщить на этот счет. Мистер Подснеп интересуется, что станет с большим состоянием, если условие относительно женитьбы не будет выполнено? Мортимер отвечает, что в завещании имеется особый пункт, по которому состояние в таком случае переходит к вышеупомянутому слуге, минуя сына; а кроме того, если бы сына не оказалось в живых, этот же слуга стал бы единственным наследником.

Миссис Вениринг только что разбудила всхрапнувшую леди Типпинз, ловко направив через стол целый поезд тарелок и блюд к ее костяшкам, когда все, кроме самого Мортимера, замечают, что Химик, возникнув за его спиной словно привидение, подносит ему сложенную записку. Из любопытства миссис Вениринг на минутку задерживается в столовой.

Мортимер, вопреки всем уловкам Химика, безмятежно смакует рюмку мадеры, даже не подозревая о наличии документа, овладевшего всеобщим вниманием, пока леди Типпинз (по привычке обеспамятев со сна) не припоминает наконец, где она находится, и, снова обретя способность узнавать окружающих, обращается к нему:

– Изменник, превзошедший Дон-Жуана, почему же вы не берете записку от Командора?

После чего Химик сует ее прямо под нос Мортимеру, который оглядывается на него и спрашивает:

– Что это такое?

Химик, наклонившись к нему, что-то шепчет.

– Кто? – спрашивает Мортимер.

Химик опять наклоняется и шепчет.

Мортимер, взглянув на него с изумлением, разворачивает записку. Читает ее раз, читает другой, перевертывает и, разглядев обратную сторону, читает в третий раз.

– Записка получена как нельзя более кстати, – говорит Мортимер и с изменившимся выражением лица оглядывает сидящих за столом, – это конец истории моего героя.

– Давно женат? – догадывается один из гостей.

– Отказывается жениться? – догадывается другой.

– Приписка к завещанию, обнаруженная среди мусора? – догадывается третий.

– Да нет, – говорит Мортимер. – Замечательно то, что все вы ошибаетесь. Эта история гораздо обстоятельнее и, пожалуй, драматичнее, чем я думал. Он утонул.

Глава III

Другой человек

Дамские шлейфы уже исчезали из виду, поднимаясь из столовой в гостиную по лестнице, когда Мортимер, выйдя вслед за ними, повернул в библиотеку, полную новехоньких книг в новехоньких, густо позолоченных переплетах, и выразил желание видеть посыльного, который принес записку. Посыльный оказался мальчиком лет пятнадцати. Мортимер смотрел на мальчика, а мальчик смотрел на процессию новеньких с иголки кентерберийских пилигримов в массивной золотой раме с резьбой, которая занимала гораздо больше места, чем сама процессия.

- Чей это почерк?
- Мой, сэр.
- А кто тебе велел написать записку?
- Мой отец, Джесс Хэксем.
- Это он нашел тело?
- Да, сэр.
- Чем занимается твой отец?

Мальчик замялся и, глядя на пилигримов с упреком, словно по их вине попал в затруднительное положение, ответил, разглаживая рукой складку на правой штанине:

- Промышляет кое-чем на реке.
- Это далеко отсюда?
- Что далеко? – уклончиво переспросил мальчик, все так же глядя на шествие пилигримов в Кентерберии ¹⁰.
- Ваш дом?
- Порядочно, сэр. Я приехал в кебе и не отпустил его, он и сейчас дожидается, чтобы ему заплатили. Если хотите, мы бы с ним и доехали, а потом бы вы заплатили. Я сначала зашел к вам в контору, по адресу, который нашли у него в кармане, а в конторе никого не было, один только мальчишка вроде меня, он-то и послал меня сюда.

Мальчик представлял собою смесь еще не выветрившейся дикости с еще не укоренившейся цивилизацией. Голос у него был грубый и хриплый, и лицо у него было грубое, и щуплая фигура тоже была грубовата; но он казался опрятнее других мальчиков его склада и глядел на корешки книг с живым любопытством, которое относилось не к одним только переплетам. Тот, кто научился читать, смотрит на книгу совсем не так, как неграмотный, даже если она не раскрыта и стоит на полке.

– Не знаешь ли ты, мальчик, были приняты какие-нибудь меры, чтобы вернуть его к жизни? – спросил Мортимер, разыскивая свою шляпу.

– Вы не стали бы спрашивать, сэр, если бы видели, в каком он состоянии. Легче было бы вернуть к жизни воинство фараоново, которое потонуло в Черном море ¹¹. Если б Лазарь сохранился вдвое лучше, и то уж было бы чудо из чудес ¹².

– Ого, мой юный друг! – воскликнул Мортимер, уже надев шляпу и оборачиваясь к нему, – кажется, в Черном море ты как у себя дома?

---

¹⁰ Кентерберии – старинный город на юго-востоке Англии, резиденция главы англиканской церкви – архиепископа Кентерберийского. В XII–XV веках Кентерберии был местом паломничества к гробнице св. Фомы Кентерберийского – архиепископа Томаса Бекета.

¹¹ По библейской легенде, во время бегства евреев из Египта Черное (Красное) море расступилось перед беглецами и потопило преследовавшее их войско фараона.

¹² В евангелии рассказывается о воскрешении Христом некоего Лазаря через четыре дня после его смерти.

– Слышал про него в школе, от учителя, – ответил мальчик.

– А про Лазаря?

– И про него тоже. Только отцу не говорите! Дома нам житья не будет, если он узнает. Это все моя сестра устроила.

– У тебя, должно быть, хорошая сестра?

– Неплохая, – сказал мальчик, – только дальше азбуки ничего не знает, да и тому я ее выучил.

Вошел мрачный Юджин, засунув руки в карманы, и застал конец разговора: услышав, как пренебрежительно мальчик отзывается о сестре, он без всякой церемонии взял его за подбородок и повернул к себе лицом, чтобы разглядеть хорошенько.

– Ну, хватит, сэр! – сказал мальчик, вырываясь. – Теперь, я думаю, вы где угодно меня узнаете.

Юджин, не удостоив его ответом, предложил Мортимеру:

– Я поеду с тобой, если хочешь.

И все троем они уселись в тот экипаж, который привез мальчика: оба друга (учившиеся когда-то в одной школе) внутри кеба, с сигарами в зубах, а посыльный – на козлах, рядом с кучером.

– Нет, ты послушай, – говорил Мортимер дорогой, – я уже пять лет состою в списке адвокатов при Верховном Канцлерском суде, а кроме того, в списке поверенных при Суде Общего права и, если не считать бесплатных консультаций раза два в месяц по завещанию леди Типпинз, которой решительно нечего завещать, у меня не было и нет никаких дел, кроме вот этого романтического случая.

– А я, – отвечал Юджин, – вот уже семь лет как «допущен к делам», а никаких дел у меня еще не было и никогда не будет. Да если бы и подвернулись, я бы не знал, как их вести.

– Вот на этот счет мне и самому далеко не ясно, много ли я выиграл сравнительно с тобой, – невозмутимо возразил Мортимер.

– Ненавижу, – сказал Юджин, кладя ноги на противоположное сиденье, – ненавижу свою профессию.

– Тебя не беспокоит, если и я свои ноги положу рядом? – спросил Мортимер. – Спасибо. Я тоже ненавижу свою профессию.

– Мне ее навязали, – мрачно сказал Юджин, – так уж считалось, что у нас в семье должен быть юрист. Ну и получили сокровище.

– Мне эту профессию навязали, – сказал Мортимер, – потому что считалось, что у нас в семье должен быть адвокат. И тоже получили сокровище.

– Нас четверо, и все наши фамилии написаны на дверях темной дыры, именуемой «апартаментами», – сказал Юджин, – и каждый из нас владеет четвертой частью конторского мальчика – Касим-бабы в пещере разбойников, – и этот Касим-баба единственный порядочный человек из всей компании.

– Я живу в полном одиночестве, – сказал Мортимер, – подниматься ко мне надо по ужасной лестнице; окна выходят на кладбище, и мне одному полагается целый мальчишка, которому нечего делать, разве только любоваться этим кладбищем, – и что из него выйдет в зрелом возрасте – решительно не представляю себе. О чем он думает, сидя в этом грачином гнезде; замышляет убийство или подвиг добродетели, получится ли из него после этих уединенных размышлений что-нибудь на пользу ближним или, наоборот, во вред, – вот единственная крупица интереса, какую можно усмотреть с профессиональной точки зрения. Дай-ка мне огня! Спасибо.

– А идиоты еще толкуют насчет энергии, – сказал Юджин слегка в нос, откинувшись назад, сложив на груди руки и раскуривая сигару с закрытыми глазами. – Если есть во всем словаре на любую букву, от первой до последней, такое слово, которого я терпеть не могу, – это

именно «энергия». Такая дикая условность, такая попугайная болтовня! Черт бы их взял! Что же мне, выскочить, что ли, на улицу, схватить за шиворот первого встречного богача, встряхнуть его хорошенько и приказать: «Судись немедленно, собака, и нанимай меня в адвокаты, а не то тут же тебе крышка!» А ведь это и есть энергия.

– Именно так и я смотрю на дело. Но предоставь мне только удобный случай, дай мне что-нибудь такое, к чему действительно стоит приложить руки, и я покажу всем вам, что значит энергия.

– И я тоже, – сказал Юджин.

Очень возможно, что не менее десяти тысяч молодых людей произносили те же полные оптимизма слова в пределах лондонского почтового округа в течение того же самого вечера.

Колеса катились дальше; катились мимо Монумента ¹³, мимо Тауэра, мимо Доков; и дальше, мимо Рэтклифа, мимо Ротерхита ¹⁴ и дальше, мимо тех мест, где скопились подонки человечества, словно смытый сверху мусор, и задержались на берегу, готовые вот-вот рухнуть в реку под собственной тяжестью и пойти ко дну. То среди кораблей, словно стоящих на суше, то среди домов, словно плывущих по воде, – мимо бушпритов, заглядывающих в окна, и окон, глядящих на корабли, катились колеса, пока не остановились на темном углу, омываемом рекой, а во всех прочих смыслах совсем не мытом, где мальчик наконец спрыгнул с козел и отворил дверцу.

– Дальше вам придется идти пешком, сэр, это всего несколько шагов. – Он обращался к одному Мортимеру, как бы умышленно обходя Юджина.

– Черт знает какая глушь, – сказал Мортимер, поскользнувшись на камнях, облитых помоями, как только мальчик свернул за угол.

– Вот тут, где светится окно, и живет мой отец, сэр.

Низкое строение, судя по внешнему виду, было когда-то мельницей. На лбу у него торчала гнилая деревянная бородавка, должно быть, на том месте, где раньше находились крылья, но все строение трудно было разглядеть в ночной темноте. Мальчик приподнял щеколду, и посетители сразу же вошли в низенькую круглую комнату, где перед очагом, глядя на тлеющий в жаровне огонь, стоял человек; тут же сидела девушка с шитьем в руках. Огонь пылал в ржавой жаровне, не приспособленной для очага; простой светильник на столе, в горлышке каменной бутылки, похожей на луковицу гиацинта, горел неровным пламенем, пуская копоть. Один угол занимали деревянные нары или койка, другой – деревянная лестница, ведущая наверх, такая крутая и неудобная, что больше походила на корабельный трап. Два-три старых весла стояли прислоненные к стенке, а дальше, на той же стене, висела кухонная полка, выставившая напоказ самую незатейливую посуду. Потолок был не оштукатурен, и те же доски служили полом для верхней комнаты. Очень старые, узловатые, все в щелях и заплатах, они придавали комнате мрачный вид; потолок, стены и пол, запачканные мукой, в застарелых пятнах плесени и сурика или другой краски, оставшейся еще с тех времен, когда помещение служило складом, казались в равной степени проеденными гнилью.

– Отец, вот этот джентльмен.

Человек у тлеющего огня повернулся и, подняв взъерошенную голову, стал похож на хищную птицу.

– Вы Мортимер Лайтвуд, эсквайр, так, что ли, сэр?

– Да, мое имя Мортимер Лайтвуд. То, что вы нашли... оно здесь? – спросил Мортимер, с некоторой робостью поглядывая на койку.

---

¹³ Монумент – колонна, воздвигнутая в Лондоне в память о грандиозном пожаре 1666 года на том месте, где пожар удалось остановить.

¹⁴ Рэтклиф, Ротерхит – во времена Диккенса лондонские трущобы. Ротерхит был одним из приречных районов, где жили лодочники.

– Нельзя сказать, чтобы здесь, а неподалеку. Я все делаю, как полагается. Я уведомил полицию, полиция его и забрала. Одной минуты не было потеряно, ни с той, ни с другой стороны. Полиция уж и бумагу на этот счет напечатала, вот что там про него говорится.

Взяв со стола бутылку с горящим в ней фитилем, он поднес ее к стене, где висело полицейское объявление с заголовком: «Найдено тело». Оба приятеля читали наклеенное на стену объявление, а Старик тем временем разглядывал их самих, держа светильник в руке.

– Сколько я вижу, на этом несчастном нашли только документы, – сказал Лайтвуд, переводя взгляд с описания найденного тела на того, кто его нашел.

– Одни документы.

Тут девушка встала и вышла за дверь с работой в руках.

– Денег при нем не оказалось, – продолжал Мортимер, – кроме трех пенсов в заднем кармане сюртука.

– Три. Монетки. По пенни, – сказал Старик Хэксем, ставя точки после каждого слова.

– Карманы брюк пустые и вывернуты наизнанку.

Старик Хэксем кивнул:

– Это бывает. Приливом, что ли, выворачивает, не могу вам сказать. Вот и здесь, – он поднес светильник к другому такому же объявлению, – тоже карманы пустые и тоже вывернуты. И у этой тоже. И у того. Читать я не умею, да мне оно и ни к чему, я и так помню всех по порядку. Вот этот был матрос, на руке у него было два якоря, флаг и буквы Г. Т. Ф. Поглядите, так ли?

– Совершенно верно.

– А вот это была молодая женщина в серых башмаках, белье помечено крестом. Погляньте, так ли?

– Совершенно верно.

– Вот у этого была страшная рана над самым глазом. Вот это две сестрички, которые связались вместе платком. Вот это старый пьяница, в ночных туфлях и колпаке, – потом оказалось, что он вызвался нырнуть в воду, если ему наперед выставят четверть пинты рому, и в первый и последний раз в жизни сдержал свое слово. Видите, у меня почти вся комната ими заклеена, а я всех наперечет знаю. На это у меня учености хватит!

Он провел вдоль всего ряда светильником, словно это был символ его просвещенного разума, затем поставил бутылку на стол, зорко вглядываясь в посетителей. У него была одна особенность, свойственная некоторым хищным птицам: когда он хмурил брови, взерошенный хохол надо лбом топорщился сильнее.

– Неужели вы сами всех нашли? – спросил Юджин.

На что стервятник ответил с расстановкой:

– А вы кто такой будете, ну-ка?

– Это мой друг, – вмешался Мортимер, – мистер Юджин Рэйберн.

– Мистер Юджин Рэйберн, вот как? А что мистеру Юджину Рэйберну от меня надо?

– Я вас просто спросил, сами ли вы всех нашли?

– А я вам просто и отвечаю: всех нашел сам.

– Как вы полагаете, многие ли из них были предварительно ограблены и убиты?

– Ничего я на этот счет не полагаю. Я не из тех, которые полагают. Кабы вы только тем и жили, что добудете на реке, так не очень-то полагали бы. Проводить вас, что ли?

Как только он отворил дверь, повинувшись кивку Лайтвуда, перед ними появилось очень бледное и встревоженное лицо, лицо сильно взволнованного человека.

– Нашли чье-нибудь тело? – спросил Старик Хэксем. – Или никак не могут найти? Что случилось?

– Я заблудился! – ответил человек, торопливо и взволнованно.

– Заблудились?

– Я... я здесь чужой и не знаю дороги... Я... мне надо разыскать дом, где находится то, что здесь описано. Возможно, я его опознаю.

Он задышался и говорил с трудом, однако показал им экземпляр только что отпечатанного объявления, того самого, которое еще не просохло на стене. Быть может, по новизне бумаги или по ее общему виду Хэксем, со свойственной ему точностью наблюдения, сразу догадался, о чем идет речь:

– Вот этот джентльмен, мистер Лайтвуд, прибыл по тому же делу.

– Мистер Лайтвуд?

Наступило молчание, Мортимер и незнакомец смотрели друг на друга. Ни один из них не знал другого в лицо.

– Кажется, сэр, – нарушая неловкое молчание, сказал Мортимер с присущим ему непринужденным и самоуверенным видом, – вы сделали мне честь, упомянув мое имя?

– Я только повторил его вслед за этим человеком.

– Вы сказали, что не знаете Лондона?

– Совсем не знаю.

– Вы ищете некоего мистера Гармона?

– Нет.

– Тогда я, кажется, могу вас уверить, что вы напрасно себя утруждаете и не найдете того, что опасаетесь найти. Не хотите ли пойти вместе с нами?

Несколько поворотов по грязным переулкам, словно выброшенным на берег последним дурно пахнущим приливом, привели их к яркому фонарю у ворот полицейского участка, и там дежурный инспектор с пером и линейкой в руках заполнял какие-то книги так спокойно и прилежно, словно это было в монастырской келье, на вершине горы, и никакая пьяная фурия не билась с воплями в дверь камеры где-то в глубине здания за самой его спиной. С тем же видом отшельника, погруженного в благочестивые размышления, он оторвался от своих книг и слегка кивнул Хэксему, окинув его недоверчивым взглядом, который явно говорил: «Ага, тебя-то мы знаем, смотри, когда-нибудь доиграешься!» – и дал понять мистеру Лайтвуду с друзьями, что он сию минуту ими займется. После чего он очень аккуратно и методически закончил свою работу (так спокойно, словно разрисовывал требник), ничем не выказывая, что его сколько-нибудь беспокоит соседство женщины, которая еще яростнее билась в дверь, с воплями покушаясь на чью-то печенку.

– Потайной фонарь! – приказал дежурный инспектор, доставая ключи.

Услужливый приспешник подал ему фонарь.

– Прощу вас, господа.

Одним из ключей он отпер прохладный грот в конце двора, и все вошли, но очень скоро снова вышли оттуда, причем молчали все, кроме Юджина, который шепотом сказал Мортимеру:

– Немногим хуже леди Типпинз.

Итак, назад, в чисто выбеленную монастырскую келью, куда с прежней силой доносились чьи-то вопли насчет печенки, как и в то время, когда они безмолвно созерцали безмолвный труп, – а там перешли и к существу дела, итоги которому подвел отец настоятель.

Нет указаний, каким образом тело попало в реку. Очень часто таких указаний не бывает. Слишком много прошло времени, чтобы можно было узнать, когда получены ранения – до или после смерти: один авторитетный хирург высказал мнение, что до; другой авторитетный хирург – что после. Стюард того корабля, на котором джентльмен возвращался на родину, был здесь для опознания и мог дать присягу, что это он самый и есть. Мог бы дать присягу и насчет платья. А кроме того, видите ли, имеются и документы. Каким образом он совершенно исчез из виду, сойдя с корабля, пока его не нашли в реке? Что ж! Возможно, имелась в виду

какая-нибудь затея. Возможно, что был не в курсе дела, считал, что опасности никакой, а затея оказалась роковой для него. Следствие завтра, виновных, конечно, не обнаружат.

– Как видно, вашего друга это подкосило, совсем подкосило, – заметил инспектор, покончив с подведением итогов. – Плохо на него подействовало, понятно! – Он сказал это тихим голосом, бросив проницательный взгляд (отнюдь не первый) в сторону предполагаемого друга. Мистер Лайтвуд объяснил, что они даже не знакомы.

– Вот как? – сказал инспектор, настораживаясь. – А где же вы его подцепили?

Мистер Лайтвуд объяснил и это.

Инспектор, адресовав эти несколько слов незнакомцу и покончив с подведением итогов, оперся локтями на конторку и приставил пальцы правой руки к пальцам левой. Несколько повысив голос, инспектор прибавил, оставаясь совершенно неподвижным и следя за незнакомцем только глазами:

– Вам дурно, сэр? Вы, видно, не привыкли к нашей работе?

Незнакомец, который стоял, опустив голову и опершись на каминную полку, оглянулся и ответил:

– Да. Ужасное зрелище!

– Я слышал, вы тоже пришли для опознания, сэр?

– Да.

– И что же, опознали?

– Нет. Ужасное зрелище. О! Ужасное, ужасное!

– А кто бы это мог быть, о ком вы думали? – спросил инспектор. – Опишите нам его, сэр. Быть может, мы помогли бы вам?

– Нет, нет, – сказал незнакомец, – это было бы совершенно бесполезно. Всего хорошего!

Инспектор не двинулся с места, не отдал никакого приказания, однако помощник прислонился спиной к дверце, положив на верхнюю перекладину левую руку, а в правой держа фонарь, взятый им у инспектора, и как бы невзначай направил его свет прямо в лицо незнакомцу.

– Вы искали друга или вы искали врага, иначе вы сюда не пришли бы, сами знаете. Ну, как же в таком случае не спросить, кто это был? – Так говорил инспектор.

– Извините меня, я ничего не могу вам сказать. Вы лучше всякого другого поймете, что люди разве только в самом крайнем случае идут на то, чтобы предать гласности свои семейные раздоры и несчастья. Задавая этот вопрос, вы действовали по долгу службы, бесспорно, – но вы должны согласиться с тем, что я имею право не отвечать на него. Всего хорошего.

И он снова повернулся к дверце, где немой статуей стоял приспешник, не сводя глаз со своего начальства.

– По крайней мере, – сказал инспектор, – вы не откажетесь оставить мне визитную карточку, сэр?

– Не отказался бы, но со мной ее нет. – Отвечая инспектору, он покраснел и очень смутился.

– По крайней мере, – продолжал инспектор, не меняя ни голоса, ни манеры, – вы не откажетесь записать вашу фамилию и адрес?

– Разумеется.

Инспектор окунул перо в чернильницу и ловко положил его на листок бумаги возле себя, после чего принял прежнюю позу. Незнакомец подошел к конторке и написал дрожащей рукой – а пока он стоял, наклонившись, инспектор сбоку пристально разглядывал каждый волосок на его голове – «Мистер Джулиус Хэнфорд, Биржевая кофейня, Плейс-Ярд, Вестминстер».

– Вы, я полагаю, остановились там, сэр?

– Да, остановился.

– Значит, приехали из провинции?

– А? Да... из провинции.

– Всего хорошего, сэр.

Приспешник, сняв с дверцы руку, отворил ее, и мистер Джулиус Хэнфорд вышел на улицу.

– Дежурный, – сказал инспектор. – Возьмите эту записку, незаметно следите за ним, не упуская из виду, установите, живет ли он там, и узнайте о нем все, что можно.

Приспешник ушел, и инспектор, снова превратившись в безмятежного настоятеля сего монастыря, окунул перо в чернильницу и снова занялся своими книгами. Оба друга, которые наблюдали инспектора, интересуясь больше его профессиональной манерой, нежели подозрительным поведением мистера Джулиуса Хэнфорда, перед уходом спросили, как он думает, имеются ли тут налицо какие-нибудь признаки преступления?

Настоятель сдержанно ответил, что не может сказать наверное. Если это убийство, его мог совершить кто угодно. Для ограбления или карманной кражи нужно иметь опыт.

Другое дело – убийство. Уж нам-то это известно. Видели десятки людей, приходивших для опознания, и ни один из них не вел себя так странно. Впрочем, может, просто желудок, а нервы тут ни при чем. Если желудок, очень странно. Но, разумеется, мало ли бывает странностей. Жаль, что в суеверии, будто бы на теле выступает кровь, если до него дотронется кто следует, нет ни слова правды – труп никогда ничего не скажет. Вот от такой, как эта, крику не оберешься, видно, теперь на всю ночь завела (намекая на стук и вопли насчет печенки), а от трупа ровно ничего не добьешься, как бы оно там ни было.

До следствия, назначенного на завтра, ничего больше не оставалось делать, поэтому друзья вместе отправились домой, и Старик Хэксем с сыном тоже отправились своей дорогой. Но, дойдя до угла, Хэксем велел мальчику идти домой, а сам, «выпивки ради», завернул в трактир с красными занавесками, разбухший словно от водянки.

Мальчик повернул щеколду и увидел, что его сестра сидит перед огнем с работой. Она подняла голову, когда он вошел и заговорил с ней.

– Куда ты выходила, Лиззи?

– Я вышла на улицу.

– И совсем ни к чему. Ничего такого не было.

– Один из джентльменов, тот, что при мне молчал, все время очень пристально смотрел на меня. А я боялась, как бы он не понял по лицу, о чем я думаю. Ну, будет об этом, Чарли. Меня из-за другого всю в дрожь бросило: когда ты признался отцу, что немножко умеешь писать.

– Вот оно что! Ну, да я притворился, будто так плохо пишу, что никто и не разберет. Отец стоял рядом и глядел, и был пуще всего тем доволен, что я еле-еле пишу да еще размазываю написанное пальцем.

Девушка отложила работу и, придвинув свой стул ближе к стулу Чарли, сидевшего перед огнем, ласково положила руку ему на плечо.

– Тебе теперь надо еще усердней учиться, Чарли, ведь ты постарайся?

– Постараюсь? Вот это мне нравится! Разве я не стараюсь?

– Да, Чарли, да. Я знаю, как ты много работаешь. И я тоже понемножку работаю, все хочу что-нибудь придумать (даже ночью просыпаюсь от мыслей!), как-нибудь исхитриться, чтобы сколотить шиллинг-другой, сделать так, чтобы отец поверил, будто ты уже начинаешь зарабатывать кое-что на реке.

– Ты у отца любимица, он тебе в чем угодно поверит.

– Хорошо, если бы так, Чарли! Если б я могла его уверить, что от ученья худа не будет, что от этого нам всем только станет лучше, я бы с радостью умерла!

– Не говори глупостей, Лиззи, ты не умрешь!

Она скрестила руки у него на плече, положив на них смуглую нежную щеку, и продолжала задумчиво, глядя на огонь:

– По вечерам, Чарли, когда ты в школе, а отец уходит...

– К «Шести Веселым Грузчикам», – перебил ее брат, кивнув головой в сторону таверны.

– Да. И вот, когда я сижу и гляжу на огонь, то среди горящих углей мне видится... вот как раз там, где они ярче всего пылают...

– Это газ, – сказал мальчик, – он выходит из кусочка леса, который был занесен илом и залит водой еще во времена Ноева ковчега. Смотри-ка! Если я возьму кочергу – вот так – и разгребу уголь...

– Не трогай, Чарли, а то все сгорит сразу. Видишь, как тускло огонь тлеет под пеплом, то вспыхивая, то угасая, вот об этом я и говорю. Когда я гляжу на него по вечерам, Чарли, то вижу там словно картины.

– Покажи мне какую-нибудь картину, – попросил мальчик. – Скажи, куда надо глядеть.

– Что ты! На это нужны мои глаза.

– Тогда живей рассказывай, что твои глаза там видят.

– Ну вот, я вижу нас с тобой, Чарли, когда ты был еще совсем крошкой и не знал матери...

– Не говори, что я не знал матери, – прервал ее мальчик, – я знал сестричку, которая была мне и матерью и сестрой.

Он обнял ее и прижался к ней, а девушка радостно засмеялась, и на ее глазах выступили светлые слезы.

– Я вижу нас с тобой, Чарли, еще в то время, когда отец, уходя на работу, запирает от нас дом, из боязни, как бы мы не устроили пожара или не выпали из окна, – и вот мы сидим на пороге, сидим на чужих крылечках, сидим на берегу реки или бродим по улице, чтобы как-нибудь провести время. Таскать тебя на руках довольно тяжело, Чарли, и мне частенько приходится отдыхать. Бывало, то нам хочется спать, и мы прикорнем где-нибудь в уголку, то нам хочется есть, то мы чего-нибудь боимся, а что всего больше нас донимало, так это холод. Помнишь, Чарли?

– Помню, что я прятался под чью-то шаль и мне было тепло, – ответил мальчик, крепче прижав ее к себе.

– Бывало, идет дождь, и мы залезем куда-нибудь под лодку, или уже темно, и мы идем туда, где горит газ, и сидим, смотрим, как по улице идут люди. Но вот приходит с работы отец и берет нас домой. И после улицы дома кажется так уютно! А отец снимает с меня башмаки, греет и вытирает мне ноги у огня, а потом, когда ты уснешь, сажает меня рядом с собой, и мы долго сидим так, пока он курит трубку, и я знаю, что у отца тяжелая рука, но меня она всегда касается легко, что у него грубый голос, но со мной он никогда не говорит сердито. И вот я вырастаю, отец уже начинает доверять мне и работает со мной вместе, и, как бы он ни гневался, он ни разу меня не ударил.

Внимательно слушавший мальчик что-то проворчал, словно говоря: «Ну, меня-то он бьет частенько!»

– Это все картины того, что прошло, Чарли.

– Ну, а теперь скорей, – сказал мальчик, – давай такую картину, чтобы показала нашу судьбу: погадай нам.

– Хорошо. Я вижу себя: живу я по-прежнему с отцом, не оставляю его, потому что он меня любит и я его тоже. Прочесть книжку я не сумею, потому что если б я училась, отец подумал бы, что я его хочу бросить, и перестал бы меня слушать. Он не так меня слушает, как мне хотелось бы – сколько я ни быюсь, не могу положить конец всему, что меня пугает. Но я по-прежнему надеюсь и верю, что придет для этого время. А до тех пор... я знаю, что во многом я для него поддержка и опора и что, если бы я не была ему хорошей дочерью, он бы совсем сбился с пути – в отместку или с досады, а может, от того и другого вместе.

– Погадай теперь немножко и про меня, покажи мне, что будет.

– Я к этому и вела, Чарли, – сказала девушка, которая за все это время ни разу не шевельнулась и только теперь грустно покачала головой, – все другие картины только подготовка к этой. Вот я вижу тебя...

– Где я, Лиззи?

– Все там же, в ямке, где всего жарче горит.

– Кажется, чего только нет в этой ямке, где всего жарче горит, – сказал мальчик, переводя взгляд с ее глаз на жаровню, длинные, тонкие ножки которой неприятно напоминали скелет.

– Я вижу тебя, Чарли: ты пробиваешь себе дорогу в школе, потихоньку от отца, получаешь награды, учишься все лучше и лучше; и становишься... как это ты назвал, когда в первый раз говорил про это со мной?

– Ха-ха! Предсказывает судьбу, а не знает, как оно называется! – воскликнул мальчик, по видимому довольный тем, что ямка, где всего жарче горит, оказалась отнюдь не всезнающей. – Помощник учителя.

– Ты становишься помощником учителя, а сам учишься все лучше и лучше, и вот, наконец, ты уже настоящий учитель, которого все уважают, чудо учености. Но отец давно уже узнал твою тайну, и это разлучило тебя с отцом и со мной.

– Нет, не разлучило!

– Да, Чарли, разлучило. Я вижу ясно, яснее видеть нельзя, что у тебя другая дорога, не та, что у нас, и даже если бы отец простил тебя за то, что ты пошел своей дорогой (а он никогда не простит), наша жизнь бросила бы тень на твою. Но я вижу еще, Чарли...

– Все так же ясно, что яснее видеть нельзя? – шутливо спросил мальчик.

– Да, все так же. Что это большое дело – пробить себе дорогу в жизни, отделиться от отца, начать новую, лучшую жизнь. И вот я вижу себя, Чарли, я осталась одна с отцом, слежу, чтоб он не сбился с пути, стараюсь, чтоб он больше меня слушал, и надеюсь, что какой-нибудь счастливый случай, или болезнь, или еще что-нибудь, поможет мне сделать так, чтобы он изменился к лучшему.

– Ты сказала, что не сумеешь прочесть книжку, Лиззи. Ямка в угле, где всего ярче горит, – вот, по-моему, твоя библиотека.

– Как я была бы рада, если б умела читать настоящие книжки. Я очень чувствую, что мне не хватает образования, Чарли. Но еще больней мне было бы, если б оно разъединило меня с отцом... Тсс... Слышишь? Отец идет!

Было уже за полночь, и стервятник отправился прямо на насест. Наутро, часам к двенадцати, он опять явился к «Шести Веселым Грузчикам» для того, чтобы выступить перед следователем и понятыми в роли свидетеля, отнюдь для него не новой.

Мистер Мортимер Лайтвуд выступал не только в роли свидетеля, но еще и во второй роли – известного ходатая по делам, наблюдавшего за следствием в интересах покойного, что и было, как водится, напечатано в газетах. Инспектор тоже наблюдал за следствием, но держал свои наблюдения при себе. Мистер Джулиус Хэнфорд, который дал верный адрес и о котором в гостинице было известно только то, что он аккуратно платит по счету и ведет весьма уединенный образ жизни, – не был вызван повесткой и присутствовал единственно в сокрытых от света мыслях господина инспектора.

Дело вызвало интерес среди публики, когда мистер Мортимер Лайтвуд в своих показаниях коснулся тех обстоятельств, при которых покойный мистер Джон Гармон возвратился в Англию; Вениринг, Твемлоу, Подснеп и все Буферы на несколько дней присвоили себе эти обстоятельства, развозя их по обедам, и противоречили один другому, не умея согласовать свои рассказы. Делу придали интерес также и показания корабельного стюарда Джоба Поттерсона и одного из пассажиров, некоего Джейкоба Киббла, которые подтвердили, что покойный Джон Гармон привез с собой деньги, вырученные от продажи земельного участка, и что в

чемоданчике, с которым он сошел на берег, лежало свыше семисот фунтов наличными. Кроме того, вызвали большой интерес и замечательные опыты Джесса Хэксема, выудившего из Темзы столько мертвых тел, что один восхищенный читатель «Таймса», подписавшийся «Другом Похорон» (вероятно, гробовщик), прислал в его пользу восемнадцать почтовых марок и пять писем редактору «Таймса», начинавшихся: «Уважаемый сэръ...» Рассмотрев вышеприведенные свидетельские показания, следствие установило, что тело покойного мистера Джона Гармона было найдено в Темзе сильно поврежденным и в состоянии значительного разложения и что вышепереченный мистер Джон Гармон скончался при весьма подозрительных обстоятельствах. Но каким именно образом и от чьей руки, следствие, не располагая достаточными данными, установить не могло. В добавление следователь рекомендовал министерству внутренних дел (господин инспектор нашел такую меру в высшей степени разумной) предложить награду за разгадку этой тайны. Спустя двое суток была объявлена награда в сто фунтов, вместе с полным прощением вины тому лицу или лицам, причастному или причастным к преступлению, – и так далее, как оно следует по форме.

Это объявление прибавило инспектору хлопот, заставив его останавливаться в раздумье на спусках к реке и на плотинах, заглядывать в лодки и вообще раскидывать умом и сопоставлять одно обстоятельство с другим. Но, смотря по успеху, с каким люди сопоставляют одно с другим, у них получается либо женщина и рыба по отдельности, либо целая русалка. А у инспектора при всем старании не получалось ничего, кроме русалки, в которую никакой суд не поверил бы.

Так, подобно водам, которые вынесли его на свет, убийство Гармона, – как оно стало именоваться в народе, – убывало и прибывало, поднималось и опускалось, то среди дворцов, то среди хижин, то в городе, то в деревне, то среди лордов и знатных господ, то среди рабочих, молотобойцев и грузчиков, пока наконец после долгого покачивания в стоячей воде его не вынесло в открытое море.

Глава IV

Семейство Р. Уилфера

Имя Реджинальд Уилфер звучит довольно величественно, при первом знакомстве с ним наводя на мысль о бронзовых надгробиях в деревенских церквах, о надписях на цветных витражах и вообще о неких де Уилферах, которые явились к нам вместе с Вильгельмом Завоевателем ¹⁵. Ведь в генеалогии замечателен тот факт, что никакие Де к нам ни с кем другим не являлись.

Однако предки Реджинальда Уилфера были такого заурядного происхождения и образа жизни, что в течение ряда поколений это семейство весьма скромно кормилось около доков, акцизного управления и таможни, а теперешний Р. Уилфер был бедный конторщик. Настолько бедный, что, имея ограниченное жалованье и неограниченное число детей, он ни разу в жизни не мог достичь скромного предела своих мечтаний, а именно: одеться с головы до пят во все новое сразу, включая сапоги и шляпу. Его черная шляпа успевала порыжеть, прежде чем он обзаводился деньгами на новый сюртук, брюки белели по швам и на коленках раньше, чем он собирался купить себе пару сапог, сапоги изнашивались прежде, чем он мог позволить себе новые брюки, и к тому времени, как он снова добирался до шляпы, блестящему модному цилиндру приходилось увенчивать собой ветхие руины разных периодов.

Если бы традиционный вербный херувим мог предстать перед нами взрослым и одетым, то его фотография вполне заменила бы портрет Р. Уилфера. По внешности Р. Уилфер был так пухлощек, моложав и наивен, что к нему всегда относились свысока, а то и попросту командовали им. Посторонний человек, заглянув в его бедное жилье часов около десяти вечера, непременно удивился бы, что он так поздно сидит за ужином. Своей пухлостью и малым ростом он до такой степени напоминал мальчишку, что попадись он на Чипсайде ¹⁶ своему бывшему учителю, тот вряд ли удержался бы от искушения высечь его тут же на месте. Словом, это был традиционный херувим во взрослом состоянии, как было уже сказано, несколько седоватый и явно в стесненных обстоятельствах.

По своей застенчивости он не любил признаваться в том, что его зовут Реджинальдом, так как это имя казалось ему слишком высокопарным и вычурным. Подписываясь, он ставил одно начальное Р. и разве только избранным друзьям, и то под строгим секретом, сообщал, что, собственно, оно значит. Из этого в окрестностях Минсинг-лейна возникло шутовское обыкновение давать ему прозвища из прилагательных и существительных, начинающихся с Р. Одни из них более или менее соответствовали его характеру, как, например: Рохля, Разиня, Размазня, Растяпа, Работяга, Резонер и т. д., у других же вся соль заключалась в том, что они были совершенно к нему неприменимы, как, например: Ракалья, Разбитной, Ражий, Развеселый. Но излюбленным было прозвище Рамти, сочиненное в минуту вдохновения одним охотником до пирушек, служившим по аптечной части, и входившее в припев к хоровой песне, сольное исполнение которой привело этого джентльмена в храм славы, а весь припев, весьма выразительный, звучал так:

Рамти и-ти-ти, рау, дау, дау,
Пойте все ти-ли-ли, бау, вау, вау.

---

¹⁵ ...которые явились к нам вместе с Вильгельмом Завоевателем. – Намек на происхождение английского дворянства от нормандцев-завоевателей, владычествовавших в Англии после победы войск герцога Нормандии Вильгельма над англосаксами в 1066 году.

¹⁶ Чипсайд – одна из центральных магистралей Лондона.

Вот почему даже в деловых записках его именовали «Многоуважаемый Рамти», а он, отвечая на эти записки, степенно подписывался: «Преданный Вам Р. Уилфер».

Он служил конторщиком на складе медикаментов Чикси, Вениринга и Стоблса. Прежних его хозяев, Чикси и Стоблса, поглотил Вениринг, бывший их коммивояжер или агент по поручениям, который ознаменовал свое восшествие на престол тем, что украсил помещение фирмы зеркальными окнами, лакированными перегородками красного дерева и блестящей дверной доской невиданных размеров.

Однажды вечером Р. Уилфер запер свою конторку и, положив в карман связку ключей, словно любимую игрушку, отправился домой. Дом его находился к северу от Лондона, в районе Холлоуэя, в те времена отделенного от города полями и рощами. Между Бэтл-Бриджем и той частью Холлоуэя, где он жил, простиралась пригородная Сахара, где обжигали кирпич и черепицу, вываривали кости, выбивали ковры, драли собак и где подрядчики сваливали в кучи шлак и мусор. Проходя своей дорогой по краю этой пустыни, Р. Уилфер вздохнул и покачал головой, глядя на огонь заводских печей, зловещими пятнами проступавший сквозь туман.

– Ах, боже мой! – произнес он. – Все идет не так, как полагается.

И, высказав такое мнение о человеческой жизни, почерпнутое не только из своего личного опыта, он ускорил шаги, стремясь к своей цели.

Миссис Уилфер была, как и следовало ожидать, женщина высокого роста и угловатого сложения. Поскольку ее супруг и повелитель был похож на херувима, она, конечно, должна была отличаться величием, сообразно тому правилу, что в браке соединяются противоположности. Она очень любила покрывать голову носовым платком, связывая его концы под подбородком. Этот головной убор в соединении с перчатками, надеваемыми в комнате, она, видимо, считала своего рода броней против несчастий (и неизменно облакалась в нее, будучи не в духе или ожидая неприятностей), а также чем-то вроде парадного костюма. И потому душа ее супруга невольно ушла в пятки, как только он увидел, что миссис Уилфер, оставив свечу в маленькой прихожей, спускается с крыльца в этом героическом одеянии и идет через палисадник отпереть ему калитку.

Со входной дверью что-то было не в порядке, и Р. Уилфер, остановившись на крыльце, воззрился на нее с восклицанием:

– О-го?

– Да, – сказала миссис Уилфер, – мастер сам пришел с клещами, снял вывеску и унес. Он говорит, что потерял всякую надежду получить за нее деньги, а так как ему заказали еще одну доску с надписью «Пансион для девиц», оно выйдет даже лучше (поскольку она вычищена) для всех заинтересованных в этом деле.

– Может быть, оно и действительно лучше, милая: как по-твоему?

– Вы здесь хозяин, Р. У., – возразила его жена. – Пусть будет по-вашему, а не по-моему. Может, было бы еще лучше, если б он унес и самую дверь.

– Милая, без двери нам никак нельзя.

– Неужели нельзя?

– Что ты, душа моя! Как же это можно?

– Пускай будет по-вашему, Р. У., а не по-моему. – И с этими покорными словами послушная жена проследовала впереди мужа вниз по лестнице в полуподвальную комнатку, не то кухню, не то гостиную, где девушка лет девятнадцати, очень красивая и стройная, но с раздраженным и недовольным выражением лица и плеч (которые у девиц ее возраста отлично умеют выражать недовольство), играла в шашки с другой девушкой, самой младшей из всего потомства Уилферов. Чтобы не загромождать страницы, перечисляя всех Уилферов по отдельности, и покончить с ними разом, довольно будет сказать здесь, что остальные, как принято выражаться, уже разлетелись по белу свету и что их было очень много. Так много, что, когда кто-нибудь из почтительных детей приходил повидаться с отцом, Р. Уилфер, казалось, говорил

сам себе, произведя сначала умственный подсчет: «Вот и еще один!» – прежде чем прибавить вслух: «Как поживаешь, Джон?» (или Сьюзен, – смотря по обстоятельствам).

– Ну, поросятки, как вы себя чувствуете нынче вечером? – сказал Р. Уилфер. – Вот о чем я думал, милая, – обратился он к миссис Уилфер, которая уже уселась в углу, сложив руки в перчатках одну поверх другой, – я думал, что если мы так удачно сдали наш второй этаж, то поместить учениц все равно будет негде, хотя бы даже ученицы...

– Молочник говорил, что знает двух девиц самого лучшего круга, которые как раз ищут подходящее заведение, и взял мою карточку, – прервала его миссис Уилфер монотонным и строгим голосом, словно читая вслух парламентский акт. – Белла, скажи твоему отцу, когда это было, не в прошлый ли понедельник?

– Да, но больше мы про это ничего не слышали, – сказала Белла, старшая из дочерей.

– Кроме того, милая, – упорствовал муж, – если тебе некуда поместить этих молодых особ...

– Извините меня, – снова прервала его миссис Уилфер, – они не просто молодые особы. Две молодые леди самого лучшего круга. Скажи твоему отцу, Белла, так или не так говорил молочник.

– Милая, это совершенно все равно.

– Нет, не все равно, – отвечала миссис Уилфер по-прежнему внушительно и монотонно. – Уж вы меня извините!

– Я хочу сказать, душа моя, что в смысле места это все равно. В смысле места. Если тебе некуда девать двух молодых особ, хотя бы они и были самого высшего круга, в чем я нисколько не сомневаюсь, то куда же ты их поместишь? Дальше этого я не иду и смотрю на дело исключительно с точки зрения этих юных существ, моя милая, с чем ты и сама должна согласиться, душа моя, – уговаривал ее муж примирительным, заискивающим и вместе с тем убедительным тоном.

– Мне больше не о чем говорить, – возразила миссис Уилфер, кротко взмахнув перчатками в знак отречения. – Пусть будет по-вашему, Р. У., а не по-моему.

Тут мисс Белла, потеряв три шашки разом и огорчившись тем, что Лавиния прошла в дамки, так подтолкнула шашечную доску, что она слетела со стола вместе с шашками, и ее сестра, опустившись на колени, принялась подбирать их.

– Бедняжка Белла! – вздохнула миссис Уилфер.

– А может быть, и бедняжка Лавиния, душа моя? – подсказал Р. Уилфер.

– Извините меня, нет! – отрезала миссис Уилфер.

Достойная женщина отличалась, между прочим, изумительной способностью потворствовать своей хандре и тщеславию, превознося собственное семейство, к чему она в этом случае приступила немедленно.

– Нет, Р. У., Лавиния не знала тех испытаний, какие пришлось вынести Белле. Испытание, которое пришлось вынести вашей дочери Белле, быть может, не имеет себе равных, и в этом испытании она проявила, мне кажется, истинное величие души. Взгляните на вашу дочь Беллу в черном платье, которое носит она одна из всей нашей семьи, припомните обстоятельства, которые заставили ее надеть это платье, и так как вам известно, что эти обстоятельства подтвердились, то вам остается только преклонить голову на подушку и воскликнуть: «Бедняжка Лавиния!»

Тут мисс Лавиния, стоя под столом на коленях, объявила, что она не желает, чтобы папа или кто другой называл ее бедняжкой.

– Ну, конечно, ты этого не желаешь, милочка, – возразила ее мамаша, – потому что у тебя здоровый мужественный дух. И у твоей сестры Цецилии здоровый мужественный дух, только в другом роде, дух чистейшей преданности, прекрасный дух! В ее самопожертвовании проявляется чистая, женственная натура, которой трудно найти равную и которую невозможно

превзойти. У меня в кармане лежит письмо от твоей сестры Цецилии, полученное нынче утром – всего через три месяца после ее свадьбы, – бедная девочка! она пишет, что к ее мужу совершенно неожиданно приезжает тетушка, которая оказалась в стесненных обстоятельствах, и им придется дать ей приют под своим кровом... «Но я останусь ему верна, – она так трогательно пишет, – я его не покину, мама, я не должна забывать, что он мой муж. Пусть приезжает его тетушка!» Если все это вас не трогает, если вы не видите тут женской преданности... – и почтенная дама, не в силах говорить далее, взмахнула перчатками, поправила носовой платок на голове и еще крепче стянула узел под подбородком. Белла, которая сидела на коврик перед камином, задумчиво глядя карими глазами на огонь и стараясь засунуть в рот целую горсть каштановых кудрей, засмеялась при этих словах, потом надула губки и чуть не заплакала.

– Хотя ты мне не сочувствуешь, па, я все-таки уверена, что несчастней меня нет девушки на свете. Ты знаешь, как мы бедны (возможно, он это знал, имея на то некоторые основания!) и как передо мной промелькнуло богатство и тут же растаяло в воздухе, а теперь я хожу в этом нелепом трауре – ненавижу его! – вроде вдовы, которая никогда не была замужем. А ты меня все-таки не жалеешь. Нет, жалеешь, жалеешь!

Эта неожиданная перемена настроения была вызвана переменой в лице ее папаши. Она чуть не стянула его со стула, чтобы поцеловать и похлопать по щекам, заставив сначала принять позу, весьма способствующую удушению.

– Но ты же сам знаешь, па, ты должен мне сочувствовать.

– Я и сочувствую, душа моя.

– Да, а я говорю, что так и следует. Если б только меня оставили в покое и ничего мне не говорили, тогда бы еще можно было терпеть. Но этот противный мистер Лайтвуд счел своим долгом, как он сам говорит, написать мне письмо и сообщить о том, что меня ожидает, и, значит, мне нужно было отделаться от Джорджа Самсона.

Тут в разговор вмешалась Лавиния, вынырнув на поверхность с последней шашкой в руке.

– Белла, ты никогда не любила Джорджа Самсона.

– А разве я говорю, что любила, мисс? – И Белла снова надула губки, засунув локоны в рот. – Джордж Самсон очень меня любил и восхищался мною и выносил все, что только я с ним ни проделывала!

– Ты была с ним довольно-таки невежлива, – снова прервала ее Лавиния.

– А разве я говорю, что не была, мисс? Я не собираюсь проливать слезы из-за Джорджа Самсона. Я говорю только, что Джордж Самсон был все же лучше, чем ничего.

– Ты даже этого не дала ему понять, – снова прервала ее Лавиния.

– Ты еще совсем девчонка, и притом глупенькая, – возразила Белла, – иначе не позволяла бы себе таких детских выходок. Что же, по-твоему, мне надо было делать? Не говори о том, чего не понимаешь, подожди, пока подрастешь. Ты только доказываешь этим свою наивность! – И то всхлипывая, то покусывая локоны, то умолкая, чтобы взглянуть, много ли откушено, она продолжала: – Это позор! Еще никто не бывал в таком затруднительном положении! Я бы не принимала ничего так близко к сердцу, если б все это не было так смешно. Смешно и то, что едет какой-то незнакомец жениться на мне, хочет он этого или нет. Смешно подумать, какая это была бы стеснительная встреча, и ведь ни один из нас не посмел бы даже заикнуться о том, что у него имеется своя сердечная склонность. Смешно подумать, что мне он мог бы и не понравиться. Да и как бы он мог понравиться, когда меня ему завешали точно дюжину ложек, и все это было состряпано и приготовлено заранее, как сушеные апельсиновые корки. Действительно, что уж тут говорить о флердоранже! Я опять повторяю, что это позор! Деньги могли бы все сгладить, потому что я люблю деньги и мне нужны деньги, ужасно нужны! Я ненавижу бедность, а мы унижительно бедны, оскорбительно бедны, бедны до нищеты, до неприличия. Ну вот я и осталась со всем, что тут есть нелепого и смешного, да еще вдобавок в этом нелепом

трауре! И если люди знали правду в то время, когда весь город только и говорил, что про убийство Гармона, и все допытывались, не самоубийство ли это, то всякие бесстыдники в клубах и других местах, уж верно, издевались надо мною и говорили, что этот несчастный предпочел броситься в реку, лишь бы не жениться на мне. Уж верно, позволяли себе такие шуточки, и неудивительно! Я опять говорю, что мое положение очень тяжелое и что я самая несчастная девушка на свете. Подумать только, что ты вроде вдовы, а даже и не была замужем. Подумать только, что ты как была бедной, так и осталась, да еще должна носить траур по ком-то, кого даже и не видела, а если б видела, то невзлюбила бы сразу, потому что ведь все это вышло из-за него!

Тут причитания молодой особы были прерваны постукиванием руки в полуоткрытую дверь комнаты. Рука успела постучаться уже два или три раза, но никто не слышал стука.

– Кто там? – спросила миссис Уилфер самым строгим парламентским тоном. – Войдите!

Вошел джентльмен, и мисс Белла с коротким и резким восклицанием вскочила с коврика и перекинула всю массу локонов туда, где им полагалось быть, то есть на шею.

– Служанка заперла дверь своим ключом и направила меня в эту комнату, сказав, что меня ожидают. Быть может, лучше было бы попросить, чтобы она обо мне доложила.

– Извините меня, – возразила миссис Уилфер. – Зачем же? Это мои дочери. Р. У., это тот джентльмен, что снял у вас второй этаж. Он был так любезен, что согласился зайти вечером, когда вы будете дома.

Брюнет, самое большее лет тридцати. Лицо выразительное, даже можно сказать красивое. Совершенно не умеет себя вести. Дурные, очень дурные манеры. Держится крайне при-
нужденно, натянуто, застенчиво, очень волнуется. Только взглянул на Беллу и сейчас же опустил глаза, обращаясь к хозяину дома:

– Мистер Уилфер, так как я очень доволен и комнатами, и их расположением, и ценою, то не лучше ли нам будет сейчас же составить условие в две-три строчки, и я уплачу наличными, чтобы скрепить нашу сделку? Я хочу немедленно перевезти свою мебель.

В продолжение этой краткой речи херувим раза два или три указывал пухлой ручкой на стул, и в конце концов джентльмен уселся, нерешительно положив руку на край стола, а другой рукой нерешительно поднося свой цилиндр ко рту и водя им взад и вперед.

– Джентльмен предполагает снимать ваши апартаменты поквартально, Р. У., – сказала миссис Уилфер. – С тем чтобы обе стороны предупреждали о выезде за три месяца.

– Не знаю, стоит ли говорить о рекомендациях? – намекнул домохозяин, думая, что это само собою разумеется.

– Полагаю, что рекомендаций не понадобится, – возразил джентльмен после некоторого молчания, – да по правде сказать, для меня это и не совсем удобно, так как в Лондоне я человек новый. Я не требую рекомендаций от вас, быть может, и вы их от меня не потребуете. Это будет справедливо для нас обоих. Ведь я даже больше вам доверяю, потому что готов заплатить вперед сколько потребуется и оставляю в залог свою мебель. Тогда как у меня, если б вы оказались в стесненных обстоятельствах, – это, конечно, только предположение...

Р. Уилфер виновато покраснел, и миссис Уилфер из своего угла (она всегда величественно восседала в углу) пришла ему на помощь, произнеся на самых низких нотах:

– Разумеется.

– ...пропала бы... пропала бы моя мебель.

– Ну что ж, – радостно согласился Р. Уилфер, – деньги и имущество, конечно, самая лучшая рекомендация.

– Ты думаешь, самая лучшая, па? – негромко спросила мисс Белла, грея ножку на каминной решетке и не оборачиваясь.

– Одна из самых лучших, душа моя.

– А мне лично кажется, что было бы очень нетрудно прибавить к этому обычную рекомендацию, – сказала мисс Белла, встряхнув кудрями.

Джентльмен выслушал ее с заметным вниманием, хотя не поднимая глаз и не меняя позы. Он сидел неподвижно и молча до тех пор, пока будущий его домохозяин не принес бумагу и чернила, чтобы оформить сделку. Он сидел неподвижно и молча все время, пока будущий домохозяин писал.

Когда условие было написано в двух экземплярах (причем домохозяин трудился над ним, словно пишущий херувим с одного из тех полотен старых мастеров, которые принято называть сомнительными, тогда как на самом деле сомневаться тут не в чем), обе стороны его подписали, а Белла смотрела на них в качестве презиравшей все это свидетельницы. Расписались, с одной стороны, Р. Уилфер, а с другой – Джон Роксмит, эсквайр.

Когда пришел черед Беллы расписываться, мистер Роксмит, который поднялся с места и стоял, в нерешимости опираясь рукой на стол, посмотрел на нее украдкой, но очень внимательно. Он смотрел на красивую фигуру Беллы, которая склонилась над бумагой и спросила: «Где мне расписаться, па? Вот здесь, в уголке?» Он смотрел на красивые каштановые волосы, оттеняющие кокетливое личико; смотрел на свободный и твердый росчерк подписи, очень смелый для женщины, – потом оба они взглянули друг на друга.

– Очень признателен вам, мисс Уилфер.

– Признательны?

– Я доставил вам столько затруднений.

– Тем, что попросили расписаться? Да, конечно. Но ведь я дочь вашего хозяина, сэр.

Больше ничего не оставалось, как только уплатить восемь соверенов в завершение сделки, положить условие в карман, назначить время, когда жилец перевезет мебель и переедет сам, а затем уйти; и мистер Роксмит проделал все это как нельзя более неловко, после чего был выпровожен своим хозяином на свежий воздух. Когда Р. Уилфер с подсвечником в руке возвратился в лоно своего семейства, он нашел это лоно взволнованным.

– Па, – сказала Белла, – к нам въехал убийца под видом жильца!

– Па, – сказала Лавиния, – к нам въехал грабитель!

– Видно же, что он не смеет никому в глаза посмотреть, – сказала Белла. – Это просто неслыханно.

– Милые мои, – возразил их отец, – он очень застенчив, и я бы сказал, особенно застенчив в обществе девиц вашего возраста.

– Какие глупости, наш возраст! – сердито воскликнула Белла. – Какое ему дело до нашего возраста?

– А кроме того, мы не одних лет: какого именно возраста? – спросила Лавиния.

– Напрасно ты беспокоишься, Лавви, – отрезала мисс Белла, – ты сначала дорости до таких лет, чтобы можно было задавать подобные вопросы. Вот что я тебе скажу, па: между мной и мистером Роксмитом возникла естественная антипатия и глубокое недоверие, и так просто дело не кончится!

– Душа моя, и вы, девочки! – сказал херувим-патриарх. – Из разговора между мной и мистером Роксмитом возникло что-то вроде восьми соверенов, и дело кончится ужином, если вы со мной согласны.

Это сообщило весьма ловкий и счастливый оборот разговору, так как пиры были редкостью в хозяйстве Уилферов, где неизменное появление голландского сыра в десять часов вечера нередко комментировалось пухлыми плечиками мисс Беллы. Действительно, скромный голландец и сам, кажется, понимал, что ему недостает разнообразия, и обычно появлялся перед семейством Уилферов весь в слезах.

Обсудив сравнительные достоинства телячьих котлет, сладкого мяса и омаров, они вынесли решение в пользу телячьих котлет. Миссис Уилфер торжественно разоблачилась, сняв

перчатки и платок, и, жертвуя собой, взялась за сковородку, а Р. Уилфер самолично отправился за провизией. Скоро он возвратился, неся котлеты в свежем капустном листе, где они застенчиво обнимались с добрым ломтем ветчины. Сковородка на огне, не теряя времени, начала издавать мелодические звуки, словно наигрывая танцевальную музыку, – по крайней мере так казалось при взгляде на полные бутылки на столе, отражавшие игру пламени в своих налитых виноградным соком боках.

Скатерть была постелена Лавинией. Белла, в качестве общепризнанного украшения семьи, прежде всего старательно взбила обеими руками свои кудри, затем, усевшись в самое удобное кресло, стала распоряжаться приготовлением ужина, командуя то матери: «Поджарьте как можно румянее, ма!» – то сестре: «Поставьте солонку как следует, мисс, не будьте такой неряхой!»

Тем временем ее отец, сидя перед своим прибором в ожидании ужина и позвякивая золотыми мистера Роксмита, заметил, что шесть из этих золотых явились как раз вовремя для уплаты домохозяину, и поставил их столбиком на белой скатерти, чтобы полюбоваться ими.

– Терпеть не могу нашего хозяина! – сказала Белла.

Но, заметив, что физиономия отца вытянулась, она подошла к нему, села рядом и принялась взбивать ему волосы черенком вилки. Такая уж была привычка у этой избалованной девушки, причесывать всех своих родных, быть может, потому, что у нее самой были прелестные волосы и она ими много занималась.

– Ты заслужил, чтобы у тебя был свой собственный дом, правда, бедный мой па?

– Не больше, чем кто-нибудь другой, моя милая.

– Во всяком случае мне дом нужен больше, чем кому-нибудь другому, – сказала Белла, взяв его за подбородок и зачесывая сверху его льняные кудри, – и мне жалко, что эти деньги перейдут к чудовищу, которое и без того заглотило целую уйму, когда нам всем всего не хватает. А если ты скажешь (тебе хочется это сказать, я знаю, что хочется), что «это неразумно и недобросовестно, Белла», так я тебе отвечу: «Может быть, па, и даже очень возможно, но это происходит от бедности, оттого, что мне надоело и опротивело быть бедной», – вот в чем дело. Вот теперь ты очень мил, па, зачем ты не всегда так причесываешься? А вот и котлеты. Если они не очень румяные, мама, так я их есть не стану, пускай одна котлетка дожарится получше, специально для меня.

Котлеты, однако, достаточно подрумянились, даже на вкус Беллы, и эта молодая особа снизошла до того, чтобы отведать и котлет, не отправляя их обратно на сковородку, и содержимого двух бутылок, в одной из которых был шотландский эль, а в другой ром. Запах рома, усиленный кипятком и лимонной коркой, сначала разлился по комнате, а потом сосредоточился у пылающего камина настолько, что ветер, покружившись вокруг печной трубы, словно большая пчела, полетел далее, нагруженный этим восхитительным ароматом.

– Папа, – сказала Белла, прихлебывая душистую смесь и грея перед огнем ножку, – как ты думаешь, зачем старый мистер Гармон поставил меня в такое дурацкое положение (чтобы не говорить о нем самом, потому что он умер)?

– Трудно сказать, душа моя. Как я уже тебе рассказывал бог знает сколько раз, с тех пор как нашли его завещание, сомневаюсь, обменялся ли я со стариком хотя бы десятью словами. Если ему взбрело в голову нас удивить, то это ему удалось. Он нас удивил, это верно.

– А я топала и визжала, когда он впервые обратил на меня внимание? – спросила Белла, глядя на свою ножку.

– Ты топала, милая, и визжала тоненьким голоском и колотила меня своим капором, который нарочно сорвала с головы, – отвечал ее отец с таким удовольствием, словно воспоминание придавало особый вкус рому, – это было в одно воскресное утро, когда я повел тебя гулять, и ты капризничала оттого, что я шел не туда, куда тебе хотелось, а старик, сидя рядом

на скамеечке, сказал тогда: «Вот милая девочка, очень милая девочка, девочка с большими задатками». Такая ты и была, душа моя.

– А потом он спросил, как меня зовут, да, папа?

– Потом он спросил, как тебя зовут, милая, и меня тоже; а потом по утрам в воскресенье мы его часто встречали, если шли гулять в ту сторону, и... вот, право, и все.

Ром с водой тоже вышел весь, и Р. У., откинув голову назад и держа перевернутый стакан на носу, деликатно намекнул этим, что он все выпил и что со стороны миссис Уилфер было бы чистейшим милосердием налить ему еще. Но вместо того героическая женщина кратко напомнила, что пора спать, убрала бутылки, и все семейство отправилось ко сну – миссис Уилфер в сопровождении херувима, подобно суровой святой на картине, или просто почтенной матроне, изображенной аллегорически.

– А завтра в это время мистер Роксмит будет уже здесь, – сказала Лавиния, когда девушки остались одни у себя в комнате, – и того и жди, что перережет нам горло.

– И все-таки не надо загораживать от меня свечку, – возразила Белла. – Вот еще одно последствие бедности. Подумать только, что девушке с такими чудными волосами приходится убирать их при одной тусклой свечке, перед маленьким зеркальцем!

– А все-таки Джорджа Самсона ты поймала этими самыми волосами, как тебе ни плохо их причесывать!

– Ах ты, дрянная девчонка! Поймала Джорджа Самсона! Не ваше дело об этом разговаривать, мисс, погодите, пока придет ваше время кого-нибудь поймать, как вы выражаетесь.

– А может, оно уже пришло, – пробормотала Лавви, потрянув головой.

– Что ты сказала? – очень резко спросила Белла. – Что вы сказали, мисс?

Лавви не пожелала ни повторить, ни объяснить свои слова, и Белла, расчесывая волосы, постепенно перешла на монолог о том, какое это несчастье родиться в бедности, когда девушке нечего надеть, не в чем выйти на улицу, негде даже причесаться, потому что вместо туалетного столика торчит какой-то дрянной ящик, да еще приходится пускать в дом подозрительных жильцов. Дойдя до предела, она сделала особенно сильное ударение на этой последней жалобе, а могла бы сделать и еще сильнее, если бы знала, что у мистера Джулиуса Хэнфорда имеется двойник и что этого двойника зовут мистер Джон Роксмит.

Глава V

«Приют Боффина»

Напротив одного из лондонских домов, который выходил на угол Кэвендиш-сквера, несколько лет подряд сидел человек с деревянной ногой, в зимнее время грея другую ногу в корзинке, и добывал себе пропитание следующим образом: ежедневно, в восемь часов утра, он ковылял к своему углу, неся вешалку, стул, козлы, доску, корзину и зонтик, связанные вместе. Разобрав все это, он устраивал из козел и доски прилавков, доставал из корзины десяток яблок и горсточку-другую конфет и пряников, после чего обращал корзину в грелку для ноги, развешивал на вешалке полный набор грошовых романсов, ставил за ней стул, словно за ширмой, и усаживался там на весь день. В любую погоду он неизменно был на своем посту и неизменно прислонял спинку стула к одному и тому же фонарному столбу. В дождливую погоду он раскрывал зонтик над своим товаром – не над собой; в сухую погоду он свертывал полинялый зонтик, обвязывал его веревочкой и клал под козлы, словно переросший кочан салата, который, утратив сочность и цвет, увеличился зато в размере.

В правах на этот угол инвалид утвердился как-то незаметно, в силу давности. С самого начала, еще будучи не уверен в себе, он занял тот угол, куда выходила эта сторона дома, и за все время не сдвинулся с него ни на дюйм. Ветренный угол в зимнее время, пыльный угол в летнее время, неудобный угол в самое лучшее время года.

Когда посредине улицы было тихо, бесприютные клочки соломы и бумаги крутились на углу вихрем, а когда везде было сухо – бочка с водой, словно пьяная, толкалась и плескалась, разводя на этом углу сырость и грязь.

Над прилавком у него висела маленькая вывеска, не больше подноса, на которой было мелко написано его собственной рукой:

*Поручения принимаются
с точностью От
Дам и Дженгльменов
Остаюсь
Ваш покорн. слуга
Сайлас Вегг.*

С течением времени он убедил самого себя не только в том, что состоит в должности посыльного при угловом доме (хотя за весь год его посылали не больше пяти раз, и то по поручению кого-нибудь из прислуги), но также и в том, что он и сам старый слуга в этом доме, находится от него в вассальной зависимости и связан с ним узами преданности и чести. Поэтому он называл угловой дом не иначе как «наш дом», и хотя только воображал, будто знает, что там делается, и то шиворот-навыворот, все же настаивал, будто пользуется там доверенностью. Из тех же соображений, завидев в окне кого-нибудь из жильцов, он никогда не упускал случая поклониться. Однако он так мало знал обитателей дома, что даже имена для них придумал сам, как, например: «Мисс Элизабет», «маленький Джордж», «тетушка Джейн», «дядюшка Паркер», – не имея на то решительно никаких оснований, особенно в последнем случае, – и потому, весьма естественно, настаивал на своем с большим упорством.

Ему представлялось, будто он знает и самый дом не хуже, чем его жильцов со всеми их делами. Он никогда не бывал в доме, не заходил даже во двор хотя бы на длину толстой черной водопроводной трубы, которая тянулась от кухонной двери по сырým каменным плитам и больше походила на прочно присосавшуюся к дому пиявку. Но это не мешало Веггу расположить все в доме по собственному плану. Дом был большой, грязный, со множеством мутных боковых окон и пустующих надворных построек, и Вегг немало ломал голову, придумывая,

чем объяснить каждую деталь его внешности. Однако он отлично справился с этой задачей и пришел к убеждению, что знает дом как свои пять пальцев, так что не заблудится в нем даже с закрытыми глазами, – от наглухо заколоченных мансард под высокой кровлей до двух чугунных гасильников перед парадной дверью, которые словно приглашали весело настроенных гостей сначала угасить в себе все живое, а потом уже войти.

Положительно, ларек Сайласа Вегга был самым неприглядным из всех лондонских ларьков, торгующих пустяками. При виде яблок лицо у покупателя сводило судорогой, при виде апельсинов начинались колики в желудке, при виде орехов ломило зубы. Вегг всегда держал на прилавке малопривлекательную кучку этого товара, прикрытую деревянной меркой, которая не имела видимой внутренности и которой полагалось вмещать товара на пенни, в количестве, установленном Великой Хартией вольностей. От восточного ли ветра или от иной причины, – угол был восточный, – и ларек, и товар, и сам продавец казались высохшими, словно пустыня Сахара. Вегг был человек угловатый, жесткий, с лицом, словно вырубленным из очень твердого дерева и столь же выразительным, как трещотка ночного сторожа. Когда он смеялся, что-то дергалось у него в лице, и трещотка приходила в действие. Сказать по правде, это был до такой степени деревянный человек, что деревянная нога выросла у него как бы сама собою, и наблюдателю, не лишенному фантазии, могло прийти в голову, что еще полгода – и обе ноги у Вегга станут деревянными, если за это время ничто не воспрепятствует естественному развитию его организма.

Мистер Вегг был наблюдательный человек, или, как он сам выражался, «глаз у него был довольно-таки примечательный». Сидя на стуле, прислоненном к фонарному столбу, он ежедневно раскланивался с постоянными прохожими и немало кичился соответственными оттенками своих поклонов. Так, пастора он встречал поклоном, составленным из мирской почтительности с самым легким намеком на благоговейные размышления в храме Божиим; доктору кланялся дружески, как человеку, близко знакомому с состоянием его организма, что со всем уважением и подтверждал поклон; перед знатыми господами он рад был пресмыкаться, а для дядюшки Паркера, который служил в армии (по крайней мере так решил Вегг), он по-военному прикладывал руку к шляпе, чего застегнутый на все пуговицы краснолицый старик с сердитыми глазами, по-видимому, не желал замечать.

Один только предмет из всех товаров Вегга не был жестким – это имбирный пряник. Однажды днем, продав какому-то несчастному мальчику размокшую пряничную лошадку (едва ли годную для употребления) и липкую птичью клетку, стоявшую на прилавке, он достал из-под стула жестянку, чтобы заменить эти ужасающие образцы своего товара, и уже собирался снять с нее крышку, как вдруг остановился и сказал про себя: «Ага! Опять ты здесь!»

Эти слова относились к коренастому, сутуловатому и кривобокому старичку с креповой нашивкой на рукаве, с толстой тростью и в сюртуке горохового цвета, который, смешно подпрыгивая, словно иноходью подбегал к углу. На нем были башмаки на толстой подошве, толстые кожаные гетры и толстые перчатки, как у садовника. И по костюму и по сложению он смахивал на носорога – и вся кожа у него была в складках – складки на щеках, на лбу, на веках, около рта, на ушах; зато из-под кустистых бровей и широкополой шляпы смотрели очень живые, зоркие и детски любопытные серые глаза. В общем, какой-то чудак с виду.

– Опять ты здесь, – повторил мистер Вегг в раздумье. – А кто же ты такой будешь? Живешь процентами с капитала или еще чем-нибудь? Недавно поселился в наших местах или же зашел из другого околотка? Да еще есть ли у тебя средства, стоит ли гнуть спину и тратить на тебя поклон? Так и быть, рискну! Не пожалею поклона!

И мистер Вегг поклонился, поставив жестянку на место и выложив новую пряничную приманку для других доверчивых мальчиков. Его поклон был замечен.

– Доброго утра, сэр! Здравствуйте, здравствуйте! («Зовет меня „сэр“, – подумал про себя мистер Вегг. – Нет, куда он годится. Пропал мой поклон!»)

– Здравствуйте, здравствуйте, доброго утра! («Видать, довольно-таки общительный старикашка», – так же про себя подумал мистер Вегг.)

– Доброго утра и вам, сэр!

– Вы разве помните меня? – задорно, хотя и очень добродушно, спросил его новый знакомый, с разбега останавливаясь перед ларьком.

– Я видел, сэр, как вы несколько раз прошли мимо нашего дома на прошлой неделе.

– Нашего дома? – повторил старик. – То есть вот этого?

– Да, вот этого самого, – подтвердил мистер Вегг, кивнув головой, когда старик указал на угловой дом толстым пальцем в перчатке.

– Вот как! А сколько же вам платят? – настойчиво и с любопытством расспрашивал старичок, перекидывая свою узловатую палку на левую руку, словно грудного младенца.

– Для нашего дома я работаю сдельно, – сухо и сдержанно отвечал Сайлас, – пока что мне еще не положили определенного жалованья.

– Вот как! Пока что не положили определенного жалованья? Да! Пока что не положили определенного жалованья. Вот как! Всего хорошего, всего хорошего! Прощайте!

«Сдается, будто у старикашки не все дома», – вопреки прежнему благоприятному мнению подумал Сайлас, глядя, как старик удаляется иноходью. Но не прошло и минуты, как он опять был тут как тут с вопросом:

– А откуда у вас деревянная нога?

Мистер Вегг ответил довольно сухо, так как вопрос касался личности:

– Несчастный случай.

– Ну, и каково вам теперь?

– Что ж! Она у меня не зябнет, – буркнул в ответ мистер Вегг, выведенный из себя странностью вопроса.

– Она у него не зябнет, – сообщил старик своей узловатой палке, крепче прижимая ее к боку, – она у него – ха-ха-ха! – не зябнет! Слыхали когда-нибудь фамилию Боффин?

– Нет, – отвечал мистер Вегг, которого бесил этот допрос. – Никогда не слыхал фамилию Боффин.

– Нравится она вам?

– Н-нет, – возразил мистер Вегг, закипая от бешенства, – не могу сказать, чтобы нравилась.

– Почему же она вам не нравится?

– Не знаю почему, – ответил мистер Вегг, приходя уже в совершенную ярость, – не нравится – вот и все!

– Ну, так я вам сейчас скажу одно словечко, и вы об этом пожалеете, – улыбаясь, сказал незнакомец. – Это моя фамилия Боффин.

– Ничего не могу поделать, – отрезал мистер Вегг таким тоном, в котором подразумевалось обидное добавление: «А если б и мог, так не стал бы».

– Ну, попробуем еще разок, – сказал мистер Боффин, все так же улыбаясь. – Нравится вам имя Никодимус? Подумайте-ка хорошенько. Ник, или Нодди.

– Нет, сэр, – возразил мистер Вегг, садясь на свой стул с видом кроткой покорности судьбе, сочетающейся с меланхолической прямоотой, – мне бы не хотелось, чтобы меня называли этим именем люди, которых я уважаю; но, может быть, не у всех имеются такого рода возражения. А почему – не знаю, – прибавил Вегг, предвидя новый вопрос.

– Нодди Боффин, – повторил старик. – Нодди. Это мое имя. Нодди – или Ник – Боффин. А вас как зовут?

– Сайлас Вегг. Не знаю, почему Сайлас, и не знаю, почему Вегг, – ответил мистер Вегг, по-прежнему осторожно.

– Ну, Вегг, – сказал мистер Боффин, еще крепче прижимая к себе свою палку, – я хочу сделать вам одно предложение. Помните, когда вы меня в первый раз увидели?

Деревянная нога посмотрел на него задумчивым взглядом, несколько смягчившимся в предвидении возможной поживы.

– Позвольте подумать. Я не вполне уверен, хотя вообще глаз у меня довольно-таки примечательный. Не в понедельник ли утром? – тогда еще мясник приходил в наш дом насчет заказа и купил у меня один романс, – мне еще пришлось напеть ему мотив, потому что он не знал, как это поется.

– Правильно, Вегг, правильно! Только он купил не один романс.

– Да, верно, сэр, он купил несколько штук и, не желая тратить деньги на всякую дрянь, советовался со мной насчет выбора, – мы вместе с ним просмотрели всю коллекцию. Да, да, верно! Вот так он стоял, а вот так я стоял, а вот тут вы, мистер Боффин, на том самом месте, где теперь стоите, и с той же самой палкой в той же самой руке, и вот точно так же спиной к нам. Да, да, верно! – прибавил мистер Вегг, заглядывая за спину мистера Боффина, чтобы увидеть его сзади и проверить это последнее, поистине необычайное совпадение, что спина «та самая».

– Как по-вашему, что я тогда делал, Вегг?

– Я бы сказал, сэр, что вы, может быть, разглядывали улицу?

– Нет, Вегг. Я подслушивал.

– В самом деле, сэр? – с сомнением спросил мистер Вегг.

– Не с каким-нибудь дурным умыслом, Вегг, потому что вы пели мяснику: ведь не стали бы вы напевать секреты мяснику посреди улицы.

– Пока еще не приходилось, сколько припомню, – осторожно ответил мистер Вегг. – А вообще, дело возможное. Как знать, мало ли что человеку может прийти в голову со временем. (Это для того, чтобы не упустить самой малейшей возможности извлечь выгоды из признания мистера Боффина.)

– Так вот, – повторил Боффин, – я подслушивал ваш с ним разговор. А сколько вы?... Да нет ли у вас другого стула? Одышка замучила.

– Другого у меня нет, но вы садитесь, пожалуйста, на этот, – предложил Вегг, уступая ему стул. – Я и постою с удовольствием.

– Бог ты мой, как приятно тут посидеть! – воскликнул мистер Боффин, усевшись на стул и по-прежнему прижимая к себе палку, словно младенца, – какое тут славное местечко! Тут с обеих сторон эти романсы, будто шоры из книжных листков. Одно удовольствие!

– Если я не ошибаюсь, сэр, – деликатно намекнул мистер Вегг, опершись рукой на прилавок и нагнувшись к разглагольствующему Боффину, – вы упомянули о каком-то предложении?

– Сейчас дойдем и до этого. Да-да! Сейчас дойдем и до этого! Я хотел сказать, что если я слушал вас тогда утром, то слушал с восторгом, даже прямо-таки с благоговением. А про себя думал: «Вот человек с деревянной ногой, литературный человек...»

– Н-не совсем так, сэр, – сказал мистер Вегг.

– Да ведь вы знаете все эти романсы и по названиям и на голоса, так что если вам вздумается вдруг прочесть или пропеть любой из них, то стоит только надеть очки – вот и все! – воскликнул мистер Боффин. – Так вас и вижу за этим делом!

– Ну что ж, сэр, – подтвердил мистер Вегг, с достоинством наклоняя голову, – в таком случае можно сказать и литературный.

– «Литературный человек с деревянной ногой – и все печатное перед ним открыто!» Вот что я думал тогда утром, – продолжал мистер Боффин, наклоняясь вперед, чтобы описать правой рукой возможно большую дугу, не наткнувшись на вешалку с романами, – «все печатное перед ним открыто!» Ведь так оно и есть, правда?

– Что ж, сказать вам без утайки, сэр, – скромно согласился мистер Вегг, – какую бы печатную страницу вы мне ни показали, думаю, что я с ней расправлюсь в два счета, лишь бы печать была английская.

– Не сходя с места? – спросил мистер Боффин.

– Не сходя с места.

– Так я и думал! Тогда сообразите вот что. Я хоть и не на деревянной ноге, а все печатное для меня закрыто.

– Неужели, сэр? – отозвался мистер Вегг в приливе самодовольства. – Плохо учились?

– Плохо учился! – с расстановкой повторил мистер Боффин. – Совсем не то слово. Ну, конечно, если вы мне покажете букву «Б», так я ее узнаю, это та самая буква, с которой начинается «Боффин».

– Ну-ну, сэр, – вставил мистер Вегг поощрения ради, – это все-таки кое-что.

– Кое-что, но ей-же-ей немного, – ответил мистер Боффин.

– Может, это меньше, чем хотелось бы человеку любознательному, – согласился мистер Вегг.

– Так вот, послушайте. Дела я бросил и живу на покое. Вместе с миссис Боффин – Генриетти Боффин – ее отца звали Генри, а мать – Хетти, вот оно и получилось Генриетти, – и живем мы с ней в достатке на те деньги, что нам завещал покойный хозяин.

– Так он скончался, сэр?

– А я что говорю: покойный хозяин. Так вот, теперь мне уже поздно начинать рыться и копаться во всяких там азбуках и грамматиках. Дело к старости, не хочется себя утруждать. А хочется мне почитать что-нибудь, да чтобы печать была покрасивее, покрупнее, какую-нибудь этакую книгу получше, да чтоб томов было побольше, как в профессии лорд-мэра (он, должно быть, хотел сказать «в процессии»¹⁷, но сходство слов его подвело), такую, чтобы пришлось и по вкусу и по мысли и чтобы читать ее можно было не торопясь, подольше. А как же мне добраться до чтения, Вегг? Платить, – тут он толкнул Вегга в грудь набалдашником своей толстой палки, – платить такому человеку, который это дело знает как свои пять пальцев, платить по столько-то в час, скажем, по два пенса, чтобы он приходил ко мне и читал вслух.

– Гм! Разумеется, это лестно слышать, сэр, – ответил Вегг, начиная видеть себя в совершенно новом свете. – Гм! Вот это и есть то предложение, о котором вы говорили, сэр?

– Да. Нравится оно вам?

– Надо подумать, мистер Боффин.

– Мне не хочется стеснять литературного человека с деревянной ногой, – великодушно сказал мистер Боффин, – не хочется слишком его стеснять. Мы не поссоримся из-за лишних полпенни в час. Часы вы назначите сами, какие вам удобно, после того как освободитесь от занятий в вашем доме. Я живу недалеко от Мэйдн-лейна, ближе к Холлоуэю; стоит вам после занятий пройти немного на восток, а там свернуть к северу – вот вы и на месте. Два с половиной пенса в час, – продолжал Боффин, доставая из кармана кусок мела и поднимаясь со стула, чтобы по своему способу произвести вычисление на его сиденье, – две длинных и одна короткая – это будет два с половиной пенса, две коротких – это все равно что одна длинная, да два раза по две длинных – это будет четыре длинных – всего пять длинных; шесть вечеров в неделю по пяти длинных за вечер; сложить все вместе – получается тридцать длинных. Кругленькая сумма! Полкроны!

Указав на этот солидный и вполне удовлетворительный итог, мистер Боффин стер его, поплевав на перчатку, и уселся на следы мела.

– Полкроны, – в раздумье произнес мистер Вегг. – Да! Это не так много, сэр. Полкроны.

---

¹⁷ Ежегодно 9 ноября, в день вступления в должность лондонского лорд-мэра, в Лондоне происходит торжественная процессия, во время которой проносят городские книги.

– В неделю, знаете ли.

– В неделю. Да! А ведь сколько придется затратить умственных усилий. Стихи вы тоже имеете в виду? – сосредоточенно осведомился мистер Вегг.

– А разве стихи будут дороже? – спросил мистер Боффин.

– Конечно дороже, – подтвердил мистер Вегг. – Если человек со всем своим усердием долбит стихи вечер за вечером, так он вправе ожидать добавочной платы, ведь они действуют на голову расслабляюще.

– Сказать вам по правде, Вегг, стихов я не имел в виду, разве только вот в каком отношении: если вам вдруг вздумается угостить меня и миссис Боффин каким-нибудь романсом, вот тогда мы с вами ударимся в поэзию.

– Понимаю, сэр. Но поскольку я не настоящий музыкант, не певец по профессии, мне бы не хотелось брать за это деньги. Так что если б мне случилось удариться в поэзию, то я просил бы вас в это время рассматривать меня как друга.

Глаза мистера Боффина просияли, и он с чувством пожал руку мистера Вегга, говоря, что он даже и не рассчитывал на это и очень рад.

– Что вы думаете насчет условий, Вегг? – спросил мистер Боффин, не скрывая тревоги.

Сайлас, намеренно поддерживавший эту тревогу суровой сдержанностью тона и уже начинавший понимать, с кем имеет дело, ответил с таким выражением, будто его слова свидетельствовали о необычайной широте и величии его души.

– Мистер Боффин, я никогда не торгуюсь.

– Так я и думал! – с восхищением сказал мистер Боффин.

– Да, сэр. Никогда не запрашивал и не стану запрашивать. А потому я сразу пойду вам навстречу и скажу прямо и честно: согласен за двойную цену!

Мистер Боффин, казалось, вовсе не ожидал такого заключения, но согласился, заметив:

– Вам лучше знать, чего это стоит, Вегг, – и снова пожал ему руку. – Могли бы вы начать нынче вечером? – спросил он, помолчав.

– Да, сэр, – ответил мистер Вегг, заботясь о том, чтобы все рвение проявлял исключительно мистер Боффин. – С моей стороны препятствий нет, если вам так желательно. У вас имеется необходимое орудие – то есть книга, – сэр?

– Я ее купил на распродаже, – сказал мистер Боффин. – Восемь томов, красные с золотом. В каждом томе алая лента, чтоб закладывать место, на котором остановишься. Вы знаете эту книжку?

– А как она называется, сэр? – осведомился Сайлас.

– Я думал, может, вы и так ее знаете, – несколько разочаровавшись, сказал мистер Боффин. – Она называется «Упадок... и... разрушение русской империи»¹⁸. (Мистер Боффин одолевал эти камни преткновения медленно и с большой осторожностью.)

– Ах, вот как! – И мистер Вегг кивнул головой, словно узнавая старого друга.

– Вы ее знаете, Вегг?

– Последнее время мне как-то не приходилось в нее заглядывать, – отвечал мистер Вегг, – был занят другими делами, мистер Боффин. Ну, а насчет того, знаю ли я ее? Еще бы, сэр! Знал еще тогда, когда был не выше вот этой трости. Знал еще тогда, когда мой старший брат ушел из дому и поступил в солдаты. Как говорится в романсе, написанном на этот случай, мистер Боффин:

Пред хижиной стояла дева¹⁹, мистер Боффин,

---

¹⁸ Имеется в виду труд английского историка Эдуарда Гиббона (1737–1794) «История упадка и разрушения Римской империи».

¹⁹ «Пред хижиной стояла дева...» – песенка композитора Джорджа Александра Ли (1802–1851) «Солдатская слеза».

Свой белый шарф держа в руках,
Порывы ветра налетали, сэр,
Он развевался, словно флаг.
Она свою мольбу шептала,
Но Бог ее не услышал:
Мой старший брат, на саблю опираясь, мистер Боффин,
Украдкой слезы утирал.

Под сильным впечатлением этого семейного события, а также дружеского расположения мистера Вегга, которое выразилось в том, что он так скоро ударился в поэзию, мистер Боффин снова пожал руку деревянному пройдохе и попросил его назначить час. Мистер Вегг обещал прийти в восемь.

– Тот дом, где я живу, называется «Приют», – сказал мистер Боффин. – «Приют Боффина» – так его окрестила миссис Боффин, когда он стал нашим собственным домом и мы в него переехали. Идите к Мэйдн-лейну, через Бэтл-Бридж; не дойдя с милю или милю с четвертью, – это как хотите, – спросите «Приют», и если окажется, что никто этого названия не знает (да оно и не похоже, чтобы знали), то спросите Гармонову тюрьму, или Гармонию, тогда вам всякий укажет. А я буду вас ждать с нетерпением, Вегг, прямо-таки с радостью, – сказал мистер Боффин, восторженно хлопая его по плечу. – Не успокоюсь, пока вы не придете. Вот теперь мне откроется все печатное! Придет нынче вечером литературный человек – на деревянной ноге, – мистер Боффин бросил восхищенный взгляд на это украшение, словно оно помогало ему оценить достоинства мистера Вегга, – и с ним я начну новую жизнь. Вашу руку, Вегг! Еще раз до свидания! Всего хорошего, всего хорошего!

Старик убежал иноходью, а мистер Вегг, оставшись один у своего ларька, забрался за ширму, извлек носовой платок, жесткий как власяница, и с глубокомысленным видом ухватил себя за нос. Держась за нос, он задумчиво поглядывал вниз по улице, вслед удаляющейся фигуре мистера Боффина. Физиономия мистера Вегга выражала глубочайшую серьезность. Ибо, размышляя про себя о том, что это старичок редкой простоты, что такую возможность было бы грешно упустить и что тут можно нажать и побольше, чем они только что подсчитали вдвоем, он нисколько не уронил себя: он не допускал даже и мысли, что новое занятие вовсе не по его части или что в этом занятии есть хоть что-нибудь недостойное и смешное. Мистер Вегг не на шутку поссорился бы со всяким, кому вздумалось бы усомниться в его близком знакомстве с восемью томами «Упадка и разрушения». Глубина его серьезности была необычайной, знаменательной и неизмеримой, не потому, что он сколько-нибудь сомневался в своих силах, но потому, что он провидел необходимость пресекать такого рода сомнения, если б они возникли у других. Этим он показал, что принадлежит к весьма многочисленному разряду самозванцев, которые готовы обманывать не только ближних, но и самих себя.

Помимо всего прочего, мистер Вегг преисполнился гордостью: ему льстило, что он призван выполнять официальную роль истолкователя всякого рода тайн. Это отнюдь не побуждало его отпускать товар более щедро, наоборот: если бы деревянная мерка могла вместить в этот день меньше орехов, чем обычно, он не преминул бы этим воспользоваться. Но когда настала ночь и сквозь свое покрывало заметила Вегга, ковыляющего к «Приюту Боффина», он ощутил некий подъем настроения.

Без путеводной нити «Приют Боффина» было так же трудно найти, как и приют прекрасной Розамунды²⁰. Добравшись до указанного места, Сайлас Вегг раз двадцать спросил, где здесь находится «Приют», но без малейшего успеха, пока не вспомнил про Гармонову тюрьму.

---

²⁰ Прекрасная Розамунда – фаворитка английского короля Генриха II; побуждаемый ревностью королевы, король укрыл Розамунду в Вудстокском замке, отличавшемся запутанными ходами и переходами.

Это вызвало мгновенную перемену в настроении охрипшего джентльмена с тележкой и ослом, уже дошедшего до полного недоумения.

– Да вы про что? Про дом старика Гармона, что ли? – спросил охрипший джентльмен с тележкой, подгоняя своего осла морковью вместо кнута. – Так бы сразу и говорили! Мы с Эддардом как раз мимо поедem! Садитесь.

Мистер Вегг не заставил себя упрашивать, и охрипший джентльмен обратил его внимание на третьего из присутствующих:

– Ну-ка, поглядите на уши Эддарда. Как это вы сначала сказали? Повторите шепотом.

Мистер Вегг прошептал:

– «Приют Боффина».

– Эддард! (Глядите ему на уши!) Пошел к «Приюту Боффина». (Эддард и ухом не повел, словно не слышал.) Эддард! (Глядите ему на уши!) Пошел к Старому Гармону!

Эддард мгновенно наострил уши торчком и поскакал таким карьером, что слова мистера Вегга слетали у него с языка в самом вывихнутом состоянии.

– Разве тут была тюрьма? – спросил мистер Вегг, цепляясь за тележку.

– Не то чтоб настоящая тюрьма, куда можно бы засадить нас с вами, – отвечал его проводник, – а так прозвали из-за того, что старик Гармон жил тут один, как сын.

– А поче-му она назы-вается «Гар-мония»?

– Потому что он никогда ни с кем не соглашался. Вроде как в насмешку прозвали: Гармонова тюрьма, Гармония. Для красного словца.

– Знаете ли вы мист-ера Б-боф-фина? – спросил Вегг.

– Еще бы не знать! Его тут все знают. Вот и Эддард знает. (Глядите на его уши!) Нодди Боффин, Эддард!

Действие этого имени оказалось настолько потрясающим, что голова Эддарда на время скрылась из виду, задние копыта взметнулись кверху, и тележка помчалась с такими толчками, что у мистера Вегга пропало всякое желание узнать, следует ли считать эту выходку данью уважения Боффину или наоборот, – все его внимание было сосредоточено на том, как бы не вылететь из тележки.

Вскоре Эддард остановился перед воротами, и Вегг, благоразумно не теряя времени, поспешил соскочить с тележки сзади. Как только он стал на ноги, его возница крикнул, помавав морковью: «Ужинать, Эддард!» И Эддард, тележка, задние копыта и сам возница, казалось, поднялись на воздух и скрылись из виду, словно в театральном апофеозе.

Толкнув полуотворенную калитку, мистер Вегг заглянул в огороженное пространство, где высились чуть не до небес какие-то темные холмы и где при лунном свете белела дорожка к «Приюту», обозначенная красоты ради двумя полосами фаянсовых черепков среди золы. Белая фигура, двигавшаяся навстречу ему по этой дорожке, оказалась отнюдь не призраком, но самим мистером Боффином, который, готовясь к занятиям наукой, оделся полегче и попроще – в белую блузу. Он весьма сердечно приветствовал своего литературного друга, затем повел его в «Приют» и там представил миссис Боффин, тучной даме с румяным веселым лицом, одетой (к великому ужасу мистера Вегга) в открытое бальное платье из черного атласа и в черной бархатной шляпе с перьями.

– Миссис Боффин, Вегг, у меня большая модница. Она женщина видная, так что всякой моде сделает честь. Сам я пока еще не привык к модной жизни, разве когда-нибудь потом привыкну. Генриетт, старушка, вот это и есть тот джентльмен, который взялся крушить русскую империю.

– И, уж верно, это пойдет вам обоим на пользу, – ответила миссис Боффин.

Комната была самая странная и, на взгляд Сайласа Вегга, по обстановке больше походила на богато убранную распивочную. У камина, по одному с каждой стороны, стояли два ларя и перед каждым из них – по столу. На одном из этих столов были разложены в один ряд, наподо-

бие гальванической батареи, те самые восемь томов; на другом – оплетенные соломой пузатые бутылки заманчивой наружности словно привставали на цыпочках, чтобы подмигнуть мистеру Веггу из-за стоящих впереди стаканов и сахарницы с рафинадом. На огне кипел чайник, перед огнем дремала кошка. Между ларями, перед камином, стояли диван, ножная скамеечка и столик – центральное место, отведенное миссис Боффин. Эта обстановка гостинной, крикливая и пестрая, но отнюдь не дешевая, выглядела довольно странно рядом с ларями и ярким газовым рожком, свисавшим с потолка. На полу лежал цветастый ковер, но его яркая растительность не доходила до камина и обрывалась у ножной скамеечки миссис Боффин, уступая место опилкам и песку. Восхищенный взгляд мистера Вегга подметил, кроме того, что эта цветущая область выставляла напоказ только такие бесплодные украшения, как птичьи чучела и восковые плоды под стеклянным колпаком, тогда как на территории, лишенной растительности, этот недостаток восполняли полки, где среди прочих твердых тел усматривались едва початый пирог и большой кусок холодной говядины. Сама комната была просторная, хотя и низкая; старинные тяжелые рамы окон и массивные балки прогнувшегося потолка говорили о том, что это был некогда богатый загородный особняк, стоявший поодаль от других.

– Вам здесь нравится, Вегг? – спросил мистер Боффин со свойственным ему зазором.

– Я в восторге, сэр, – ответил Вегг. – Особенно уютно у этого очага, сэр.

– Понимаете, в чем дело, Вегг?

– Вообще говоря, понимаю, сэр, – начал Вегг медленно и с видом знатока, склонив голову набок, как делают люди уклончивые, но мистер Боффин прервал его:

– Нет, вы не понимаете, Вегг, так я вам объясню, в чем дело. Тут все устроено по взаимному согласию между мной и миссис Боффин. Миссис Боффин, как я уже вам говорил, гонится за модой, а я пока еще нет. Я ни за чем не гонюсь, кроме уюта и удобства такого рода, чтобы мне они доставляли удовольствие. Ну вот. Что же было бы хорошего, если б мы с миссис Боффин поссорились из-за этого? Мы с ней никогда не ссорились до того, как «Приют Боффина» стал нашим собственным и мы в него переехали. Зачем же нам ссориться теперь, когда «Приют Боффина» стал нашим собственным и мы в него переехали? Вот миссис Боффин и живет на своей половине комнаты так, как ей хочется, а я живу на моей половине так, как мне хочется. И потому у нас имеются сразу и Общительность (без миссис Боффин я бы повесился с тоски), и Мода, и Уют. Если я когда-нибудь тоже сделаюсь модником, то миссис Боффин будет мало-помалу продвигаться вперед. Если миссис Боффин надоест гоняться за модой, тогда ковер миссис Боффин отодвинется назад. Если же мы оба будем жить по-старому, ну что ж, тогда все у нас останется по-старому – поди поцелуй меня, старушка.

Миссис Боффин, все так же сияя улыбкой, охотно согласилась и, подойдя к своему супругу, продела пухлую ручку под его руку. Мода, в виде черной бархатной шляпы с перьями, пыталась воспрепятствовать поцелую, но была заслуженно помята при этой попытке.

– Теперь, Вегг, вы с нами более или менее знакомы, – сказал мистер Боффин, утирая губы, словно после чего-то очень вкусного. – Прелесть что за местечко, этот наш «Приют», но к нему не сразу привыкнешь. Это такое место, что вы каждый день будете открывать в нем новые достоинства, одно за другим. Тут на вершушку каждой насыпи ведет извилистая дорожка, и с этой дорожки вид на двор и его окрестности меняется каждую минуту. А как взойдешь наверх, то открывается такой вид на соседние постройки, которому – ну просто нет равных. Владения покойного батюшки миссис Боффин (производство собачьих галет) у вас как на ладони, будто они ваши собственные. А наверху Большой Насыпи устроена решетчатая беседка, и не моя будет вина, если вы этим летом не прочитаете нам с миссис Боффин уйму книжек в этой самой беседке, а может, как друг, ударитесь и в поэзию. Ну, а с чего же мы начнем чтение?

– Благодарю вас, сэр, – ответил Вегг, словно чтение было для него вовсе не новым делом. – Как обыкновенно, начнем с джина.

– Смачивает горло, правда, Вегг? – в своем простодушном усердии спросил мистер Боффин.

– Н-нет, сэр, – холодно возразил Вегг, – я бы выразился иначе, сэр. Я сказал бы – смягчает горло. Смягчает, – вот какое слово я употребил бы, сэр.

Тупое чванство и хитрость Вегга росли с минуты на минуту, наравне с восторженностью его жертвы. Хотя перед его корыстолюбивой душой уже носились видения, каким способом можно будет извлечь прибыль из этого знакомства, они отнюдь не мешали главной его мысли, свойственной всем тупоголовым мошенникам, – как бы не продешевить и не уронить себя.

Мода миссис Боффин – божество менее жестокосердое, чем тот кумир, которого обычно чтут под этим именем, позволила ей приготовить стаканчик смеси для литературного гостя и даже спросить, по вкусу ли ему напиток. Когда Вегг удостоил ее милостивым ответом и уселся на литературный ларь, мистер Боффин тоже уселся на ларь напротив него и, сияя глазами, приготовился слушать.

– Жалко лишать вас трубочки, Вегг, – сказал он, набивая трубку для себя, – да ведь нельзя же делать два дела разом! О! Еще про одно я забыл вам сказать. Когда вы придете сюда вечером и осмотритесь по сторонам, то если увидите на полке что-нибудь подходящее, прямо так и говорите.

Вегг, который уже надел было очки, немедленно снял их и заметил игриво:

– Вы угадали мою мысль, сэр. Если мои глаза меня не обманывают, то не вижу ли я там пирог? Не может быть, чтобы это был пирог.

– Да, это пирог, – ответил мистер Боффин, бросая несколько разочарованный взгляд на «Упадок и разрушение».

– Может, я не разбираюсь в запахах, сэр, или это действительно пирог с яблоками?

– Это пирог с телятиной и ветчиной, – сказал мистер Боффин.

– В самом деле, сэр? А ведь, пожалуй, нет вкуснее пирога, чем с ветчиной и телятиной, – заметил мистер Вегг, прочувствованно кивая головой.

– Не хотите ли съесть кусочек, Вегг?

– Благодарю вас, мистер Боффин. Пожалуй, съем, раз вы приглашаете. В другой компании я бы отказался при таком положении дел, но у вас, сэр!.. А ведь сочное мясо, да если оно еще слегка присолено, как полагается ветчине, смягчает орган, даже очень смягчает орган.

Какой именно орган – мистер Вегг не сказал, – он говорил вообще и в положительном смысле.

Пирог сняли с полки, и почтенному мистеру Боффину пришлось вооружиться терпением, пока Вегг не прикончил всего пирога, вооружившись ножом и вилкой. Он только воспользовался этим обстоятельством и сообщил Веггу, что, хотя мода этого и не одобряет, он (мистер Боффин) считает долгом гостеприимства держать на виду все, что есть в кладовой; вместо того чтобы говорить гостю довольно-таки отвлеченно: «Внизу имеются такие-то припасы, не принести ли вам чего-нибудь наверх?» – действуешь более смело и практически, показывая на полки: «Посмотрите сами и берите, если вам что-нибудь понравится».

Но вот наконец мистер Вегг отодвинул тарелку и надел очки; а мистер Боффин закурил трубку, радостно тараща глаза на открывающийся перед ним мир; а миссис Боффин, по-модному, прилегла на диван – если сможет, будет слушать, а если окажется, что не сможет, – будет дремать.

– Гм! – начал Вегг. – Это, мистер Боффин и миссис Боффин, есть первая глава первого тома «Упадка и разрушения...». – Тут он уставился на книгу и замолчал.

– В чем дело, Вегг?

– Знаете ли, сэр, мне вспоминается, – с видом вкрадчивой откровенности сказал Вегг (снова уставившись на книгу), – что нынче утром вы сделали одну маленькую ошибочку, а я

хотел было вас поправить, да как-то вылетело из головы. Кажется, вы сказали: «Русской империи», сэр?

– Она и есть русская, правильно, Вегг?

– Нет, сэр, римская. Римская!

– А в чем же тут разница, Вегг?

– Разница, сэр? – Мистер Вегг запнулся, дело грозило полным крахом, но вдруг его осенила блестящая мысль. – В чем разница, сэр? Тут вы ставите меня в затруднительное положение, мистер Боффин. Достаточно будет сказать, что разговор насчет разницы нам лучше отложить до другого раза, когда миссис Боффин не будет украшать собой наше общество. А в присутствии миссис Боффин, сэр, нам лучше этот предмет оставить.

Таким образом мистер Вегг весьма галантно вывернулся из затруднения, и не только вывернулся, но, постоянно повторяя с рыцарской деликатностью: «В присутствии миссис Боффин, сэр, нам лучше это оставить!» – перенес всю невыгоду положения на Боффина, который почувствовал, что провинился не на шутку.

Затем мистер Вегг сухо и непреклонно вступил в исполнение своих обязанностей; он шел напролом и не разбирая дороги, какое бы препятствие ему ни встретилось; брал приступом трудные термины – и биографические и географические: несколько задержался перед Адрианом, Траяном и Антонинами ²¹, споткнулся на Полибин (он произносил Полли Бий, так что мистер Боффин принял этого древнегреческого историка за римскую деву, а миссис Боффин обвинила именно его во всем том, из-за чего разговор отложили до другого раза); был выбит из седла Титом Антонином Пием; снова взобрался на коня и бойко галопировал с Августом; и, наконец, одержал победу вместе с Коммодом, который, как решил мистер Боффин, судя по имени, был англичанином, но вел себя недостойно своего английского происхождения и окончательно опозорил свое имя, правя римским народом. Смертью этого персонажа мистер Вегг и закончил свое первое чтение, но еще задолго до конца свеча миссис Боффин претерпела несколько полных затмений, скрываясь за черным бархатным диском, что могло бы вызвать пожарную тревогу, если бы миссис Боффин каждый раз не приводил в чувство сильный запах жженных перьев, неизменно сопровождавший это явление. Мистер Вегг, который читал механически, нисколько не задумываясь над текстом, вышел из борьбы свежим и бодрым; но мистер Боффин, который вскоре отложил недокуренную трубку и уже до самого конца сидел, сосредоточившись взглядом и мыслями на чудовищных преступлениях римлян, пострадал настолько серьезно, что у него едва хватило сил пожелать своему литературному другу спокойной ночи: он с трудом выговорил: «До завтра».

– Комод, – вздохнул мистер Боффин, запирая за Веггом ворота и глядя на луну. – Комод семьсот тридцать пять раз выступал в зверинце, и все в одной роли! Умопомрачение! да мало того, еще целую сотню львов выпустили на него сразу в том же зверинце! Мало того, этот же Комод побивает всю сотню одним махом! Мало того, там еще этот Каракатица (вот уж по шерсти и кличка!) за семь месяцев сожрал на шесть миллионов всякой еды, считая на английские деньги! Хорошо Веггу читать, но, ей-богу, даже такому старому хрычу, как я, страшно все это слушать! Пускай они там своего Комода удушили, – нам-то ведь от этого не легче!

В задумчивости шагая к «Приюту», мистер Боффин прибавил, качая головою:

– Не думал я нынче утром, что в книжках бывают такие страсти. Ну, да уж делать нечего, придется терпеть, раз взялся за дело!

---

²¹ Адриан, Траки, Тит Антонин Пий, Август, Коммод – римские императоры. Антонины – римская императорская династия.

Глава VI

По течению

Трактир «Шесть Веселых Грузчиков» (о котором было сказано выше, что он словно разбух от водянки) давно уже одряхлел, но все еще бодрился. Во всем его теле не осталось ни одной здоровой косточки – полы покривились, потолки прогнулись, однако трактир все еще держался, и было ясно, что он переживет много зданий, гораздо лучше построенных, много трактиров, гораздо более щеголеватых с виду. Снаружи он казался длинной, покосившейся набок кучей деревянного хлама – с разбухшими окнами, нагроможденными одно на другое, словно пирамида апельсинов на лотке, готовая развалиться, с шаткой деревянной галереей, нависшей над самой рекой, да и весь дом, вместе с жалобно поскрипывающим флагштоком на крыше, навис над водой в позе трусливого пловца, который так долго простоял на берегу, что, кажется, никогда уже не решится прыгнуть в воду.

Это описание относится к фасаду «Шести Веселых Грузчиков», выходящему на реку. Задняя сторона трактира (хотя там и находился главный вход) была так стиснута и сдавлена, что по отношению к фасаду напоминала ручку утюга, поставленного на широкий конец. Эта ручка упиралась в дальний конец двора, заваленного мусором, а двор так энергично наступал на пятки «Шести Веселым Грузчикам», что для самой харчевни, за ее порогом, уже не оставалось ни дюйма свободного места. Потому (а также и потому, что во время прилива дом чуть-чуть не пускался вплавь), когда у «Грузчиков» шла стирка, белье, подвергнутое этой операции, сушилось на веревках, протянутых в спальнях и других комнатах для гостей.

Дерево перегородок, балок, полов и дверей в «Шести Веселых Грузчиках») на старости лет, казалось, было одержимо смутными воспоминаниями о своей юности. Во многих местах оно покривилось или раскололось, как бывает со старыми деревьями, сучки местами выпали, но там и сям дерево изгибалось, как будто раскидывая ветви. Впадая во второе детство, оно становилось болтливым и повествовало о заре своего существования. Недаром завсегдатаи трактира утверждали, что, когда свет падал прямо в окно и ярко освещал прожилки дерева, особенно же старый ореховый буфет в углу распивочной, – на нем можно было различить настоящие миниатюрные леса и крохотные деревья, как две капли воды похожие на их предка – старое ореховое дерево, одетое тенистой листвой.

Распивочная в «Шести Веселых Грузчиках» была такова, что при взгляде на нее невольно смягчалось человеческое сердце. Места в ней было немногим больше, чем в извозчицкой карете, однако ни у кого не являлось желания, чтобы она была просторнее, – так плотно заставлено было все свободное место пузатыми бочоночками, бутылками с подкрепительными напитками, блиставшими гроздьями винограда на этикетках, лимонами в веревочных сетках, сухарями в корзинках и благовоспитанными пивными насосами, которые низко кланялись, когда посетителям наливали пиво; сырами в уютном уголке и столиком самой хозяйки, всегда накрытым скатертью, в еще более уютном уголке перед камином. Это убежище было отделено от внешнего мира стеклянной перегородкой с окном и свинцовым подоконником, чтобы гостю было куда поставить кружку с пивом; но уют комнаты таким широким потоком изливался через это окно, что, хотя все гости пили, стоя на сквозняке, в темном коридорчике, где их, входя и выходя, толкали другие посетители, этих гостей, по-видимому, не покидало заблуждение, что они находятся в самом буфете.

Что касается прочего, то и распивочная и зал «Шести Веселых Грузчиков» выходили окнами на реку, и на этих окнах висели красные занавески, цвет которых гармонировал с носами завсегдатаев; там имелись специальные жестяные сосуды в виде сахарной головы, которые сами зарывались острым концом в горячие уголья, подогревая эль; там можно было приготовить восхитительные напитки: «медведь», «флип» и «собачий нос». Первый из этих певу-

чих напитков был специальностью «Грузчиков», о чем говорила надпись на дверях, деликатно взывая к чувствам потребителя: «Трактир с подачей раннего Медведя». Очевидно, этот напиток полагалось принимать внутрь спозаранку, хотя трудно сказать, почему именно: потому ли, что ранняя птичка скорей червячка поймает, а ранний медведь скорее поймает потребителя, или же по другим соображениям диетического порядка. Остается только прибавить, что в ручке утюга, напротив буфета, находилась маленькая, похожая на треугольную шляпу, коммод, куда не проникал ни один луч света, будь то свет солнца, луны или звезд, но которую суеверные посетители считали святилищем уединения и верхом комфорта – при газовом освещении – и на дверях которой стояло поэтому завлекательное название «Уют».

Мисс Поттерсон, единственная владелица и хозяйка «Грузчиков», царил тут безраздельно, сидя на троне, то есть в буфете, и надо было уж в самом деле допить до чертиков, чтобы осмелиться ей противоречить. Ее звали мисс Аби Поттерсон, как утверждала она сама; и умные головы (из числа приречных жителей, не блиставшие ясностью мыслей, как и сама река не блистала чистотой воды), уважая хозяйку за твердость характера и умение обращаться с людьми, полагали, что это имя было дано ей в честь Вестминстерского аббатства. Но имя Аби было только сокращенным от Абигайль, и его дали мисс Поттерсон при крещении в лаймхаузской церкви, лет шестьдесят с небольшим тому назад.

– Имей в виду, Райдергуд, – говорила мисс Поттерсон, угрожающе подняв указательный палец, – «Грузчики» в тебе совсем не нуждаются, им куда больше нужно твое место, чем твоя компания. Но даже если бы тебе здесь были рады, чего пока еще нет, все равно нынче вечером ты не получишь ни капли после вот этой кружки пива. Так что пей и наслаждайся.

– Но ведь если я веду себя как следует, мисс Поттерсон, вы не можете отказать мне в кружке пива; сами знаете, мисс, – Райдергуд держался очень покорно и робко.

– Так-таки не могу? – сказала мисс Аби крайне выразительно.

– Не можете, мисс Поттерсон, потому что закон, знаете ли...

– Я тут закон, любезный, – возразила мисс Аби, – и могу тебе это доказать, ежели ты сомневаешься.

– Я вовсе не говорил, что сомневаюсь, мисс Аби.

– Тем лучше для тебя.

Аби-властительница бросила в кассу трехпенсовик клиента и, усевшись на стул перед огнем, снова взялась за газету. Это была высокая, прямая женщина, благообразная, несмотря на суровое выражение лица, и больше походившая на учительницу, нежели на хозяйку «Шести Веселых Грузчиков». Клиент по ту сторону дверцы был береговой житель; глядя исподлобья, он стоял перед мисс Поттерсон, как стоит провинившийся ученик перед учительницей.

– Очень уж вы строги ко мне, мисс Поттерсон!

Мисс Поттерсон, нахмутив брови, продолжала читать газету и не обращала на клиента никакого внимания, пока он не прошептал:

– Мисс Поттерсон! Сударыня! Можно сказать вам одно слово по секрету?

Только тогда мисс Поттерсон снизошла до просителя и, покосившись на него, увидела, что он усердно ей кланяется, приложив руку к низкому лбу, словно просит разрешения кинуться головой вперед и проскочить за дверцу, прямо в распивочную.

– Ну? – произнесла мисс Поттерсон весьма лаконически. – Говори свое словечко! Что ж ты молчишь?

– Мисс Поттерсон! Сударыня! Что я вас спрошу – извините меня, – ведь вам не по душе моя репутация?

– Разумеется, – ответила мисс Поттерсон.

– Если вы, может, боитесь...

– Тебя-то я нисколько не боюсь, если ты это имел в виду, – оборвала его мисс Поттерсон.

– Что вы, мисс Аби, я совсем не то имел в виду, извините великодушно!

– Так что же тогда?

– Вы, право, уж очень ко мне строги! Я вас хотел спросить вот о чем: может, вы опасаетесь или, может, верите разным слухам и наговорам насчет того, что будто бы вашим гостям надо глядеть в оба и поберечь карманы, когда я тут бываю?

– Зачем тебе это нужно знать?

– Как же, мисс Аби, я к вам со всем почтением и не хочу вас обидеть; только мне хотелось бы понять, почему таким, как я, нельзя ходить к «Веселым Грузчикам», а таким, как Старик Хэксем, – можно?

Лицо хозяйки омрачилось тенью какой-то заботы и словно смущения, но она ответила:

– Хэксем не побывал там, где ты был.

– Это вы про тюрьму, мисс? Все может быть. А может, ему там самое место? Мало ли в чем его подозревают, может, за ним водятся дела и похуже, чем за мной?

– Кто же его подозревает?

– Мало ли кто. А один так уж наверно. Я его подозреваю.

– Ну, это еще не бог знает какая важность, – сказала мисс Аби-Поттерсон, презрительно хмуря брови.

– Я же был его компаньоном. Обратите внимание, мисс, я был его компаньоном. Вот почему мне все его ходы и выходы известны лучше, чем всякому другому. Заметьте себе это. Я тот человек, который был его компаньоном, и я же его подозреваю.

– Тогда ты и себя обвиняешь, – намекнула мисс Аби, и ее лицо омрачилось еще больше.

– Нисколько, мисс Аби. Ведь как оно получается? Получается вот каким образом: когда я был его компаньоном, так все не мог ему угодить. А почему я не мог ему угодить? Потому что мне все не везло, потому что находок у меня было не так много. А у него? Ему всегда везло. Заметьте себе. Ему всегда везло! Да! Много есть таких промыслов, мисс Аби, где главное – удача, а много и таких, где нужно умение, одной удачи тут мало.

– Кто же сомневается в том, что Хэксем умеет разыскивать свои находки? – спросила мисс Аби.

– Умеет приготовить себе находку, – ответил Райдергуд, зловеще кивая головой.

Мисс Аби, нахмурившись, взглянула на него, а он покосился на нее, зловеще ухмыляясь.

– Если вы бываете на реке с каждым приливом и отливом и если вам желательно выудить из реки мужчину или женщину, то вам будет очень на руку, мисс Аби, если вы сперва стукнете этого мужчину или женщину по голове, а потом спихнете в воду.

– Боже милостивый! – невольно вырвалось у мисс Аби.

– Заметьте себе! – подхватил Райдергуд, перегибаясь через прилавок, чтобы слова легче доходили до его слушательницы, – он говорил так глухо, словно горло ему заткнули лодочной шваброй. – Я это говорю, мисс Аби! И заметьте себе! Я его выслежу, мисс Аби! И заметьте себе! Я его притяну к ответу, притяну, хотя бы и через двадцать лет! Кто он такой, чтоб ему делали снисхождение ради его дочери? А у меня разве нет дочери?

С этим красноречивым монологом, к концу которого он, как видно, совсем захмелел и уже не мог скрыть своего озлобления, мистер Райдергуд взял свою кружку пива и, пошатываясь, направился в распивочную.

Старика Хэксема там не было, зато налицо был целый выводок питомцев мисс Аби, которые проявляли величайшее послушание, когда требовалось обстоятельствами. Как только часы пробили десять, мисс Аби появилась в дверях и произнесла, обращаясь к субъекту в порыжелой куртке:

– Джордж Джоунс, тебе пора домой! Я обещала твоей жене, что ты придешь домой вовремя! – Джоунс покорно встал с места, попрощался со всем обществом и ушел.

В половине одиннадцатого мисс Аби снова заглянула в дверь, и, как только она сказала:

– Уильям Уильямс, Боб Глемор и Джонатан, вам всем пора домой! – Уильям, Боб и Джонатан не менее покорно пожелали всем доброй ночи и испарились.

Еще удивительнее было то, что некий тип в клеенчатой шляпе и с распухшим носом после долгих колебаний заказал еще стакан джина с водой, и когда мисс Аби, вместо того чтобы выслать ему этот стакан, вышла сама и сказала: «Капитан Джой, вы уже выпили, что полагается, а больше пить вам вредно», – то капитан только крепко потер колени и посмотрел на огонь, но не промолвил ни слова, зато остальная компания хором поддержала мисс Поттерсон: «Да, да, капитан, мисс Аби правду говорит; послушайтесь ее совета, капитан!» Бдительность мисс Аби ни в коей мере не была ослаблена такой покорностью, но даже еще усилилась: обедев взглядом почтительные лица своих учеников и обнаружив еще двух молодых людей, нуждавшихся в назидании, она немедленно преподавала им это назидание:

– Том Тутл, молодому человеку, который через месяц женится, пора уже идти домой и ложиться спать. И напрасно вы его толкаете под бок, мистер Джек Маллинз, я и вам то же самое скажу: ведь я знаю, что завтра вам надо с раннего утра на работу! Спокойной ночи, будьте оба умниками!

После этой речи Тутл, краснея, взглядывает на Маллинза, а Маллинз – на Тутла, словно спрашивая, кому первому подниматься с места, и в конце концов оба встают одновременно и выходят в сопровождении мисс Поттерсон, а вся компания гогочет им вслед, чего не посмела бы сделать в присутствии хозяйки.

В таком заведении кабатчик-подручный в сером фартуке и с туго закатанными до плеч рукавами служит только напоминанием о том, что гостя можно выпроводить силой, и это напоминание существует только для порядка и ради формы. В самую минуту закрытия, не позже и не раньше, все оставшиеся гости встали и вышли один за другим, чинно и благородно; мисс Аби стояла в дверях, совершая церемонию смотра и роспуска. Все попрощались с мисс Аби, и мисс Аби попрощалась со всеми, кроме Райдергуда. Умудренный опытом подручный, присутствовавший во время церемонии как лицо официальное, в глубине души пришел к убеждению, что этот человек на веки вечные предан анафеме и изгнан из общества «Шести Веселых Грузчиков».

– Ну, Боб Глиддери, – приказала мисс Поттерсон этому мальчишке, – сбегай-ка к Хэксему и скажи его дочери Лиззи, что мне надо с ней поговорить.

Боб Глиддери сбежал туда и обратно с образцовой быстротой. Лиззи пришла вслед за ним, как раз в ту минуту, когда одна из двух служанок «Веселых Грузчиков» ставила на маленький столик перед огнем ужин мисс Поттерсон: горячие сосиски с картофельным пюре.

– Входи и садись со мной, девушка, – пригласила мисс Аби. – Может быть, съешь кусочек чего-нибудь?

– Нет, спасибо, мисс. Я сыта.

– Кажется, и я тоже сыта, – сказала мисс Аби, отталкивая нетронутую тарелку, – и даже больше того. Я очень расстроена, Лиззи.

– Мне очень жаль это слышать, мисс.

– А зачем же ты так себя ведешь, скажи на милость? – сердито спросила мисс Поттерсон.

– Я, мисс?

– Ну-ну, не удивляйся. Мне бы надо было объяснить сначала, в чем дело, да у меня уж такой обычай – прямо брать быка за рога. Я всегда была горячка. Эй, Боб Глиддери! Заложь дверь на цепочку да ступай вниз ужинать.

Боб скатился вниз с необыкновенным проворством, которое объяснялось скорее боязнью «горячки», чем желанием ужинать, и было слышно, как его сапоги загремели вниз по лестнице, к самому ложу реки.

– Лиззи Хэксем, Лиззи Хэксем, – начала мисс Поттерсон, – сколько раз я тебе давала возможность избавиться от твоего папаши, уйти из дому и устроиться на хорошее место?

– Очень часто, мисс.

– Очень часто, да! И все без толку, с тобой говорить все равно что с трубой самого большого океанского парохода, который проходит мимо «Грузчиков».

– Что вы, мисс, ведь это была бы неблагодарность, а я вам очень благодарна.

– Ей-богу, мне даже самой совестно, что я так с тобой вожусь, – обиженно сказала мисс Аби, – а ведь, наверно, не стала бы возиться, не будь ты так красива. Ну, зачем ты не урод?

На этот затруднительный вопрос Лиззи ответила только извиняющимся взглядом.

– Однако ты не урод, – значит, нечего и толковать про это. Приходится брать тебя такой, какая ты есть. Я так и делаю. А ты, должно быть, все еще упрямишься?

– Не упрямлюсь, мисс, что вы!

– По-твоему, это называется твердостью характера?

– Да, мисс. Уж так я решила.

– Не было еще на свете упрямца, который сознался бы, что он упрям! – заметила мисс Аби, сердито потирая нос. – Я бы созналась, будь я упряма, но я вспыльчива, а это совсем другое дело. Лиззи Хэксем, Лиззи Хэксем, подумай хорошенько! Знаешь ли ты самое дурное про своего отца?

– Знаю ли я самое дурное? – повторила Лиззи, широко раскрывая глаза.

– Знаешь ли ты, в чем подозревают твоего отца? Знаешь ли ты, какие ходят на его счет слухи?

Лиззи подумала о том, чем промышлял каждодневно ее отец, и медленно опустила глаза, подавленная этой мыслью.

– Скажи мне, Лиззи? Знаешь ты это или нет? – настаивала мисс Аби.

– Прошу вас, скажите, в чем его подозревают, мисс, – после некоторого молчания произнесла Лиззи, не поднимая глаз.

– Нелегко это сказать родной дочери, но сказать надо. Так вот, некоторые думают, что твой отец помог умереть кое-кому из тех, кого он нашел в реке.

Лиззи, услышав о подозрениях, которые она считала ложными, а не о том, что было правдой и что она боялась услышать, почувствовала такое облегчение, что мисс Поттерсон изумилась, глядя на нее. Лиззи быстро подняла глаза, покачала головой и чуть не засмеялась торжествующе.

– Плохо знает отца тот, кто так говорит.

«Уж очень спокойно она к этому относится, – подумала мисс Аби, – даже чересчур спокойно!»

– А может быть, – тут у Лиззи мелькнуло одно воспоминание, – может быть, так говорит тот, кто сердит на отца, тот, кто угрожал отцу? Уж не Райдергуд ли, мисс?

– Да, это он.

– Да! Он работал вместе с отцом, отец порвал с ним, вот он и мстит ему теперь. Отец порвал с ним при мне, и Райдергуд очень разозлился. А кроме того... Мисс Аби! Обещаете вы никому не передавать того, что я вам скажу, без самой уважительной причины? – Она произнесла это шепотом, на ухо мисс Поттерсон.

– Обещаю, – ответила та.

– Это было в ту ночь, когда узнали про убийство Гармона; отец сам же и нашел тело, чуть повыше моста. А пониже, как раз за мостом, когда мы уже гребли домой, из темноты вынырнул Райдергуд на своей лодке. И сколько раз после того, когда люди столько положили трудов, чтобы найти виновника, и так ничего и не нашли, сколько раз я думала про себя: уж не Райдергуд ли убил, не нарочно ли он подстроил так, чтобы отец сам нашел тело? Даже и подумать такое показалось мне тогда нехорошо, как-то бесчеловечно, а теперь, когда он пытается взвалить вину на отца, мне сдается, что так все и было. Да неужели это правда? Неужели это убийство навело меня на такую мысль?

Она задала этот вопрос, обращаясь скорее к огню в камине, чем к хозяйке «Шести Веселых Грузчиков», и обвела маленькую распивочную тревожным взглядом.

Но мисс Поттерсон, как опытная учительница, привыкшая никогда не теряться и наставлять на путь истинный своих учеников, сейчас же представила Лиззи все дело в другом свете, более близком к действительности.

– Бедная, обманутая девушка, – сказала она, – как же ты сама не видишь, что если уж подозревать в чем-либо одного, то вместе с ним надо подозревать в том же и другого? Они ведь работали вместе. И одно время все что ни делали – делали сообща. Положим даже, что так все и было, как ты думаешь, но ведь если они вместе что-нибудь сделали, то другой не мог не участвовать в этом?

– Вы не знаете отца, мисс, если так говорите. Право же, право, вы его совсем не знаете!

– Лиззи, Лиззи, – сказала мисс Поттерсон. – Оставь его. Тебе вовсе не нужно с ним порывать, только уходи от него. Живи отдельно – не из-за того, о чем я тебе нынче говорила – не нам об этом судить, будем надеяться, что это ошибка, а потому, что я тебе и раньше это предлагала. Не важно из-за чего – из-за твоей красоты или чего другого. Но ты мне нравишься, и я хочу тебе помочь. Лиззи, поступай ко мне на службу. Не губи себя напрасно, девушка, послушайся меня, тебе же лучше будет жить честно и счастливо.

Мисс Аби дала волю своим добрым чувствам и заметно смягчилась, уговаривая Лиззи; даже голос ее звучал мягко, она даже обняла девушку за талию. Но та отвечала только:

– Спасибо вам, мисс, спасибо! Я не могу. Мне это никак нельзя. Даже и думать об этом нечего. Чем хуже отцу приходится, тем больше я ему нужна.

Тут мисс Аби, как бывает обычно с суровыми людьми, когда они смягчаются, вдруг спохватилась, что она слишком уж расчувствовалась, и, решив, что ей следует наверстать это упущение, стала вдруг очень холодна.

– Я сделала все, что могла, – сказала она, – теперь живи, как сама знаешь. Помни только: как постелешь, так и уснешь. А отцу твоему передай одно: чтобы он больше сюда не ходил.

– О мисс, неужели вы запретите ему ходить в единственное место, где ему, я знаю, ничего не грозит?

– «Грузчикам» надо заботиться и о себе, а не только о других, – возразила мисс Аби. – Мне было очень нелегко навести здесь порядок и сделать это заведение таким, каким оно теперь стало, а для того, чтобы поддерживать в нем порядок, нужно работать день и ночь не покладая рук. Я не могу допустить, чтобы на репутации «Грузчиков» осталось пятно, чтобы про нас пошла дурная слава. Я запретила Райдергуду ходить сюда, запрещаю и Хэксему. И тому и другому одинаково. От тебя и от Райдергуда я знаю, что они оба на подозрении, и не берусь решать, который из них виноват. Обоих одинаково мазнули дегтем, а я не хочу, чтобы мое заведение тоже мазали дегтем. И больше я знать ничего не знаю.

– Прощайте, мисс! – грустно сказала Лиззи.

– Гм! Прощай! – отвечала мисс Аби, мотнув головой.

– Поверьте мне, мисс Аби, я все равно благодарна вам от всей души.

– Мало ли чему я верю, Лиззи, – возразила с достоинством величая Аби, – постараюсь поверить и этому.

Мисс Поттерсон так и не ужинала в тот вечер и выпила только полстакана горячего негуса с портвейном, вместо обычной порции. А прислуга женского пола – две сестрицы, похожие на кукол, – коренастые, курносые, с круто завитыми черными локонами, вытарашенными черными глазами и плоскими, как блин, красными лицами, обменялись замечаниями насчет того, что хозяйку нынче кто-то погладил против шерсти. Мальчишка же говорил впоследствии, что еще никогда не получал такой трепки на сон грядущий, – разве только в те времена, когда еще покойная мамаша загоняла его в кровать кочергой.

Лиззи вышла, и за ее спиной загремела цепь, накладываемая на дверь; звук рассеял то облегчение, которое она почувствовала в первую минуту. Ночь была непроглядно темная, с резким ветром. Мрачно встретил ее пустынный берег реки; а кроме того, все еще стояли в ушах звон железной цепи и скрип болтов, задвигаемых рукою мисс Поттерсон, – звук, символизирующий изгнание из общества. Как только Лиззи очутилась под хмурым ночным небом, ею овладело чувство, что тень убийства легла и на нее; и как волны прилива разбивались у ее ног, приходя неизвестно откуда, так и эта мысль возникла из незримой бездны и поразила ее в самое сердце.

Что ее отца подозревают напрасно, она была уверена. Уверена. Уверена. И все же, сколько она ни повторяла про себя это слово, сколько ни пыталась рассуждать, доказывая себе самой, что она права, ей это не удавалось. Райдергуд совершил преступление и заманил в ловушку ее отца, Райдергуд не совершал преступления, но по своей злобе решил пустить в ход против отца те обстоятельства дела, которые легко было перетолковать и которые оказались у него в руках. Как бы ни представляла она себе это дело, и в том и в другом случае с одинаковой быстротой возникала ужасная возможность: ее отца могут счесть в конце концов виновным, несмотря на то, что он не виновен.

Ей приходилось слышать, как люди платили жизнью за пролитие крови, в котором они впоследствии оказывались не повинны, а эти несчастные прежде всего не заблуждались так опасно, как ее отец. Именно с тех пор, при самом благополучном толковании дела, на него стали показывать пальцем, люди начали его избегать, пополз недоброжелательный шепот. Все это началось с той самой ночи. И когда большая черная река с ее унылыми берегами стала незрима для нее во мраке, Лиззи все еще стояла на берегу реки, силясь проникнуть взглядом за черную завесу горя, чтобы увидеть за нею жизнь, чувствуя себя чуждой к добру и злу, но зная, что жизнь простирается перед нею туманной пеленой, вплоть до великого океана – смерти.

Одно было ясно для девушки. С младенческих лет привыкнув сразу делать то, что можно было сделать – прятаться ли от непогоды, бороться ли с холодом и голодом, да и мало ли что еще, – она очнулась от задумчивости и побежала домой.

В комнате было тихо, на столе горела лампа. В углу, на койке, спал ее брат. Лиззи нагнулась, тихонько поцеловала его и подошла к столу.

«Мисс Аби уже заперлась, да и по приливу судя, теперь должно быть уже час ночи. Прилив начался. Отец в Чизвике и вряд ли захочет вернуться раньше отлива, а это будет в половине пятого. Я разбужу Чарли в шесть. Отсюда услышу, как пробьют церковные часы».

Двигаясь очень тихо, она поставила стул перед скудным огнем и села, плотно закутавшись в шаль.

– Сейчас не видно той ямки, Чарли, где жарче всего горит. Бедный Чарли!

Часы пробили два, пробили три, пробили четыре, а она все сидела с терпением, свойственным всем женщинам, и с решимостью, свойственной ее характеру. Когда пятый час утра был уже на исходе, она сняла башмаки, чтобы хождением по комнате не разбудить Чарли, бережливо подбросила угля в огонь, поставила вскипятить воду и накрыла стол к завтраку. Потом она поднялась по лестнице с лампой в руках, опять сошла вниз и начала снова по комнате, собирая небольшой узелок. Из своего кармана, с каминной доски, из-под опрокинутой миски на самой верхней полке она собрала наконец несколько полупенсов, еще меньше пенсов и совсем мало шиллингов, и принялась усердно и бесшумно пересчитывать их, откладывая в сторону маленькую кучку. Она была погружена в это занятие, когда брат проснулся и сел на постели.

– О-го! – окликнул он ее, так что она вздрогнула.

– Ты меня испугал, Чарли!

– Испугал! А ты разве меня не испугала, – я только что проснулся, смотрю, ты сидишь тут, словно призрак какой-нибудь скряги, глухой ночью.

– Сейчас не глухая ночь, Чарли. Почти шесть утра.

– Разве? А ты что поднялась, Лиззи?

– Все гадала на тебя, Чарли.

– Немного же ты мне нагадала, если это все, – сказал мальчик. – Для чего ты откладываешь в сторону эту кучку?

– Для тебя, Чарли.

– Что это значит?

– Вставай, Чарли, умойся и оденься, тогда я тебе все расскажу.

На Чарли всегда действовали ее спокойные манеры и ее тихий, ясный голос. Он быстро окунул голову в таз с водой, вынырнул оттуда и, утираясь, посмотрел на сестру из-за летавшего вихрем полотенца.

– Я не видывал такой девушки, как ты, – говорил он, растирая самого себя полотенцем с бешеной энергией, словно своего злейшего врага. – Что ты затеваешь, Лиз?

– Ты уже готов, Чарли?

– Можешь наливать. Ого! И узел готов?

– И узел, Чарли.

– Неужели и узел тоже для меня?

– Да, Чарли, тоже.

Став серьезнее и двигаясь медленнее, мальчик привел себя в порядок, вышел и сел завтракать за маленький столик, не отводя изумленных глаз от лица сестры.

– Видишь ли, милый Чарли, я решила, что теперь тебе самая пора уходить от нас. Помимо того, что все, надо думать, когда-нибудь переменится к лучшему, не пройдет еще и месяца, ты сам будешь счастливее и учиться будешь лучше. Быть может, не пройдет даже и недели.

– Откуда ты знаешь, что я буду счастливей?

– Сама не знаю хорошенько, а все-таки знаю.

Хотя с виду Лиззи держалась по-прежнему спокойно и говорила все так же тихо, она боялась взглянуть на брата, не надеясь на свои силы, и не поднимала глаз, занимаясь разными мелочами: резала для брата хлеб, намазывала маслом, наливала чай.

– Отца ты предоставь мне, Чарли, я постараюсь сделать все, что могу; а тебе надо уходить.

– Ты со мной не церемонишься, я вижу, – проворчал мальчик, в сердцах отталкивая кусок хлеба с маслом.

Сестра ничего не ответила.

– Вот что я тебе скажу, – начал он и тут же сердито всхлипнул, – ты просто себялюбивая девчонка, думаешь, что на троих не хватит, вот тебе и надо сбыть меня с рук.

– Если ты так думаешь, Чарли, ну что ж, тогда я сама готова думать, что я себялюбивая девчонка, что на троих нам не хватит и что мне надо сбыть тебя с рук.

И только когда мальчик бросился к ней и повис у нее на шее, она не могла больше сдерживаться. Не могла больше сдерживаться и заплакала над ним.

– Не плачь, не плачь, Лиззи! Я и сам рад, что ухожу, я и сам рад. Я знаю, ты потому отсылаешь меня, что хочешь мне добра.

– Ах, Чарли, видит Бог, что хочу!

– Да, да. Не слушай меня, забудь, что я говорил. Поцелуй меня.

Наступило молчание. Потом она высвободилась из рук Чарли, чтобы вытереть глаза, и снова заговорила с ним твердо, спокойно и убежденно:

– Теперь послушай меня, милый Чарли. Оба мы знаем, что это нужно, и я одна знаю, что нужно сделать это сейчас, – есть на это причина. Иди прямо в школу и скажи, что мы с тобой так решили, что мы не могли сладить с отцом – он против того, чтобы ты учился, что отец не будет никого беспокоить, но больше уже не примет тебя обратно. Ты и сейчас гордость школы, а потом они тобой еще больше станут гордиться и помогут тебе получить стипендию.

Покажи там, что ты принес из одежды и сколько с тобой денег, и скажи им, что я тебе пришлю еще. Если никаким другим способом мне не удастся достать денег, я попрошу займы у двух джентльменов, что приходили к нам в ту ночь.

– Слушай! – с живостью окликнул ее брат. – Не бери только денег у того, который держал меня за подбородок! Не бери денег у этого Рэйберна!

Она кивнула головой, зажав ладонью его рот, чтобы он молчал и слушал, и, быть может, щеки и лоб у нее слегка порозовели.

– А самое главное вот что, Чарли! Об отце всегда отзывайся хорошо: не забудь этого. Старайся всегда быть справедливым к отцу, отдавай ему должное. Отец не учился сам, потому и тебе не дает учиться – этого ты отрицать не можешь, но больше никаких наговоров на него не слушай, и смотри же, говори всегда – ведь ты это знаешь, – что твоя сестра очень его любит. А если тебе придется услышать про отца такое, чего ты еще никогда не слышал, то все это неправда. Слышишь? Все это неправда.

Мальчик взглянул на нее удивленно и с сомнением, но она продолжала, не обращая на это внимания:

– Самое главное, не забывай: все это неправда. Больше мне нечего сказать тебе, Чарли, разве только одно: учись, будь хорошим, да вспоминай про старую жизнь так, словно она приснилась тебе во сне вчерашней ночью. Прощай, мой голубчик!

Такая юная, она сумела вложить в эти прощальные слова любовь, которая больше походила на материнскую, чем на сестринскую любовь, и перед которой мальчик не мог не дрогнуть. С рыданиями прижав сестру к своей груди, он схватил узелок и выбежал за дверь, вытирая глаза рукавом.

Медленно близился белый лик зимнего дня, окутанный морозною мглой, и призраки судов на реке медленно преображались в черные силуэты. Диск солнца, красный, как кровь, выплывая из-за восточных болот, из-за темного леса мачт и верфей, казалось, заключал в себе руины сожженного им леса.

Лиззи, поджидавшая отца, завидела его лодку издали и вышла на пристань, чтобы и он ее заметил.

В лодке у него ничего не было, и он двигался быстро. Кучка человеческих амфибий, которые каким-то таинственным образом извлекают средства к существованию из вод прилива, по-видимому, только тем, что глядят на эти воды, собралась у пристани. Как только лодка Хэксема причалила, они отвернулись и разбрелись кто куда. Лиззи поняла, что люди начали избегать ее отца.

Старик тоже это понял, как только ступил ногой на берег и осмотрелся. Но он сейчас же занялся делом: вытащил лодку на берег, привязал ее, достал из лодки весла, руль и веревки. С помощью Лиззи он понес все это к своему жилищу.

– Садись поближе к огню, отец, пока я приготовлю тебе завтрак. Все уже есть, только тебя и дожидается. Ты, верно, прозяб?

– Что ж, Лиззи, мне не так-то жарко, это верно. А руки у меня так болят, словно были гвоздями прибиты к веслам. Смотри, как покраснели! – Он протянул к ней руки, но, быть может, цвет этих рук, а может быть, и выражение лица дочери поразили его; он повернулся к ней боком и стал греть руки у огня.

– Надеюсь, ты не был на реке в такую холодную ночь, отец?

– Нет, милая. Я был на барже, грелся у жаровни с углями. А где мальчишка?

– К чаю тебе осталось немножко бренди; выпей чаю, пока я поджарю этот кусочек мяса. Если река станет, то-то будет горе для всех, правда, отец?

– Да, уж горя у нас всегда довольно, – сказал Старик, наливая в чашку бренди из короткогорлой черной бутылки и стараясь лить как можно медленнее, чтобы показалось больше, – беда и горе всегда висят над нами, словно сажа в воздухе. Разве мальчишка до сих пор не встал?

– Вот и мясо готово, отец. Ешь скорее, пока оно не остыло и еще мягкое. А когда позавтракаешь, мы сядем с тобой к огню и поговорим.

Но он понял, что Лиззи уклоняется от прямого ответа, и, быстро взглянув на койку, дернул дочь за уголок фартука и спросил:

– Куда девался мальчишка?

– Отец, садись завтракать, я сяду рядом с тобой и все тебе расскажу.

Он взглянул на нее, помешал чай и сделал два-три глотка, потом отрезал карманным ножом кусочек мяса и сказал, прожевывая:

– Ну, говори! Куда девался мальчишка?

– Не сердись, отец. Кажется, у него большие способности к учению...

– Бессовестный щенок! – воскликнул родитель, потрясая ножом в воздухе.

– ...к этому у него способности есть, а к чему-нибудь другому нету, вот он и решил учиться...

– Бессовестный щенок! – повторил родитель, все так же потрясая ножом.

– ...он знает, что у тебя лишних денег нет, отец, и не хочет быть тебе в тягость, оттого и надумал идти искать себе счастья в ученье. Он ушел нынче утром, отец, и очень плакал, уходя; он ушел в надежде, что ты когда-нибудь простишь его.

– Пусть лучше никогда не приходит ко мне просить прощенья, – сказал отец, потрясая ножом, чтобы подчеркнуть свои слова. – Пусть никогда мне на глаза не показывается, даже и близко не подходит. Родной отец ему нехорош! Он от родного отца отрекся. Так и отец тоже от него отрекается на веки вечные, от щенка такого!

Он оттолкнул от себя тарелку. Как все грубые и сильные люди в гневе, чувствуя потребность пустить в ход силу, он зажал нож в кулаке и ударял им по столу в конце каждой фразы, как ударял бы просто кулаком, если бы в нем ничего не было.

– Ушел – и отлично. И гораздо лучше, что он ушел, а не остался. Только чтоб уж больше не возвращался сюда. Чтоб ноги его тут больше не было. И ты не смей больше за него заступаться, чтобы я ни слова от тебя не слышал, не то отец и от тебя отступится и все, что говорит про него, скажет и про тебя. Вот теперь мне понятно, почему все эти людишки глядеть на меня не хотят. Небось говорят один другому: «Вот идет человек, от которого родной сын отрекся!» Лиззи...

Но тут она прервала его речь криком. Взглянув на нее, он увидел, что она с изменившимся лицом пугается к стене, закрывая глаза ладонью.

– Перестань, отец! Не могу я видеть, как ты ударяешь ножом. Брось его!

Он в изумлении посмотрел на свой нож, все еще не разжимая кулака.

– Отец, мне страшно. Брось ножик, брось!

Испуганный выражением ее лица и криком, растерявшись от неожиданности, он отшвырнул нож и поднялся с места, протягивая к ней разжатые руки.

– Что ты, Лиззи? Неужели ты подумала, что я могу ударить тебя ножом?

– Нет, отец, нет, ты никогда меня не тронешь.

– А разве я кого-нибудь трогал?

– Никого, милый. Я стану на колени и поклянусь, что я верю в это. Положа руку на сердце, я верю, что никого! Но так было страшно смотреть! похоже было... – и тут она снова закрыла лицо руками, – похоже было, что...

– На что похоже?

Воспоминание о том, как он был страшен вот только что, тяжелые испытания вчерашней ночи и нынешнего утра оказались ей не под силу – она замертво упала к его ногам, так ничего и не ответив.

До сих пор он никогда не видел, чтобы Лиззи падала в обморок. Он поднял ее очень бережно, с нежностью, называл ее лучшей из дочерей и «бедной крошкой», положил ее голову

к себе на колени и пытался привести ее в чувство. Когда это ему не удалось, он бережно опустил голову Лиззи на пол, взял подушку, подsunул ее под черные косы Лиззи и стал искать на столе, не осталось ли хоть глотка бренди. Оказалось, что нет ни капли – тогда он поспешно схватил пустую бутылку и выбежал из дому.

Возвратился он так же поспешно и все с той же пустой бутылкой. Став на колени возле дочери, он положил ее голову к себе на плечо и, окунув пальцы в воду, смочил ее губы; при этом он говорил со злобой, озираясь то через правое, то через левое плечо:

– Чума у нас в доме, что ли? Или какая зараза прилипла ко мне? Что за беда стряслась над нами? И кто виноват в этой беде?

Глава VII

Мистер Вегг заботится о себе самом

Сайлас Вегг, собираясь походом на Римскую империю, идет на нее через Клеркенуэл²². Время – ранний вечер, погода – сырая и холодная. Располагая досугом, мистер Вегг делает небольшой крюк: теперь, имея еще один источник дохода, он свертывает свою ширму пораньше; а кроме того, из уважения к самому себе он считает необходимым, чтобы в «Приюте» его поджидали с нетерпением.

«Пускай Боффин подождет немножко – и пылу прибавится, и ценить больше будет», – думает Сайлас, ковыляя путем-дорогой, и прищуривает сначала правый глаз, а потом левый, что, пожалуй, уже и лишнее: природа и без того постаралась и прищурила ему оба глаза больше, чем следует.

– Если я с ним полажу так, как рассчитываю поладить, – рассуждает Сайлас, ковыляя дальше, – то мне, пожалуй, не годится оставлять это место. А то получается несолидно.

Подбодренный этой мыслью, он ковыляет быстрее и заглядывает далеко вперед, что нередко бывает с честолюбивыми людьми, планы которых откладываются на неопределенное время.

Будучи осведомлен, что около церкви в Клеркенуэле нашло себе прибежище целое население ювелиров, мистер Вегг чувствует к этому району особенный интерес и некоторое уважение. Однако его чувства несколько хромают с точки зрения строгой морали, как хромает и сам мистер Вегг: они подсказывают ему мысль о шапке-невидимке, в которой мистер Вегг мог бы беспрепятственно удрать, унося с собой золотые часы и драгоценные камни, и решительно отказываются от всякого сожаления к людям, которые лишились бы этих ценностей.

Однако не к этим мастерским, где искусные ремесленники оправляют жемчуга и брильянты в серебро и золото и где к их рукам прилипает столько золота, что даже обогащенная вода, в которой они моют руки, идет в продажу, – не к этим мастерским ковыляет мистер Вегг, а к убогим лавчонкам, где бедняки покупают себе что есть, что пить и чем прикрываться от холода, – к мастерским итальянцев, торгующих рамками, к лавчонкам цирюльников, перекупщиков, торговцев собаками и певчими птицами. Из всех этих лавчонок, втиснутых в узкий и грязный переулок, мистер Вегг выбирает одну с темным окном, где тускло горит сальная свеча среди хаоса каких-то странных предметов, смутно напоминающих клочки кожи и обломки палочек, – а впрочем, ничего как следует разобрать невозможно, кроме самой свечи в старом жестяном подсвечнике да двух лягушек в спирту, сражающихся на рапирах. Ковыляя еще энергичнее, мистер Вегг вступает на темное, грязное крыльцо, толкает грязную, темную боковую дверцу, подающуюся очень туго, и входит в темную, грязную мастерскую. Темнота такая, что ничего нельзя разглядеть за маленьким прилавком, кроме другой сальной свечи в жестяном подсвечнике, рядом с лицом человека, который сидит на стуле, низко нагнувшись над чем-то.

Мистер Вегг кивает этому лицу:

– Добрый вечер!

Когда человек поднимает голову, оказывается, что лицо у него желтое, с подслеповатыми глазами – над ним торчат вихры пропыленных рыжеватых волос. Его обладатель сидит без галстука, расстегнув измятый воротник рубашки, чтобы легче было работать. Поэтому же он работает без куртки; поверх пожелтевшей рубашки на нем один только просторный жилет. Глаза у него красные, утомленные, как у гравера, но он не гравер; выражением лица и сутуловатостью он похож на сапожника, но он и не сапожник.

---

²² Клеркенуэл – район Лондона.

– Добрый вечер, мистер Венус. Не узнаете?

Что-то смутно припоминается мистеру Венусу; он встает, поднимает свечу над прилавком, потом, опустив ее, освещает обе ноги мистера Вегга, натуральную и искусственную.

– Ну, еще бы! – произносит он после этого. – Как поживаете?...

– Вегг, если припомните, – объясняет тот.

– Да, да, – говорит Венус. – Ампутирована в госпитале?

– Совершенно верно, – отвечает мистер Вегг.

– Да, да, – говорит Венус. – Как поживаете? Садитесь к огню, грейте... грейте ту, другую.

Маленький прилавок так короток, что оставляет свободным доступ к камину, который пришелся бы позади прилавка, будь тот несколько длиннее.

Мистер Вегг садится на ящик перед огнем и вдыхает теплый, приятный запах, – отнюдь не похожий на запах мастерской. «Потому что здесь, – решает мистер Вегг про себя, для верности приняхавшись как следует, – должно пахнуть плесенью, клеем, перьями, погребом, кожей, лаком и... (нюхнув еще раз) пожалуй, сильнее всего старыми мехами».

– Чай у меня заварен, и лепешки подогреты, мистер Вегг, – не желаете ли присоединиться?

Руководящим жизненным правилом мистера Вегга было ни от чего не отказываться, и он ответил, что желает. Но в маленькой лавчонке до того темно, до того много черных полок, подставок, углов и закоулков, что он видит чашку мистера Венуса только потому, что та стоит рядом со свечкой, но не видит, из какого таинственного хранилища мистер Венус достает вторую чашку для гостя, и замечает ее только тогда, когда она оказывается под самым его носом. В то же время мистер Вегг замечает хорошенькую мертвую птичку, лежащую на прилавке: грудь у нее насквозь проколота длинной острой проволокой; головкой, свернутой набок, она касается блюдца мистера Венуса.словно это Красногрудый Робин ²³, о котором поется в песенке, а мистер Венус – воробей с луком и стрелами, а мистер Вегг – муравей с круглыми глазами.

Мистер Венус ныряет под прилавок и достает вторую, еще не разогретую лепешку, вытаскивает стрелу из груди Робина и поджаривает лепешку на острие этого смертоносного орудия. Когда лепешка подрумянилась, он ныряет снова и достает масло, чем и завершаются его приготовления к чаю.

Мистер Вегг, как человек хитрый и притом уверенный, что ужин от него не уйдет, отказывается от лепешки в пользу хозяина, для того чтобы смазать тому механизм, если можно так выразиться, то есть для того, чтобы он смягчился и настроился более гостеприимно. Лепешки исчезают мало-помалу, черные полки и углы яснее выступают из темноты, и мистер Вегг различает – правда, не сразу и не очень ясно, – что на каминной полке напротив него стоит индийский младенец в банке, головой вниз и свернувшись в три погибели, словно собирается перекувырнуться, и перекувырнулся бы, будь банка пошире.

Когда, по его мнению, колеса мистера Венуса уже достаточно смазаны, мистер Вегг подходит наконец к занимающему его предмету и спрашивает, слегка потирая руки, что выражает некоторую нерешительность:

– А как шли мои дела в это время, мистер Венус?

– Очень плохо, – нелюбезно отвечает мистер Венус.

– Как? Разве я все еще тут? – с удивлением спрашивает Вегг.

– Пока еще тут.

Втайне Вегг, по-видимому, очень доволен, но, скрывая свои чувства, он замечает:

– Странно! Чему вы это приписываете?

– Не знаю, чему и приписать, мистер Вегг, – отвечает Венус, изможденный, меланхолического склада человек, слабым, жалобно-ворчливым голосом: – Не могу вас вставить ни в

---

²³ Красногрудый Робин и другие – персонажи детских песенок из популярного сборника «Том Там».

один сборный экземпляр. Сколько ни стараюсь, никак вас не приладишь. Всякий, кто хоть сколько-нибудь смыслит в деле, сразу отметит вас и скажет: «Не годится! Не подходит!»

– Ну, хорошо, мистер Венус, но ведь, черт возьми, не может же быть, чтобы так получалось только со мной одним, то есть лично у меня, – протестует мистер Вегг с некоторым раздражением. – Это, надо полагать, часто бывает со сборными экземплярами.

– С ребрами всегда так, это верно. Но не с другими костями. Когда я берусь за сборку, то наперед знаю, что в отношении ребер никак нельзя следовать природе, если давать разные ребра; у каждого человека свои ребра, и ничьи чужие ему не подойдут; а все остальное я могу брать откуда угодно. Вот только что я отослал один заказ в художественное училище – ну, красавец, совершенный красавец. Одна нога от бельгийца, другая от англичанина, а остальное – еще от восьмерых человек. Вот и говори после этого, что нельзя делать сборные скелеты! И вы в конце концов должны куда-нибудь пригодиться, мистер Вегг!

Сайлас разглядывает свою единственную ногу настолько пристально, насколько это возможно при таком тусклом освещении, и, после некоторого молчания, брюзгливо замечает, что «надо полагать, у других тоже что-нибудь неладно. А почему же это происходит, как вы думаете?»

– Не знаю почему. Встаньте-ка на минуту! Подержите свечу.

Мистер Венус берет из угла рядом со своим стулом кость ноги, прекрасно отчищенную и на диво искусно соединенную со стопой. Эти кости он сравнивает с ногой мистера Вегга, а тот глядит на них так, словно ему примеряют ботфорты для верховой езды.

– Нет, не знаю, отчего так выходит, а все же оно так. У вас кривизна в этой кости, сколько могу судить. Других таких, как вы, мне еще никогда не попадалось.

Мистер Вегг, недоверчиво взглянув на свою ногу и подозрительно на тот образец, с которым ее сравнивали, делает вывод:

– Ставлю фунт, что нога не английская!

– Нетрудно и выиграть, когда у нас помешаны на всем иностранном! Конечно, не английская: нога принадлежит вот этому французскому джентльмену.

Он кивает на темный угол за спиной мистера Вегга, и тот, слегка вздрогнув, оглядывается на «французского джентльмена» и в конце концов различает в темноте на полке одни только его ребра, собранные очень искусно, словно панцирь или корсет.

– Гм! – произносит мистер Вегг, испытывая такое чувство, будто ему кого-то представляют, – там у себя, во Франции, ты, верно, был не хуже других, но никто не будет возражать, надеюсь, если я скажу, что не родился еще тот француз, на которого мне хотелось бы походить!

В эту минуту грязную дверь сильно толкают снаружи и в мастерскую вваливается мальчуган, который говорит, дав сначала двери захлопнуться:

– Я за чучелом канарейки.

– Три шиллинга девять пенсов, – отвечает Венус. – Деньги принес?

Мальчик подает ему четыре шиллинга.

Мистер Венус, как всегда уныло, со вздохами и хныканьем, заглядывает то туда, то сюда в поисках чучела; когда он берет свечу для того, чтобы легче было искать, мистер Вегг замечает возле его колен очень удобную маленькую полочку, приспособленную специально под руки скелетов, и очень похоже, что они тянутся к мистеру Веггу, словно хотят его зацапать. Из этих рук мистер Венус выхватывает канарейку в стеклянной клетке и показывает ее мальчику.

– Вот она! – хнычет он. – Как живая! На ветке, вот-вот вспорхнет! Обращайся с ней поосторожнее: замечательный экземпляр. Да три пенса – это будет четыре.

Мальчик забирает сдачу и уже открывает дверь, потянув ее к себе за кожаный ремень, прибитый для этой цели, как вдруг Венус вскрикивает:

– Держи его! Вернись, негодяй! У тебя там зуб среди мелочи!

– Почем же я знал? Вы сами мне его дали. Не надо мне ваших зубов, у меня свои есть, – пищит мальчик, копаясь в мелочи, и бросает зуб на прилавок.

– Не дерзи, молодой человек, не гордись своей молодостью! – с чувством отвечает мистер Венус. – Не бей лежачего; я и без того наказан судьбой. Должно быть, зуб как-нибудь случайно попал в кассу. Они везде попадают. В кофейнике нынче утром было два зуба. Коренных.

– Ну и ладно, – огрызается мальчишка, – а чего же вы ругаетесь?

На это мистер Венус отвечает только, встряхивая пыльными волосами и мигая подслеповатыми глазками:

– Не бей лежачего, не гордись своей молодостью – я и без того наказан судьбой. Ты и понятия не имеешь, какое из тебя получится убожество, если я тебя препарирую!

Этот довод, видимо, производит впечатление на мальчишку, и он убегает, что-то бормоча.

– О боже мой, боже мой! – тяжело вздыхает мистер Венус, снимая нагар со свечи, – тот мир, который казался таким цветущим, засох и увял. Вы хотите осмотреть мастерскую, мистер Вегг? Позвольте, я вам посвечу. Мой верстак; верстак моего подручного. Тиски. Инструмент. Кости разные. Черепа разные. Индийский младенец в спирту. То же, африканский. Препараты в банках, разные. Те, которые вы можете достать рукой, в отличной сохранности. Все попорченные – наверху. Что лежит в тех корзинках над нами, я и сам не помню. Скажем, человеческие кости. Кошки. Английский младенец в разобранном виде. Собаки. Утки. Стекланные глаза, разные. Чучела птиц. Сушеные шкурки. О боже мой! Вот это общий вид, так сказать – панорама.

Он водил свечой таким образом, что все эти разнородные предметы то послушно выступали на свет, будучи названы, то снова исчезали во тьме.

Мистер Венус в приступе тоски повторяет: «О боже мой, боже мой!» – садится на место и уже в полном унынии опять наливает себе чая.

– А где же тут я? – спрашивает мистер Вегг.

– Где-то в сарае, на дворе, мистер Вегг... сказать по совести, я жалею, что дал маху и купил вас у больничного сторожа.

– Слушайте, а сколько вы за меня дали?

– Да что ж, – отвечает Венус, дуя на блюдечко; его голова при этом выступает из мрака над облаком пара, словно он воскрешает миф о происхождении своей фамилии ²⁴, – вы были среди разной смеси, так что наверно я не знаю.

Сайлас задает вопрос в новой редакции:

– А что вы за меня возьмете?

– Ну, – отвечает Венус, все так же дуя на чай. – Этого я не могу так сразу вам сказать.

– Да будет вам, вы же сами говорили, что от меня вам толку мало, – убеждает его Вегг.

– Для сборной работы это верно, мистер Вегг; но вы можете оказаться очень ценным экземпляром в качестве... – тут мистер Венус обжигается глотком чаю, такого горячего, что дух захватывает, и слезы выступают у него на глазах, – в качестве, извините, – монстра.

Отведя в сторону негодующий взгляд, который выражает все, кроме готовности извинить, Сайлас упорно идет к своей цели:

– Вы меня, кажется, знаете, мистер Венус; кажется, вам известно, что я никогда не торгуюсь.

Мистер Венус глотает горячий чай, закрывая глаза при каждом глотке и снова открывая их с судорожным усилием, однако ничем не выражает согласия.

– У меня имеется план преуспеть в жизни и возвыситься своими собственными трудами, – говорит Вегг с чувством, – мне бы не хотелось, признаюсь вам откровенно, – не хоте-

---

²⁴ Венус (*Venus*) по-английски – Венера. По мифу, она родилась из пены морской.

лось бы при таких обстоятельствах разбрасываться, так сказать, – наполовину здесь, наполовину там, – а хотелось бы находиться в одном месте, как оно и следует порядочному человеку.

– Так это еще только план, мистер Вегг? Значит, и денег сейчас с вами нет? Ну так я вам скажу, что я с вами сделаю: я вас придержу. Я человек своего слова, и вам нечего беспокоиться, что я вас продам. Я вас придержу! Это я вам обещаю. О боже мой, боже мой!

Мистер Вегг, вынужденный положиться на это обещание и желая угодить Венусу, смотрит, как тот со вздохом наливает себе еще чая, затем говорит, стараясь, чтобы его голос звучал сочувственно:

– Вы что-то невеселы, мистер Венус. Разве дела плохи?

– Никогда не шли так хорошо.

– Может, работа из рук валится?

– Никогда не валилась, а сейчас и подавно, мистер Вегг. Я не только первый в своем ремесле: я сам и есть это ремесло. Если вам угодно, можете купить скелет в Вест-Энде ²⁵ и заплатить сколько платят в Вест-Энде, все равно это будет моя работа. Я завален заказами: их у меня столько, сколько я могу сделать с помощью моего молодого человека, я своей работой горжусь и делаю ее с удовольствием.

Мистер Венус разглагольствует, простирая вперед правую руку, а блюдечко держа в левой, и голос его звучит так, словно он вот-вот разрыдается.

– Положение дел не такое, чтобы горевать, мистер Венус.

– Мистер Вегг, я и сам знаю, что не такое. Мистер Вегг, я не стану утверждать, будто в нашем ремесле мне совсем не найдется равного, но я стараюсь совершенствоваться, занимаюсь анатомией, так что у меня есть имя: меня знают. Мистер Вегг, если бы мне вас принесли в разобранном виде, в мешке с костями, я бы с закрытыми глазами рассортировал все ваши косточки – и мелкие и крупные – и снова собрал бы их в два счета, а уж позвонки подобрал бы так, что вы сами удивились бы и пришли в восторг.

– Ну, хорошо, – замечает Сайлас вежливо, хотя вовсе не таким угодливым тоном, как раньше, – опять-таки скажу, горевать не о чем. По крайней мере вам лично горевать не о чем.

– Мистер Вегг, я знаю, что не о чем; сам знаю, что не о чем. Сердце у меня болит, вот почему я горюю. Будьте так любезны, возьмите эту карточку и прочтите ее вслух.

Сайлас берет в руки карточку, извлеченную Венусом из ящика, где навален всякий хлам, и, надев очки, читает:

– Мистер Венус.

– Да. Продолжайте.

– Набивает чучела животных и птиц.

– Да. Продолжайте.

– Препарирует и собирает скелеты.

– Вот оно! (Со стоном.) Вот оно! Мистер Вегг, мне тридцать два года, а я холостяк. Мистер Вегг, я люблю ее. Мистер Вегг, она достойна любви короля.

Сайлас несколько струхнул, когда мистер Венус вскочил с места и в своем увлечении схватил его за воротник; но мистер Венус тут же, попросив извинения, садится снова и произносит со спокойствием отчаяния:

– Она против моего ремесла.

– А она знает, что это выгодно?

– Знает, что выгодно, и все-таки она против и нисколько не ценит моего искусства. «Не желаю, – пишет она своей собственной рукой, – чтобы меня равняли с каким-нибудь скелетом».

Мистер Венус наливает себе еще чая, с выражением самой глубокой скорби во взгляде и даже в позе.

---

²⁵ То есть в районе, где живут состоятельные лондонцы и сосредоточены лучшие магазины.

– Вот человек добрался до вершины, мистер Вегг, и только тут увидал, что не для чего было стараться! Сидишь тут ночью, среди самых замечательных трофеев моего искусства, и думаешь: «Что они со мной сделали? Погубили меня. Довели до того, что пришлось от нее услышать: „Не желаю, чтобы меня равняли с каким-нибудь скелетом!“»

Повторив это роковое выражение, мистер Венус снова пьет чай большими глотками и объясняет, почему он пьет столько чая:

– Вот что меня печалит. Когда я окончательно опечалюсь, наступает вроде как бы летаргия. А когда я сижу и пью чай часов до двух ночи, то я забываюсь. Не стану вас больше задерживать, мистер Вегг. Я теперь плохая компания.

– Я не потому ухожу, – говорит Вегг, вставая с места, – а потому, что мне уже пора. Мне надо идти к Гармону.

– Куда? – спрашивает мистер Венус. – Это не к тому ли Гармону, что возле Бэтл-Бриджа? Мистер Вегг подтверждает, что идет именно туда.

– Вам, должно быть, порядочно повезло, что вы туда пролезли. У них там денег куры не клюют.

– Подумать только, – говорит Вегг, – что вам и это известно: очень уж вы скоро догадались. Удивительное дело!

– Ничего нет удивительного, мистер Вегг. Старик всем интересовался, ему всегда хотелось знать цену тому, что он находил в мусоре; мало ли он ко мне перетаскал костей, перьев и всякой всячины.

– Да что вы!

– Да. (О боже мой, боже мой!) И похоронили его здесь по соседству, знаете ли. Вон там.

Мистер Вегг этого не знал, но делает вид, что знает, сочувственно кивая головой. Он переводит взгляд туда, куда указывает кивок Венуса, словно желая уловить направление.

– Я тоже интересовался этой находкой в реке, – говорит Венус. (Она тогда еще не писала мне так язвительно.) У меня там есть... А впрочем, не стоит говорить.

Вытянув руку, он поднял свечу к одной из темных полок, но как только мистер Вегг обернулся, чтобы взглянуть, тут же передумал.

– Старика здесь очень хорошо знали. Рассказывали всякие истории насчет того, что он будто бы прятал ценности в мусорных кучах. Вряд ли там что-нибудь нашли. Вы ничего не слыхали, мистер Вегг?

– Ничего там не нашли, – подтверждает мистер Вегг, который впервые про это слышит.

– Не буду вас больше задерживать. Всего лучшего!

Несчастный мистер Венус пожимает ему руку, качая головой, и, сгорбившись на своем стуле, снова наливает себе чая.

Мистер Вегг, потянув дверь за ремешок, оглядывается через плечо и видит, что это движение сотрясло всю ветхую каморку: колыхнется пламя свечи, оживают на мгновение все три младенца – английский, индийский и африканский; разные скелеты, французский джентльмен, кошки с зелеными глазами, собаки, утки и вся остальная коллекция дергается словно в параличе, а бедняга Красногрудый Робин у самого локтя мистера Венуса переворачивается на бок. В следующую минуту мистер Вегг уже ковыляет по грязи при свете газовых фонарей.

Глава VIII

Мистер Боффин советуется

Тот, кому случилось в описываемое нами время сворачивать с Флит-стрит в Тэмпл ²⁶, долго блуждать вокруг Тэмпла, и, наткнувшись, наконец, на угрюмое кладбище, в отчаянии обвести взглядом угрюмые окна окружающих домов, и в самом угрюмом из этих домов заметить угрюмого мальчика, в его лице охватывал единым взглядом старшего клерка, младшего клерка, клерка по гражданским делам, клерка по нотариальным актам, клерка по бракоразводным делам, клерка всех оттенков и разновидностей – словом, всю контору мистера Мортимера Лайтвуда, не так давно названного в газетах «известным адвокатом». Мистер Боффин, не раз имевший дело с этим экстрактом адвокатской конторы и в той же конторе и у себя в «Приюте», сразу узнал мальчика в лицо, завидев его в этом пыльном гнезде.

На третий этаж, где находилось окно, он поднимался, погруженный в размышления о превратностях, постигших Римскую империю, и весьма сожалея о смерти добродушного Пертинакса ²⁷, который пал жертвой разъяренных преторианцев не далее как вчера вечером, оставив государственные дела в крайнем беспорядке.

– Здравствуйте, здравствуйте! – помахивая рукой, воскликнул мистер Боффин, когда угрюмый мальчик, носивший очень ему идущую фамилию Вред, открыл перед ним дверь. – Хозяин дома?

– Мистер Лайтвуд приглашал вас прийти в это время, сэр?

– Если приглашал, так не даром, сами знаете, – возразил мистер Боффин. – Я ему заплачу, любезный.

– Само собой разумеется, сэр. Может, зайдете? Мистера Лайтвуда нет дома, но я жду его с минуты на минуту. Присядьте в кабинете мистера Лайтвуда, сэр, пока я справлюсь в книге консультаций.

И юный Вред весьма торжественно извлек из своей конторки длинную и тощую записную книгу в оберточной бумаге и забормотал, водя пальцем сверху вниз по странице:

– Мистер Агз, мистер Багз, мистер Вагз, мистер Гагз, мистер Дагз, мистер Боффин. Да, сэр, совершенно верно. Вы пришли немножко рано, сэр. Но мистер Лайтвуд скоро вернется.

– Мне не к спеху, – сказал мистер Боффин.

– Благодарю вас, сэр. Если разрешите, я уж кстати занесу вашу фамилию в список посетителей на сегодняшний день.

Юный Вред все так же торжественно достал другую книгу, взял перо, пососал его, обмакнул в чернила и, прежде чем вписать фамилию мистера Боффина, провел пальцем по длинному столбцу имен.

– Мистер Алли, мистер Балли, мистер Валли, мистер Галли, мистер Далли, мистер Жалли, мистер Залли, мистер Илли, мистер Катли. И мистер Боффин.

– А у вас тут строгий порядок, любезный? – сказал мистер Боффин, после того как его записали в книгу.

– Да, сэр, без этого мне бы не справиться, – объяснил мальчик.

Он, вероятно, хотел этим сказать, что окончательно рехнулся бы, если б не придумал себе занятия. Не имея в своем одиночном заключении ни оков, чтобы начищать их до блеска, ни деревянной чашки, чтобы покрывать ее резьбой, он напал на мысль перечитывать вслух фамилии в обеих книгах и выписывать из адрес-календаря имена лиц, якобы имеющих дела с

---

²⁶ Тэмпл – район адвокатских контор.

²⁷ Пертинакс – римский император, убитый мятежными солдатами.

мистером Лайтвудом. Такое занятие тем более способствовало поднятию его духа, что характера он был обидчивого и отсутствие клиентов у хозяина считал позором для себя лично.

– А давно ли ты сделался юристом? – с обычным своим любопытством спросил мистер Боффин.

– Да уж года три, сэр.

– Значит, родился юристом, можно считать! – восхитился мистер Боффин. – А нравится тебе это дело?

– Да так себе, – возразил юный Вред, тяжело вздыхая, словно все профессиональные огорчения остались для него уже позади.

– Сколько же ты получаешь?

– Вдвое меньше, чем мне хотелось бы, – отвечал юный Вред.

– А сколько бы ты хотел получать?

– Пятнадцать шиллингов в неделю.

– Сколько же, к примеру, тебе понадобится времени, чтобы сделаться судьей? – после некоторого молчания спросил мистер Боффин, окинув глазами всю его маленькую фигурку.

Мальчик ответил, что этого как раз он еще не успел высчитать.

– Кто же тебе помешает добиться своего, верно я говорю? – сказал мистер Боффин.

Мальчик ответил, что ему действительно никто не мешает добиваться своей цели, поскольку он имеет честь быть британцем, который никогда, никогда не будет рабом²⁸. Однако мало ли что бывает на свете, может, что-нибудь и помешает ему.

– А не помогут ли тебе в этом деле один-два фунта? – спросил мистер Боффин.

У юного Вреда не имелось никаких сомнений на этот счет, и мистер Боффин подарил ему два фунта в благодарность за внимание к его (мистера Боффина) делам, которые он теперь считал все равно что улаженными.

После этого мистер Боффин уже до самого прихода мистера Лайтвуда сидел смирно, приставив к уху палку и словно слушая домового, сплетничавшего ему про контору. Он разглядывал книжный шкафчик с судебными протоколами и отчетами, окно, пустой синий мешок, палочку сургуча, перо, коробку с облатками, яблоко – все это сильно запыленное, – бювар со множеством чернильных пятен и брызг, ружейный чехол, плохо замаскированный под нечто, имеющее отношение к закону, и железный ящик с надписью «Дело Гармона».

Мистер Лайтвуд объяснил, что был у поверенного, вместе с которым он приглашен вести дело мистера Боффина.

– Оно и видно, что мои дела порядком вас замучили! – сочувственно отозвался мистер Боффин.

Мистер Лайтвуд, не сочтя нужным объяснить, что утомление у него хроническое, сообщил, что, поскольку со всеми формальностями уже покончено, завещание покойного Гармона утверждено, смерть ближайшего наследника Гармона установлена, и прочее, и прочее, и на этот счет уже имеется решение Канцлерского суда, и прочее, и прочее, он, мистер Лайтвуд, к величайшему своему удовлетворению, имеет честь и удовольствие, и прочее, и прочее, поздравить мистера Боффина со вступлением в права наследства, в качестве единственного оставшегося в живых наследника, и теперь мистеру Боффину предстоит получить свыше ста тысяч фунтов, которые лежат на текущем счету в Английском банке, опять-таки и прочее, и прочее.

– И что особенно приятно, мистер Боффин, так это то, что с вашим капиталом никакой возни не будет. Ни имений, которыми надо управлять, ни арендной платы, приносящей столько-то процентов убытку в плохие годы (весьма недешевый способ прославиться через газеты!), ни избирателей, с которыми надо возиться, ни доверенных, которые снимают сливки,

---

²⁸ «...никогда, никогда не будет рабом...» – слова из английской патриотической песни «Правь, Британия» поэта Томсона (1700–1748) и композитора Арна (1710–1778).

прежде чем подать молоко на стол. Вы можете хоть завтра же утром положить весь капитал в шкатулку и увезти его... ну хотя бы в Скалистые горы. Поскольку всякий, по-видимому, считает своим неперменным долгом раньше или позже упомянуть в разговоре Скалистые горы таким тоном, будто он их знает вдоль и поперек, то надеюсь, вы извините, что и я к вам пристаю с этой скучнейшей географией, – заключил мистер Лайтвуд, лениво улыбнувшись.

Мистер Боффин, не вполне уяснив себе последнюю фразу, растерянно посмотрел сначала на потолок, потом на ковер.

– Не знаю, право, что вам и сказать на этот счет, – заметил он. – Мне и без того жилось неплохо. Уж очень много забот прибавится!

– Так не берите на себя этих забот, любезнейший мистер Боффин!

– То есть как это не брать? – спросил мистер Боффин.

– Говоря теперь со всей безответственностью частного лица, а не с глубокомыслием профессионального советчика, – ответил Мортимер, – я бы сказал: уж если вас так угнетают размеры капитала, вы можете найти утешение в мысли, что его очень легко убавить. А если вам и это покажется затруднительно, можете утешиться еще одним соображением: найдется множество охотников помогать вам.

– Я что-то плохо вас понимаю, – возразил мистер Боффин, по-прежнему в недоумении. – Ничего, знаете ли, не вижу хорошего в том, что вы говорите.

– А разве есть в жизни что-нибудь хорошее? – спросил Мортимер, поднимая брови.

– Да, у меня бывало, – задумчиво глядя на него, отвечал мистер Боффин. – Когда я еще служил десятником в «Приюте» – до того как он стал «Приютом», – мне это дело очень нравилось. Старик был сущий татарин (не в укор его памяти будь сказано), зато смотреть за работами с раннего утра до позднего вечера было очень приятно. Жалко даже, что он нажил такую уйму денег. Для него же было бы лучше, если б он поменьше о них думал. Будьте уверены, заботы ему и самому были в тягость! – вдруг сделал он открытие.

Мистер Лайтвуд кашлянул, не вполне убежденный.

– А если говорить насчет того, что хорошо, а что нет, – продолжал мистер Боффин, – так, боже милостивый, ежели разобрать все как следует, одно за другим, разве от денег можно ждать добра? Когда старик в конце концов поступил по справедливости с бедным мальчиком, ничего хорошего из этого не вышло. Беднягу убили в ту самую минуту, когда он, можно сказать, подносил чашку с блюдечком к устам. Теперь я могу сказать вам, мистер Лайтвуд, что мы с миссис Боффин всегда заступались за беднягу, и как только старик нас за это не честил! Помню, однажды миссис Боффин высказала ему напрямик свое мнение насчет родственных отношений, а он сорвал с нее шляпку (она почти всегда носила черную соломенную шляпку, для удобства, на самой макушке) и пустил колесом через весь двор. Как не помнить! А в другой раз, когда он мало того что сорвал шляпку, но и дошел до личностей, я ему чуть было не дал по шее, да миссис Боффин бросилась нас разнимать, и я угодил ей прямо в висок. Она так и повалилась, мистер Лайтвуд. Как подкошенная!

Мистер Лайтвуд пробормотал, что это «делает честь ему и сердцу миссис Боффин».

– Вы понимаете, – продолжал мистер Боффин, – я для того только это говорю теперь, когда все уже позади, чтобы показать вам, что мы с миссис Боффин всегда стояли за детей, как оно и следует по христианству. Мы с миссис Боффин заступались за девочку, заступались и за мальчика; мы с ней шли против старика; а ведь он каждую минуту мог выгнать нас на улицу, не глядя на все наши старания. А миссис Боффин, – продолжал он, понизив голос, – до того дошла, что при мне прямо в лицо назвала его бессердечным негодяем. Теперь, когда она стала модницей, ей, может, неприятно про это вспоминать.

Мистер Лайтвуд пробормотал:

– Доблестный саксонский дух... предки миссис Боффин... стрелки из лука... при Азенкуре и Креси ²⁹.

– Мы с ней в последний раз видели бедного мальчика, – продолжал мистер Боффин, мало-помалу расчувствовавшись и начиная таять (что свойственно всякому жиру), – когда ему было всего семь лет от роду. Ведь когда он вернулся, чтобы вступить за сестру, мы уезжали из города насчет одного контракта – там надо было сначала просеивать, а потом уже возить, – а мальчик приехал, да и опять уехал, пробыв дома не больше часу. Так вот, ему было тогда всего семь лет. Он уезжал в эту заграничную школу один-одинехонек, все его забросили, и зашел он в наш домик (во дворе теперешнего «Приюта») погреться у огня. На нем был жиденький такой дорожный костюмчик. За дверями, на пронзительном ветру, стоял его тощий чемоданчик, который я должен был донести до парохода: старик и слышать не хотел о том, чтобы дать ему шесть пенсов на кеб. Миссис Боффин, тогда еще совсем молодая женщина, пышная как роза, стала на колени перед огнем, согрела руки и начала оттирать щеки ребенку: а как увидела, что у него слезы на глазах, то заплакала сама, крепко обняла его за шею, словно хотела защитить, и говорит мне: «Я бы все на свете отдала, лишь бы убежать отсюда вместе с ним!» Не могу сказать, чтоб мне это было приятно, но только после этого я стал еще больше уважать миссис Боффин. Бедняжка прижался к ней, а она к нему, а потом, когда старик позвал мальчика, он сказал: «Пора идти! Благослови вас Боже!» – а сам так посмотрел на нас обоих, словно в смертной тоске. Как он посмотрел! Я проводил его на пароход (сначала угостил любимыми его лакомствами), подождал, пока он уснет на своей койке, и только после того вернулся к миссис Боффин. Но сколько я ни рассказывал, как я его оставил, все напрасно, ей казалось, что он смотрит точно тем же взглядом, каким смотрел тогда на нас обоих. Но в одном отношении это пошло нам на пользу. Своих детей у нас не было, и нам всегда хотелось иметь хоть одного. Но только не после этого. «Оба мы могли бы умереть, – говорила миссис Боффин, – и наш мальчик смотрел бы вот так же на чужих». Бывало, по ночам, когда стояли большие холода, или завывал ветер, или дождь лил как из ведра, она просыпалась вся в слезах и вскрикивала: «Неужели ты не видишь его лица? Боже, приюти бедняжку!» А потом, с годами, это у нее прошло, как многое проходит.

– Любезный мистер Боффин, все на свете проходит и обращается в прах и мусор, – вяло улыбаясь, сказал мистер Мортимер.

– Я бы не сказал, что все, – возразил мистер Боффин, которого, видно, сердил скептический тон Лайтвуда, – много есть такого, чего я никогда не находил среди мусора. Так вот, сэр. Мы с миссис Боффин все старели да старели на службе у хозяина, пока его не нашли мертвым в кровати. Тогда мы с женой запечатали шкатулку, которая всегда стояла на столике рядом с кроватью, и так как мне приходилось слышать, что Тэмпл – это такое место, где берут подряды на всякий адвокатский мусор, то я и отправился сюда искать адвоката, увидел, как ваш молодой человек давит мух на окне перочинным ножиком, окликнул его, не имея тогда еще удовольствия быть с вами знакомым, и таким способом добился этой чести. Потом вы и еще один джентльмен в таком неудобном галстуке под маленькой аркой на подворье святого Павла...

– Докторс-Коммонс ³⁰, – заметил Лайтвуд, – в коллегии докторов Гражданского права.

– Мне показалось, будто его звали по-другому, – подумав, сказал мистер Боффин. – Ну, да вам лучше знать. – Потом вы и доктор Скоммонс взялись за дело, написали все это как нужно, приняли меры, чтобы разыскать бедного мальчика, и наконец нашли его, а мы с миссис Боффин частенько говорили друг другу: «Вот мы и опять его увидим, при более счастливых

---

²⁹ Азенкур и Креси – места двух битв англичан с французами: при Креси – в 1346, при Азенкуре – в 1415 году.

³⁰ Докторс-Коммонс – особая юридическая коллегия, в компетенцию которой входило рассмотрение дел церкви, Адмиралтейства и споров о наследстве.

обстоятельствах». Но этому не суждено было стать, а печальнее всего то, что деньги в конце концов так ему и не достались.

– Зато они попали в достойные руки, – слегка наклонив голову, заметил Лайтвуд.

– Они достались нам с миссис Боффин только сегодня, только сейчас, к этому-то я и веду; ведь мы столько ждали именно этого дня и этого часа. Мистер Лайтвуд, это было злодейское, жестокое убийство. Оно, неизвестно для чего, обогатило нас с миссис Боффин. За поимку и осуждение убийцы мы предлагаем десятую часть нашего капитала – награду в десять тысяч фунтов.

– Это слишком много, мистер Боффин.

– Мистер Лайтвуд, мы вместе с миссис Боффин назначили эту сумму и на этом стоим.

– Однако позвольте вам заметить, – возразил Лайтвуд, уже не с легкомыслием частного лица, а с глубокомыслием профессионала, – что предлагать такую огромную награду – большой соблазн: это может навести на ложные подозрения; появятся подстроенные улики, фальшивые обвинения. Обещать такую награду – значит играть с огнем.

– Нет, что ж, – сказал несколько озадаченный мистер Боффин, – мы уж решили столько отложить на это дело. А надо ли будет открыто назначать такую сумму в новом объявлении от нашего имени...

– От вашего имени, мистер Боффин, от вашего.

– Ну ладно, пускай от моего, оно ведь у нас с миссис Боффин одно и означает нас обоих, – вот об этом вам самим придется подумать, когда будете составлять бумагу. Но это первое поручение, которое я даю своему адвокату, вступив в права наследства.

– Ваш адвокат, мистер Боффин, – ответил Лайтвуд, делая очень коротенькую заметку очень ржавым пером, – с удовольствием принимает ваше поручение. Будет еще что-нибудь?

– Еще только одно, и ничего больше. Составьте мне завещание покороче, но так, чтоб как можно крепче: насчет того, что весь капитал я оставляю «моей возлюбленной жене Генриетте Боффин, единственной душеприказнице». Напишите как можно короче, вот этими самыми словами, но чтобы оно было крепко.

Не зная, как понять слова мистера Боффина насчет крепости завещания, Лайтвуд стал осторожно нащупывать почву:

– Извините, но профессиональное глубокомыслие требует точности. Когда вы говорите «крепко»...

– Я и хочу сказать «крепко», – объяснил мистер Боффин.

– Совершенно верно. И как нельзя более похвально. Но эта самая крепость должна к чему-нибудь обязывать миссис Боффин?

– Обязывать миссис Боффин? – прервал ее супруг. – Ну нет! С чего это вам вздумалось? Я хочу закрепить все имущество за ней, чтоб его уж никак не могли у нее отнять.

– Закрепить без всяких условий, чтобы она могла с ним делать все, что хочет? Безусловно?

– Безусловно? – повторил мистер Боффин, отрывисто рассмеявшись. – Еще бы! Хорошенькое было бы дело, ежели бы я вздумал к чему-нибудь обязывать миссис Боффин. В мои то годы!

И это поручение было также принято мистером Лайтвудом; приняв его, мистер Лайтвуд пошел проводить мистера Боффина к выходу и чуть было не столкнулся в дверях с мистером Юджином Рэйберном. Свойственным ему невозмутимым тоном Лайтвуд произнес:

– Позвольте познакомить вас, – и объяснил, что мистер Рэйберн весьма сведущий в законах юрист и что он, частью в интересах дела, частью же ради удовольствия, познакомил мистера Рэйберна с некоторыми подробностями биографии мистера Боффина.

– Очень рад познакомиться с мистером Боффином, – сказал Юджин, хотя по его лицу нельзя было заметить никакой радости.

– Спасибо, сэр, спасибо, – ответил мистер Боффин. – Как вам нравится ваша профессия?

– М-м... не особенно, – отвечал Юджин.

– Слишком суха, по-вашему, а? Что ж, мне так кажется, надо несколько лет поработать как следует, чтобы изучить это дело. Самое главное – работать. Воззрите на пчел...

– Извините, пожалуйста, – возразил Юджин, невольно улынувшись, – должен вам сказать, что я всегда возражаю против сравнения с пчелой.

– Вот как! – сказал мистер Боффин.

– Я возражаю из принципа, как двуногое.

– Как что? – спросил мистер Боффин.

– Как двуное животное. Из принципа, в качестве двуногого, я возражаю против того, что меня вечно сравнивают с насекомыми и четвероногими. Я возражаю против того, что в своих действиях я должен сообразоваться с действиями пчелы, собаки, паука или верблюда. Вполне согласен, что верблюд, например, весьма воздержанное животное; но у него несколько желудков, а у меня всего один. Кроме того, у меня нет такого удобного и прохладного погреба для хранения напитков.

– Но я ведь говорил про пчелу, – возразил мистер Боффин, несколько затрудняясь с ответом.

– Вот именно. И разрешите вам заметить, что ссылки на пчелу не вполне основательны. Ведь мы рассуждаем отвлеченно. Допустим на минуту, что между пчелой и человеком в рубашке и брюках существует аналогия (что я отрицаю) и что человеку положено учиться у пчелы (что я также отрицаю); но ведь это еще вопрос, чему он должен учиться? Следовать ее примеру или, наоборот, избегать подражания? Когда ваши друзья-пчелы хлопчут до самозабвения, увиваясь вокруг своей повелительницы, и волнуются от малейшего ее движения, следует ли нам, людям, поучаться величию низкопоклонства перед знатью или же презирать ничтожество «Придворных известий»? Еще вопрос, мистер Боффин, не следует ли разуместь улей в сатирическом смысле?

– Во всяком случае пчелы работают, – заметил мистер Боффин.

– Д-да, работают больше, чем нужно, – пренебрежительно отозвался Юджин, – они производят больше, чем могут потребить, они неустанно хлопчут и жужжат, одержимые своей единственной мыслью, пока смерть их не настигнет. Уж не пересаливают ли они, как вы думаете? И неужто человеку-труженику нельзя даже и отдохнуть из-за ваших пчел? И неужели мне нельзя переменить обстановку, из-за того что пчелы никуда не ездят? Мистер Боффин, мед очень хорош за завтраком, но если рассматривать его с точки зрения рядового школьного учителя и моралиста, то я буду возражать против деспотического хвастовства ваших друзей-пчел. При всем моем уважении к вам.

– Спасибо, – сказал мистер Боффин. – До свидания, до свидания.

Тем не менее почтенный мистер Боффин поплелся прочь, не в силах отогнать от себя неприятную мысль, что на свете есть много неладного и помимо того, что связано с имуществом Гармона. И, шагая по Флит-стрит в таком настроении, он заметил, что за ним по пятам идет какой-то очень прилично одетый человек.

– Ну-с, – круто остановившись, сказал мистер Боффин, прерванный на середине своих размышлений, – что же дальше?

– Извините, мистер Боффин.

– И фамилию узнали? Как это вы ухитрились? А я вот вас не знаю.

– Да, сэр, вы меня не знаете.

Мистер Боффин взглянул в упор на незнакомца, а тот – на мистера Боффина.

– Верно, я вас не знаю, – сказал мистер Боффин, глядя на мостовую, как будто она была составлена из лиц, среди которых он рассчитывал найти похожее.

– Я человек неизвестный, и вряд ли меня вообще кто-нибудь знает, – сказал незнакомец, – но богатство мистера Боффина...

– Ах, так об этом уже болтают! – пробормотал мистер Боффин.

– ...и романтические обстоятельства, связанные с получением наследства, сделали его известным. Недавно мне указали вас на улице.

– Что ж, – возразил мистер Боффин, – надо думать, вы были разочарованы, когда вам меня показали, и если б не ваша вежливость, вы бы так и говорили, я и сам знаю, что смотреть тут не на что. А что же вам от меня нужно? Вы ведь не адвокат?

– Нет, сэр.

– Может, хотите мне что-нибудь сообщить за вознаграждение?

– Нет, сэр.

По лицу незнакомца на миг пробежала тень, но тут же исчезла.

– Если не ошибаюсь, вы шли за мной от моего адвоката и пытались привлечь мое внимание. Говорите прямо! Так или нет? – довольно сердито спросил мистер Боффин.

– Да.

– Для чего вы это делали?

– Если вы разрешите мне идти рядом с вами, мистер Боффин, я вам скажу. Не хотите ли вы свернуть вот сюда – кажется, это Клиффордс-Инн ³¹ – тут нам легче будет услышать друг друга, чем среди уличного шума.

«Ну, – подумал мистер Боффин, – если он предложит мне сыграть в кегли, или познакомиться с джентльменом из провинции, недавно получившим наследство, или купить у него случайно найденную золотую цепочку, я ему дам в ухо!» С этой тайной мыслью, держа трость так, как Панч ³² держит свою дубинку, мистер Боффин свернул в Клиффордс-Инн.

– Мистер Боффин, проходя нынче утром по Чансери-лейн, я заметил, что вы идете впереди меня. Я позволил себе следовать за вами, но не решился с вами заговорить, пока вы не вошли к своему адвокату. Я ждал вас на улице.

«Что-то не похоже на кегли или на джентльмена из провинции, и на золотую цепочку тоже не похоже, – подумал мистер Боффин, – а там кто его знает».

– Боюсь, что вы сочтете мое намерение слишком дерзким, кажется, так поступать не принято, но я все-таки отважусь. Если вы зададите мне или скорее самому себе вопрос, что придало мне такую смелость, то я отвечу: мне говорили, что вы человек прямой и честный, что сердце у вас самое доброе и что судьба наградила вас женой, которая отличается теми же качествами.

– Насчет миссис Боффин это вам верно говорили, – ответил мистер Боффин, опять оглядывая своего нового знакомого. Во всей его манере сказывалась какая-то подавленность: он и шел, не поднимая глаз, хотя чувствовал, что мистер Боффин за ним наблюдает, и говорил пониженным голосом. Но тон у него был непринужденный, а голос приятный, хотя и сдержанный.

– Если прибавить, что я и сам вижу то же, о чем говорит молва: что богатство нимало не испортило вас, что вы ничуть не зазнались, – надеюсь, вы, как человек прямодушный, не заподозрите меня в желании польстить вам, наоборот, поверите, что единственной моей целью было оправдаться перед вами, ибо моей навязчивости нет никакого другого оправдания.

«Сколько? – подумал мистер Боффин. – Должно быть, сейчас начнет о деньгах. Сколько ему надо?»

---

³¹ Клиффордс-Инн – одна из юридических корпораций, обладающих правом присваивать звание адвоката.

³² Панч – главный персонаж английского народного кукольного представления.

– Вы, мистер Боффин, вероятно, перемените образ жизни, поскольку изменились ваши обстоятельства. Вероятно, вы начнете жить более широко, займетесь устройством ваших дел, будете получать много писем. Если бы вы взяли меня секретарем...

– Чем? – переспросил мистер Боффин, широко раскрыв глаза.

– Секретарем.

– Вот это так штука! – произнес мистер Боффин.

– Или сделали меня своим поверенным, как бы ни назвать эту должность, – продолжал незнакомец, удивляясь удивлению мистера Боффина, – и я докажу вам свою преданность и благодарность и, надеюсь, сумею оказаться вам полезным. Естественно, вы можете подумать, что я гонюсь за деньгами. Это неверно – я готов вам прослужить и год и два, – какой хотите срок, а потом уже договариваться о плате.

– Откуда вы приехали? – спросил мистер Боффин.

– Я побывал во многих странах, – отвечал тот, глядя ему прямо в глаза.

Знакомство мистера Боффина с названиями и местоположением чужих стран было довольно ограничено по объему и весьма смутно по характеру, и потому он придал следующему вопросу уклончивую форму:

– Из какого же, собственно, места?

– Я побывал во многих местах.

– Чем вы там занимались? – спросил мистер Боффин.

Но и тут он немногого добился, получив ответ:

– Я учился и путешествовал.

– Не сочтите за вольность, что я так прямо спрашиваю, но все-таки чем же вы зарабатываете на жизнь?

– Я уже говорил вам, чего добиваюсь, – возразил тот, опять взглянув на него с улыбкой. – Все мои планы потерпели крах, и мне нужно начинать жизнь, можно сказать, заново.

Не зная, как отделаться от просителя, и чувствуя себя тем более неловко, что, судя по манерам и внешности незнакомца, с ним надо было обращаться деликатно, почтенный мистер Боффин в поисках вдохновения обратил взоры на замшелый садик Клиффордс-Инна. Он увидел воробьев, кошек, гниль и плесень, а кроме этого, там решительно нечем было вдохновляться.

– Я до сих пор еще не назвал своего имени, – продолжал незнакомец, доставая визитную карточку из тощего бумажника. – Меня зовут Роксмит. Я живу у некоего мистера Уилфера, в Холлоуэе.

Мистер Боффин еще раз изумился.

– У отца мисс Беллы Уилфер? – спросил он.

– Да, совершенно верно. У моего хозяина есть дочь, которую зовут Белла.

Все утро, и даже не одно утро, а несколько дней подряд это имя не выходило из головы у мистера Боффина, и потому он сказал:

– Однако ж это странно! – И, держа карточку в руке, снова уставился на Роксмита, забыв о всяких приличиях. – А кстати сказать, верно, кто-нибудь из этого семейства указал вам на меня?

– Нет. Я ни с кем из них не выходил на улицу.

– Так, значит, вы слышали, как они говорили обо мне?

– Нет. Я занимаю отдельное помещение и почти не общаюсь с ними.

– Еще того чудней! – воскликнул мистер Боффин. – Ну, право, сэр, откровенно говоря, не знаю, что вам ответить.

– И не говорите ничего, – возразил мистер Роксмит, – а лучше позвольте мне зайти к вам на днях. Я не настолько самоуверен и вовсе не думал, что вы почувствуете ко мне доверие с

первого взгляда и возьмете меня прямо с улицы. Если разрешите, я наведаюсь за ответом как-нибудь после, когда вы надумаете.

– Это правильно, я ничего не имею против, – сказал мистер Боффин, – только давайте уговоримся наперед, чтобы вам было ясно, я ведь и сам не знаю, понадобится ли мне когда-нибудь секретарь – кажется, вы сказали «секретарь», не так ли?

– Да.

Мистер Боффин опять широко раскрыл глаза и, оглядев просителя с головы до ног, повторил:

– Странно! А вы уверены, что это так называется «секретарь»? Верно ли?

– Да, уверен.

– Секретарь, – повторил мистер Боффин, вдумываясь в это слово. – Чтобы мне понадобился секретарь или что-нибудь вроде, мало похоже, разве только если мне вдруг понадобится человек с луны. Мы с миссис Боффин еще не решили, будут ли у нас какие перемены в образе жизни. Миссис Боффин большая охотница до всякой моды, но у нас в «Приюте» она уже все устроила по-модному и, может, не захочет ничего больше менять. Как бы оно ни было, сэр, если у вас дело не к спеху, то лучше бы вы зашли в «Приют» недельки через две. Кроме всего прочего, считаю долгом прибавить, что у меня уже нанят литературный человек на деревянной ноге и расставаться с ним я не намерен.

– Очень жаль, что меня уже опередили, – ответил Роксмит с видимым удивлением, – но, может быть, найдутся и другие обязанности?

– Видите ли, – с достоинством отвечал мистер Боффин, – насчет обязанностей моего литературного человека так это дело ясное. По долгу службы он разрушается и падает, а по дружбе ударяется в поэзию.

Не заметив, что удивленному мистеру Роксмиту эти обязанности отнюдь не были ясны, мистер Боффин продолжал:

– А теперь, сэр, позвольте пожелать вам всего лучшего. Можете зайти в «Приют» недельки через две, в любое время. От вашей квартиры это не дальше мили, а дорогу вам покажет хозяин. А если он не знает нового названия «Приют Боффина», то, когда будете у него спрашивать дорогу, скажите, что это и есть дом Гармона.

– Гармуна, – повторил мистер Роксмит, по-видимому плохо расслышав. – Гармана. Как это пишется?

– Ну, насчет того, как оно пишется, это ваше дело, – отвечал мистер Боффин весьма сдержанно. – Вам только надо сказать ему, что это дом Гармона. Всего хорошего, всего хорошего. – И, не оглядываясь, он пошел дальше.

Глава IX

Мистер и миссис Боффин советуются

Отправившись после этого домой, мистер Боффин добрался до «Приюта» уже без всяких помех и доложил миссис Боффин, которая была в туалете черного бархата с перьями, словно лошадь, запряженная в катафалк, обо всем, что он говорил и делал после завтрака.

– А теперь, милая, – продолжал он, – нам надо бы заняться вопросом, которого мы до сих пор еще не решили: именно, не затеять ли нам еще чего-нибудь по части моды?

– Я тебе скажу, Нодди, чего бы мне хотелось, – вся просияв радостью и разглаживая складки на платье, начала миссис Боффин, – мне хочется общества.

– Светского общества, душа моя?

– Да, да! – воскликнула миссис Боффин, смеясь как дитя. – Какой толк, что я сижу тут взаперти, словно восковая фигура, верно?

– Восковые фигуры показывают за деньги, – возразил ее муж, – а тебя соседи могут видеть даром, хоть сам я никаких денег за это не пожалел бы.

– Нет, нет, не в том дело, – возразила жизнерадостная миссис Боффин. – Когда мы работали наравне с соседями, мы друг другу подходили, а теперь, когда мы больше не работаем, мы им не пара.

– Так как же по-твоему, не взяться ли нам опять за работу? – намекнул мистер Боффин.

– Что об этом толковать! Мы получили большое наследство и должны жить, как полагаются богачам: надо знать свое место.

Мистер Боффин, питавший глубокое уважение к природному уму своей жены, ответил после некоторого раздумья:

– Да, пожалуй.

– До сих пор мы жили все по-старому, оттого и не видели ничего хорошего от богатства, – продолжала миссис Боффин.

– Правильно, до сих пор не видели, – согласился мистер Боффин все также задумчиво, садясь на свое место. – Надеюсь, в будущем мы увидим от этих денег хоть какой-нибудь прок. Что ты скажешь, старушка?

Миссис Боффин, сложив руки на коленях и с улыбкой на широком лице, простодушная и вся пухленькая, с пухлыми складочками на шее, принялась выкладывать свои планы:

– Я скажу, что нам нужен хороший дом в красивой местности, хорошая обстановка, вкусная еда и хорошее общество. По-моему, надо только не зарываться, не позволять себе ничего лишнего, вот и будешь жить счастливо.

– Да. И по-моему тоже так, – все так же задумчиво согласился мистер Боффин.

– Господи ты мой боже! – рассмеявшись, воскликнула миссис Боффин и захлопала в ладоши, весело раскачиваясь на диване. – Ведь я сплю и вижу, будто катаюсь в светло-желтой карете парой, с серебряными ступицами...

– Вот ты о чем думаешь, милая?

– Да! – радостно откликнулась старушка. – А на запятках лакей и этакая перекладина, чтобы его не задело по ногам. А на козлах кучер, а козлы широкие-широкие, такие, что втроем усесться можно, и обивка на них белая с зеленым! А гневные знай себе помахивают головами и не столько везут, сколько ногами шутики выкидывают! А мы с тобой расселись в карете, будто важные господа! Ах ты боже мой, ха-ха-ха!

Миссис Боффин опять захлопала в ладоши, затопала ногами и, покачиваясь на диване, утерла выступившие от смеха слезы.

– Как ты полагаешь, старушка, что нам делать с «Приютом»? – спросил мистер Боффин, сочувственно посмеявшись вместе с ней.

– Запереть его. Не продавать, конечно, а поселить кого-нибудь, чтобы сторожил.

– А еще что?

– Нодди, – сказала миссис Боффин, пересаживаясь со своего модного дивана на простую скамью рядом с мужем и уютно просовывая руку под его локоть, – а еще вот что я думаю... право, ни днем, ни ночью не могу забыть ту бедную девушку... ну знаешь, ту, что так жестоко обманулась в своих надеждах на замужество и богатство. Как по-твоему, нельзя ли ей чем-нибудь помочь? Взять ее к себе, что ли?

– И в голову никогда не приходило! – воскликнул мистер Боффин, восторженно стукнув кулаком по столу. – Мысли из моей старушки так и прут, словно пар из паровоза! И сама не знает, как это у нее получается. Ни дать ни взять паровоз!

В благодарность за такое мнение миссис Боффин дернула его за ухо, которое было ближе к ней, и продолжала уже другим тоном, ласковым и матерински заботливым:

– Вот еще о чем я мечтаю. Ты помнишь Джона Гармона совсем малышом, когда еще он не ходил в школу? Еще там, по ту сторону двора, куда он прибегал греться у нашего камина? Теперь ему не поможет больше никакое богатство, да и деньги эти перешли к нам, и вот мне хотелось бы найти какого-нибудь сиротку, взять к себе и усыновить. Мы назвали бы его тоже Джоном, стали бы о нем заботиться. Все-таки мне было бы от этого легче, так мне кажется. Может, ты скажешь, что это просто каприз...

– А я этого не говорю, – прервал ее муж.

– Нет, миленький, да если бы и сказал...

– То был бы просто скотина, – опять прервал ее мистер Боффин.

– Так, значит, ты согласен? Очень мило с твоей стороны, ничего другого я от тебя и не ждала, голубчик. А правда, ведь и теперь уже приятно думать, – продолжала миссис Боффин, снова просияв от радости и с выражением полнейшего удовольствия разглаживая складки на платье, – ведь и сейчас уже приятно думать, что чье-нибудь дитя станет веселее, здоровее и счастливее в память о том несчастном мальчике? И разве не приятно знать, что доброе дело будет сделано на деньги того же несчастного мальчика?

– Да, но еще приятнее знать, что ты моя жена, – отвечал ее муж, – мне всегда было очень приятно это знать!

И, вопреки всем светским стремлениям миссис Боффин, они так и остались сидеть рядышком после этого, – простая, совсем не светская пара.

Эти невежественные и невоспитанные люди на своем жизненном пути всегда руководствовались внушенным религией чувством долга и стремлением делать добро. Тысячу слабостей и смешных черточек можно было сыскать в них обоих; быть может, еще десять тысяч тщеславных мыслей можно было найти в душе жены. Однако даже тот черствый и корыстный человек, который в их лучшие дни выжимал из них все соки, а платил так мало, что они едва сводили концы с концами, – даже он не настолько окаменел, чтобы не признать их нравственного превосходства и не чувствовать к ним уважения. Он уважал их, наперекор своей натуре, в вечном разладе с самим собой и с ними. Таков вечный закон жизни. Ибо зло преходяще и умирает вместе с тем, кто его содеял, а добро живет вечно.

Как ни погряз в корыстных помыслах покойный Тюремщик Гармоновой Тюрьмы, он сознавал всю честность и преданность этих двух верных слуг. Он бесновался, понося их за правдивые и честные речи, но все же эти речи царапали его черствое сердце, и наконец он понял, что все его богатство не в силах купить этих людей, сколько бы он ни старался. И потому, хотя он был для них жестоким господином и ни разу не сказал им доброго слова, он упомянул их в своем завещании. И хотя он твердил чуть ли не каждый день, что ни одному человеку не верит, – действительно, он питал глубокое недоверие к людям хоть сколько-нибудь похожим на него самого, – все же он был твердо уверен, что эти двое людей, пережив его, останутся ему верны во всем, как в великом, так и в малом, уверен так же твердо, как и в том, что он умрет.

Мистер и миссис Боффин сидели рядышком и, удалившись на неизмеримое расстояние от моды, раскидывали умом, где бы им найти подходящего сиротку. Миссис Боффин предлагала дать в газете объявление, которое приглашало бы сирот, соответствующих приложенному описанию, явиться в «Приют» в назначенный день; но так как мистер Боффин по своему благоразумию предсказывал большой наплыв сирот и скопление их в окрестных улицах, то от этой мысли решили отказаться. Затем миссис Боффин предложила обратиться за подходящим сироткой к местному священнику. Мистер Боффин одобрил этот план, и они решили тотчас же сделать визит его преподобию, а заодно уже и познакомиться с мисс Беллой Уилфер, воспользовавшись таким удобным случаем. Для придания вящей парадности этим двум визитам было приказано подать экипаж миссис Боффин.

Выезд миссис Боффин состоял из долгоногой и головастой старой лошади, которая употреблялась прежде для разъездов по делам фирмы, и четырехколесного фаэтона той же эпохи, который давным-давно облюбовали стыдливые куры для несения в нем яиц. Для лошади теперь не жалели овса, а для экипажа не пожалели краски и лака, в результате чего получился, по мнению мистера Боффина, очень приличный выезд, а когда к нему прибавили кучера в лице долговязого и головастого юнца как раз под стать лошади, то в этом отношении более ничего уже не оставалось желать. Кучер тоже употреблялся ранее для разъездов по делам фирмы, но теперь, усилиями бесхитростного местного портняги, он был замурован в долгополый сюртук и гетры, словно в мавзолей, и припечатан огромными пуговицами.

Мистер и миссис Боффин уселись за спиной кучера, в задней части экипажа, которая была довольно просторна и удобна, но имела недостойное и опасное свойство словно икать при каждом сильном толчке, отскакивая от передней половины экипажа. Завидев карету, выезжавшую из ворот «Приюта», соседи высунулись из окон и дверей, кланяясь Боффинам. Среди любопытных, которые бежали за экипажем, глаза на выезд, оказалось много мальчишек, провожавших Боффинов громкими криками:

– Нодди Боффин! Зацапал денежки! Брось возить мусор, Нодди! – и другими приветствиями в том же духе. Эти крики до того оскорбляли головастого юношу, что он то и дело нарушал торжественность выезда, готовясь соскочить с козел и расправиться с обидчиками, и только после долгих и оживленных прений с хозяевами успокаивался, поддавшись на их уговоры.

Наконец район «Приюта» остался позади и показалось мирное жилище его преподобия Фрэнка Милви. Жилище его преподобия Фрэнка было очень скромное жилище, потому что и доход у пастора был тоже очень скромным. По своей должности Фрэнк был обязан принимать каждую бестолковую старуху, тащившуюся к нему со своим вздором, а потому с готовностью принял и Боффинов. Это был совсем еще молодой человек, воспитание которого обошлось очень дорого и которому платили очень дешево, он имел совсем молоденькую жену и целую кучу ребятишек. Чтобы сводить концы с концами, ему приходилось давать уроки древних языков и переводить классиков, а между тем все почему-то думали, что досуга у него больше, чем у последнего лодыря в приходе, а денег – больше, чем у первого богача. Он принимал все ненужные трудности и недостатки своей жизни с традиционным, почти рабским терпением, и если бы предприимчивый мирянин захотел распределить такое бремя более достойно и разумно, то он вряд ли пошел бы ему навстречу.

Мистер Милви выслушал просьбу миссис Боффин насчет сироты по привычке внимательно и терпеливо, хотя едва заметная улыбка показывала, что он обратил внимание на туалет просительницы. Он принял их в маленькой комнатке, где было так шумно и чадно, что казалось, будто все шестеро детей вот-вот провалятся к ним сквозь потолок детской, а жареная баранья нога вот-вот поднимется из кухни сквозь пол.

– У вас, верно, никогда не было своих детей, мистер и миссис Боффин? – спросил мистер Милви.

- Никогда не было.
- Но, подобно сказочным королю и королеве, вам хотелось бы иметь ребенка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.